

[Polaris]

БРАТ

ГУЛИ-БЬЯБОНА

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
О СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXXVII

Salamandra P.V.V.

БРАТ ГУЛИ-БЬЯБОНА

**Рассказы и повести
о снежном человеке**

Том II

Составление и комментарии
М. Фоменко

Издание 2-е, исправленное
и дополненное

Salamandra P.V.V.

Брат гули-бьябона: Рассказы и повести о снежном человеке. Том II. Сост. и комм. М. Фоменко. Изд. 2-е, испр. и доп. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 290 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXXVII).

Йети, голуб-яван, алмасты – нерешенная загадка снежного человека продолжает будоражить умы...

В антологии собраны фантастические произведения о встречах со снежным человеком на пиках Гималаев, в горах Средней Азии и в ледовых просторах Антарктики. Читатель найдет здесь и один из первых рассказов об «отвратительном снежном человеке», и классические рассказы и повести советских фантастов, и сравнительно недавние новеллы и рассказы.

Во втором, исправленном и дополненном издании, антология обогатилась пятью рассказами и повестью. Некоторые из включенных в антологию произведений впервые переведены на русский язык.

В заключительный второй том антологии вошли рассказы, новеллы и повести, созданные в 1930-х – 2000-х гг.

© Авторы, переводчики

© V. Barsukov, переводы, 2014

© М. Fomenko, комментарии, 2014

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2014

Михаил Грешнов

ПОСЛЕДНИЙ НЕАНДЕРТАЛЕЦ

Рис. Б. Алимова

Сейчас, когда три удивительных дня, болезнь и госпиталь позади, я хочу наконец рассказать о моей встрече с неандертальцем. Правда, семьдесят часов, проведенных с ним, и два месяца бреда на госпитальной койке перемешали в памяти картины действительного и фантастического, и мне еще долго нить за нитью придется распутывать эту историю...

Итак, с чего началось?

Тедди Гойлз сорвал с себя кислородную маску: так он делал всегда, когда у него являлась потребность чертыхнуться. Что последует дальше, я знал.

— Черт побери, — сказал он. — С тех пор как ловкач Хиллари взобрался на Эверест, лазанье по горам потеряло для меня всякую прелесть. Поднимись я на десять вершин и если каждая хоть на метр ниже Эвереста — это уже не даст ни славы, ни денег! Три строчки где-нибудь на последней полосе «Нью-Йорк таймс», и все!..

Говорить было трудно: сухой, прокаленный морозом воздух обжигал легкие, но Тедди уже не мог остановиться:

— Три строчки! Хватит!.. Больше меня не заманишь ни в Гималаи, ни в Анды. Ты, конечно, другое дело — ученый. А собственно, что это принесет тебе? Дашь имя еще одной никому не нужной вершине?..

Дурак этот Тедди. Четвертую вершину мы одолеваем не для того, чтобы дать ей название. В моем рюкзаке счетчик космических ливней. Три счетчика уже установлены; эта последняя вершина замкнет квадрат со стороной в сто километров. Автоматы позволят узнать интенсивность потока корпускул, степень естественной радиации на высоте двадцати тысяч футов. Не объяснять же этого Тедди сейчас... Говорить с ним невыносимо. Лучше глядеть на горы.

Вид отсюда великолепный. Гималаи огромной дугой простерлись на запад и на восток; дуга выгнута к северу, точно сдерживает натиск воздушных волн...

Последняя палатка на шестьсот метров ниже нас, ее не видно: при подходе к вершине мы обогнули скалу с северной стороны. Глянешь вверх — кружится голова, и кажет-

ся, что висишь в центре синего шара, синева втягивает в себя, оторвешься — и растаешь в зачарованной глубине...

Тедди на минуту смолкает. В сущности я почти не знаю этого парня. Как он попал в экспедицию? Из-за своей бычьей силы или как сын председателя «Юнайтед Индиен бэнк»?.. Единственное, в чем ему не откажешь, — в выносливости. Недаром его назначили в последнюю пару.

— Шагнем! — говорит он, утаптывая страховую площадку. — Плюнем сверху на паршивые Гималаи, а там — в яхт-клуб, в футбольную команду, хоть в биржевые маклеры, лишь бы подальше от горных красот...

Вонзив ледоруб между камнями, он пропускает меня вперед. До вершины отсюда тянется чистый, обдутый ветрами наст. Слева сахарная поверхность — ее можно тронуть рукой, справа — обрыв...

Шуршит хвост альпийской веревки, которую травит Тедди. Она скользит по снегу и поет тоненько, как фарфор, когда по нему осторожно проводишь пальцем. Это создает особенное настроение. Последние метры перед вершиной всегда особенные. Забыта усталость, не давит плечи рюкзак. Еще шаг, один шаг — и победа! Но осторожнее: прощупывай каждый дюйм. И не поднимай глаз! Высота...

...Что-то треснуло, раскололось, как под алмазом стекло. Мгновенный зигзаг пробежал по снегу, белое одеяло дрогнуло, поползло... Заваливаясь головой вниз, вижу поверхность склона: она курится ослепительным дымом, вспучивается, бурлит... Сейчас веревка натянется, меня качнет по дуге, как маятник, гвоздь крепления которого — Тедди. И точно — рывок...

В тот же миг что-то лопается во мне, как кровеносный сосуд. Взмывает конец веревки, струной повисает в воздухе. Меня переворачивает, швыряет, кружит, погружает в снег, выбрасывает из снега и тянет вниз. Тщетно хватаю снежные комья, они вспыхивают в руках белым дымом... Рюкзак то оказывается перед глазами, то колотит меня по спине. Кругом стон и шелест, небо и горы пляшут, солнце шарахается вверх и вниз. Но страха почему-то не чувствую: каждый толчок сигнализирует мне, что я жив, и я жду

следующего толчка, чтобы убедиться, что еще жив. И если я не стерт в порошок, то, наверное, потому, что нахожусь на самом вершине лавины. Так продолжается до бесконечности... Но вот меня с силой ударяет о снеговую подушку, бросает ногами вперед в сугроб...

Сознание возвращалось ко мне медленно. Сначала я почувствовал боль во всем теле. Потом ощутил, что лежу не в сугробе, руки и ноги мои свободны. Вокруг тишина. Лавина заглохла, опасности нет... Тишина удивительно мягкая.

И вдруг в тишине кто-то дышит. Склоняется надо мной, сдерживает дыхание. Зверь?.. Открываю глаза и в упор встречаю точки зрачков — колючих, как иглы. Горячая волна охватывает меня, приподнимает... Зрачки еще ближе. Нестерпимая боль опрокидывает меня на спину, опять все тонет во тьме...

Но как ни коротко виденное, оно осталось в мозгу. Зрачки оттенялись коричневым ободком на серых, похожих на мрамор белках; над ними — выдвинутые вперед брови, слитые в общий надглазный вал, и за ним — ничего: лба нет... Коричневая, собранная в морщины кожа. Губы едва прикрывают зубы, плоский нос, подбородок скошен, шеи нет, голова приросла к плечам... И все же это не морда зверя, это лицо!.. Больше того: оно покривилось, придвинулось ко мне, губы раскрылись:

— Йа-а...

Никогда в жизни я не встречал такого лица!.. Может быть, это бред, нахлынувший вместе с обмороком? А если не бред?..

И еще краешком глаза я заметил, что лежу в ущелье. Небо над ним точно река, несущаяся в вышине...

Очнулся я от ударов камня о камень. Рядом никого не было. С трудом поднимаюсь с земли и, держась за камень, делаю несколько шагов по ущелью. Вижу его. Он сидит на земле и ест.

Отрывает куски от туши, в сумерках не могу различить, что перед ним: горный баран?.. Кости дробит на камне... Я

смотрю на него, пока он не оборачивается ко мне. Тогда я сползаю с камня на землю.

Пытаюсь собраться с мыслями: как я сюда попал? Один в ущелье я прийти не мог. Меня кто-то привел или принес. Он?.. Рядом рюкзак, веревка... Несколько минут я занят веревкой. Конец ее не разорван, не перетерт. Он отрезан ножом. Гладко и чисто — одним ударом... Почему-то не удивляюсь: уж очень хотелось Тедди в яхт-клуб, и только...

Спиной ощущаю камень. Это приятно: спина болит, холод камня успокаивает боль... В ущелье темнеет, а вершины горят на солнце. Небо синее, с лиловатым оттенком — такое оно в Гималаях, когда предвещает долгую безветренную погоду... Будут ли меня искать? Тедди, конечно, скажет, что я погиб.

От размышлений меня отвлекли шаги. Это он. Подходит, протягивает что-то. Пальцем ощущаю липкое и холодное.

Мясо. В первый момент хочу отшвырнуть кусок, но сдерживаюсь, беру. Слышу сопение, шаги удаляются. А я держу и не могу бросить мясо, будто оно приросло к рукам. Этот кусок с шерстью и кожей — не только дар и не только пища, это акт человечности. Зверь мог найти меня на снегу, мог притащить в логово, мог пренебречь мной как добычей. Но спасти и накормить слабого может только человек.

Теперь я не боюсь.

Встаю и, волоча за собой рюкзак, иду туда, где он ел. Он еще там. Останавливаюсь шагах в трех от него:

— Можно с тобой... Адам?

Молча он принимает имя, сорвавшееся у меня с губ. Молча укладываемся на ночь.

Утром готовлюсь идти с Адамом. Веревку я бросил. Из рюкзака вынул счетчик, теперь ненужный, чтоб не давил плечо...

Мы вышли из ущелья навстречу солнцу. Впереди был пологий спуск в долину, зажатую между хребтами, позади снег, заваливший расселину. До ущелья, которое мы покинули, лавина не дотянулась. Под ногами у нас расстился луг, там и тут виднелись родники, питавшие водой травы и заросли невысоких кустов. Адам шел не торопясь, и, пока мы двигались вниз, поспевать за ним было нетрудно. На ходу он раскачивался, как моряк на палубе корабля, ноги ставил тяжеловато, но твердо, руки его свисали ниже колен.

Утро было временем его завтрака, и он на ходу вырывал из земли корни растений и ел. Находил он их по запаху или процесс собирания был механическим? Меня удивило, что Адам при этом ни на секунду не останавливался: без труда, без усилий он непрерывно наклонял немного корпус то вправо, то влево. Был своеобразный ритм в этих покачиваниях, напоминавших танец, наподобие ритуальных движений первобытного земледельца. Я тоже попытался было так же, как Адам, вырвать растение, но у меня, конечно, ничего не получилось: мешал рюкзак, бо́льшая

рука, стебель отрывался, а корень оставался в земле... Я ошибся, решив, что собирание не требовало труда. Еще какого труда стоило мне выкопать корешок, когда я специально задался этой целью. Корешок получился мятый, истерзанный и не вызывал аппетита. К тому же я отстал от Адама, пришлось догонять его. Наверное, даже зная все съедобные корни, я не сумел бы позавтракать таким способом — требовались сноровка и опыт, как у Адама.

В тот же день я видел, как Адам добывает мясо. Было это после полдненной лежки.

Похоже было, что день у Адама спланирован в голове: утро — время завтрака, в полдень — продолжительный отдых, вечером — опять добывание пищи, охота. И в пространстве Адам ориентировался явно сознательно. Мысль о блуждании наугад я решительно отвергаю. Возможно, у него свой район — «плантации» и «охотничьи угодья»; грецкий орех, желуди, корни и травы, охота дают ему достаточно пищи, жильем служат скалы и заросли. Адам явно не новичок в этих местах.

Мы спустились с лугов, миновали несколько ореховых рощ и проходили мимо такой же, ничем от других не отличавшейся, как вдруг Адам остановился, раздвинул ветви и полез в гущину. Это было кстати для нас обоих: шерсть на его спине взмокла от пота, я еле передвигал ноги. Вслед за ним полез в чащу и я. Здесь было прохладно и зелено. Мы уснули. (Вообще я заметил, что Адам много спит. Сказывается ли здесь высота или необходимость быстро восстанавливать силы, но если Адам не в движении, он дремлет или засыпает совсем.)

Я не боялся, что Адам воспользуется моим сном и уйдет. Стоило ему захотеть, он скрылся бы от меня в первой расщелине. Но этого не случилось. Почему? Испытывал ли он ко мне своего рода симпатию или не замечал вовсе? Первое для меня было приятнее, хотя я не мог понять, чем внушаю ему доверие. Тем, что беспомощен, безоружен?

Первым проснулся я и, наверное, хрустнул веткой, когда повернулся взглянуть, здесь ли мой спутник. Адам бесшумно приподнялся, повел головой — при этом плечи его

вместе с головой качнулись вправо и влево, — так же бесшумно встал на ноги, вышел из чащи. Я продрался за ним. Он уже был метрах в двадцати. Шагал он широко, даже руки раскачивались сильнее.

Но вот кусты кончились. Адам пошел медленнее. Я тотчас догнал его. Перед нами была лощина, заросшая травами, — маленький зеленый оазис, затерявшийся в горах. Солнце садилось позади нас, освещало желтые скалы. Зеленень и желтизна, запах цветущих трав смешивались, и лощина казалась заполненной свежим прозрачным медом. В устье лощины горбами высились камни. Чем ближе мы подходили к ним, тем осторожнее становились шаги Адама, вкрадчивее движения. Я подумал, что Адам боится чего-то, может быть зверя. Но это было не так: он охотился.

Вдоль лощины тянулась тропа, выбитая копытами. Здесь проходили стада горных козлов. Адам, видимо, знал эту тропу, знал, когда животные спускаются к водопою. Подойдя к лощине, он пригнулся к земле, и его не стало видно среди камней. Я тоже присел за камень.

Тянул слабый, прохладный по-вечернему ветерок. Ни один звук не нарушал тишины. Солнце ушло за горы. Желтые осыпи стали оранжевыми, потом красными, потом бурыми. Но воздух был настолько прозрачный, что предметы даже на большом расстоянии можно было рассмотреть, как сквозь увеличительное стекло. Я видел горловину ущелья, тропинку, камни, в которых залег Адам. А вот когда подошли животные, я не видел. Внезапно среди камней во весь рост встал Адам и метнул — мне показалось — глыбой в траву. Тут же он прыгнул в направлении, куда полетел камень, и через секунду я услышал резкий крик животного: горный козел бился в руках Адама.

Вечером мы разговариваем.

— Не обижайся, — говорю я Адаму, — сырое мясо мне не подходит.

— Йа-е... — неопределенно откликается Адам, глядя, как я мешаю варево. К счастью, у меня сохранились таблетки

сухого спирта и дюралевый футляр от счетчика, который я использовал вместо кружки.

Адам и сегодня поделился со мной добычей. Теперь его интересует голубое пламечко и весь комплекс движений, которые я совершаю над металлической банкой. Костер я не развел, полагая, что огонь испугает Адама. Спирт дает мало тепла, и приготовление супа затягивается. Адам время от времени дремлет. Мне хочется угостить его варевом, и, чтобы он не заснул, я развлекаю его разговором:

— Соли у нас нет. Но все равно суп получится, бульон... — Время от времени я вынужден отвлекаться от дюралевой миски, плечо у меня распухло, левую руку я поддерживаю здоровой правой; сидим мы под навесом скалы, в нише, выдолбленной ветром или морозом. — Вот если бы ты полечил мне руку, — говорю я Адаму. — Плечевой сустав, кажется, вывихнут. Но ты, пожалуй, ничего не сделаешь...

— Уф-ф... — вздыхает Адам.

Мне нравится это «уф-ф...» Адам покладистый малый. Жаль, что большего сказать он не может. Есть ли у него сородичи, где они? Почему он бродит один, где бывает зимой? А ведь Адам немолод: в бороде его седина, на голове и на груди тоже седые волосы...

Но вот суп готов. Адам наблюдает, как я, обжигая пальцы, вынимаю из банки мясо, стужу на листьях бадана.

— Сейчас, — говорю я. — Пусть только остынет.

Выкладываю перед ним галеты и шоколад — весь свой аварийный запас.

Вареное мясо Адам не ест. К банке с бульоном не прикасается. Галеты не принимает; днем я пытался угостить его галетами, он и тогда не взял. Может быть, они кажутся ему пыльной галькой? Зато шоколад Адаму по вкусу. Он долго разжевывает кусочки, причмокивает губами.

На рассвете возобновляется кружение по горам. Мы поднимаемся выше, все повторяется: те же луга, те же поиски еды. Мы идем из одной лощины в другую, через луга, ручьи, завалы камней. Я не обращаю на них внимания. Я занят собой и своей болью. Из нижней рубахи я сделал

перевязь для руки. Когда несу руку перед собой, становится легче. Впрочем, боль не проходит ни на минуту. Мне нужен отдых. Как это объяснить Адаму? Пробую морщиться и стонать, показываю на руку, но Адам меня не понимает.

Солнце уже высоко, жжет нестерпимо. Адам направляется вниз. Он устал, старый Адам, движения его замедлены, вялы.

Спускаться легче. Я почти наступаю ему на пятки. Вот уже близко заросли. Зачем-то Адам уклоняется в сторону, а я по инерции иду прямо. И все это время оглядываюсь: пойдет он за мной или выберет другой путь? Адам идет следом, но я вполглаза слежу за ним. Вот и кусты. Обхожу один куст, другой, чтобы веткой не зацепить руку, выхожу на поляну и... натыкаюсь на барса. Он шагах в шести от меня. Секунду разглядываю его... Все в нем красиво и совершенно: зрачки, перечеркнутые черной молнией, согнутые, готовые к прыжку лапы, нескончаемо длинная, усыпанная темными кружками спина, и еще дальше — уже в неподдающемся отдалении — белый кончик хвоста... Сейчас зверь взвоется в воздух, опрокинет, сомнет... Эта мысль пригвоздила меня к земле, лишила воли. Только в мозгу кружилось и щелкало одно слово: «конец...»

Чуть заметно барс подтянул заднюю лапу перед прыжком. В тот же миг сильные руки-клешни схватили меня и бросили на траву. Там, где я только что находился, встал Адам. Не вялый, истомленный жарой человек, а яростный зверь: глаза его сузились, на затылке и на спине поднялась шерсть... Если для меня была неожиданной встреча с барсом, для зверя не менее неожиданной была смена лиц. Вместо полумертвого от страха хлюпика, с которым можно разделаться ударом лапы, перед ним встал властелин Гималаев. Зверь взревел. Уклониться от встречи он уже не мог — весь он был как взведенная пружина. Но принимать бой с сильнейшим из всех врагов опасно, и зверь вымерял прыжок, чтобы не ошибиться — накрыть человека всей своей тяжестью. Адам пригнулся, почти присел, выдвинув впе-

ред могучие руки. Он следил за каждым мускулом зверя, точно рассчитывая свои движения и его.

Я смотрел на Адама. Я видел его в эти дни по-разному: на лугах он напоминал крестьянина, пропалывающего гряды, на охоте — охотника. Сейчас это был зверь, сильный и беспощадный.

Они прыгнули одновременно. Барс рассчитывал опуститься на человека всеми четырьмя лапами, поджав задние в те доли секунды, когда он будет в прыжке. Но в момент наивысшего взлета, когда тело зверя было распластано в воздухе, Адам оказался точно под брюхом барса и схватил его за задние лапы. И уже не дал ему опуститься на землю. Могучим движением руки он раскрутил зверя над головой и, вложив в последний рывок всю силу, ударил его головой о камень...

Нервное потрясение и болезнь вызвали у меня бред. Ночью я метался в жару, тревожил Адама, утром не мог подняться на ноги. С рассветом Адам начал мучить голод. Несколько раз он порывался идти на розыски пищи, но я звал: «Адам!», и он оставался. Наконец он сел рядом, примирившись с тем, что уйти от меня нельзя. Лицо его было сосредоточено, брови сведены. Забытье приходило ко мне, уходило, а он все сидел неподвижно.

Около полудня, когда засверкало солнце, бродившее все утро в тумане, и я лежал, отогревшись, уняв колотивший меня озноб, Адам вдруг поднялся и пошел прочь. «Адам!..» — крикнул я. В ответ зашумели кусты: Адам побежал. Меня охватило отчаяние, я пополз сквозь чащу, продираясь через кустарники, но силы поминутно оставляли меня, и, выбравшись на поляну, я уже не мог ползти дальше. Ткнулся лицом в землю и заплакал. От жалости к самому себе, от жестокости Тедди, оттого, что Адам бросил меня на краю гибели. Но что мог сделать Адам? Все, что в его силах, он сделал. Зачем ему возиться со мной? Адам — часть природы, в его понимании и я часть природы. В природе выживает сильнейший. Если я не могу двигаться, бороться, добывать пищу, я уже мертв...

...Проходили часы. Солнце поднималось все выше... Хочется пить. Всю ночь мне хотелось пить, и теперь жажда помрачает рассудок: кажется, что надо мной, а быть может, во мне самом, безостановочным кругом вращается странная черно-белая ночь. Когда всходит белая половина круга, я стараюсь как можно глубже вздохнуть, потому что черная половина тянет меня в пучину, где нет света и воздуха. И так беспрерывно — вверх-вниз, вверх-вниз...

Я зову: «Адам!...»

И Адам приходит. «Ты?» — я не верю глазам. Адам сбрасывает с плеч козленка. Козленок живой и пегий, шерстка его в солнечных пятнах... И опять начинается бред:

Адам запрокидывает козленку голову, вонзает ему в шею крепкие белые зубы... Кровь он засасывает себе в рот, и, когда щеки его отдуваются, будто за каждой по яблоку, Адам тянется ртом ко мне. «А-а-а...», — кричу я, отталкивая Адама. Но коричневое лицо надо мной, губы касаются моих губ. «А-а-а...» — чтобы не захлебнуться, глотаю теплую пряную жидкость. Она разливается жаром по моему телу и утоляет жажду... Потом я дышу, дышу и смотрю на небо: сквозь ветки и листья оно кажется зеленым, как индийский шелк...

В это время издали, из-за вершин, появляется странный звук. Очень знакомый, но я не могу определить, что это. Не шум ветра и не звон ручья. И не шелест дождя. И не рокот грома. Адам тоже слышит его и пугается.

«Вертолет!» — догадываюсь я.

Пытаюсь вскочить на ноги, выбежать из кустов. Где ползком, где на четвереньках выбираюсь на середину поляны.

— Вертолет!.. — кричу я, размахивая рукой. И падаю на землю в беспамятстве.

А потом вижу, как хлопочут надо мной люди, Люсьен Тома из нашего альпийского лагеря. Они поднимают меня, втаскивают в люк.

— Адам! — кричу я. — Адам! — вырываясь у них из рук.

— Джонни, ты бредишь, — успокаивают они меня.

— Адам!.. — Я отбиваюсь от них здоровой рукой. Но их трое, они втаскивают меня в кабину.

Позже я узнал историю моего спасения. Лавина отгрохотала на противоположной от лагеря стороне. Тедди вернулся один.

— Где Джонни? — спросили у него.

— Оборвалась веревка... — Он показал на свой пояс.

Меня искали. Обшарили склон и не нашли.

— Я видел, — утверждал Тедди, — его сразу накрыло снегом...

Ему поверили.

На вершине горы поставили счетчик, уже укладывали палатку, когда Оливер Хови увидел орла. Тот пролетал над

ущельем, унося в когтях что-то длинное, развевающееся в воздухе.

— Змея!

— Альпийский линь!..

Хови схватил ружье. Он был лучшим стрелком-охотником и сейчас на глазах у всех доказал свое мастерство. Выстрел — орел с добычей свалился вниз.

В когтях у него оказался кусок веревки, отрезанный наискось ударом ножа...

Через час Тедди уходил прочь. Ему бросили банку консервов и ледоруб. Уходил он, втянув голову в плечи и часто оглядываясь: не всадят ли ему пулю между лопатками. Но никто не хотел марать об него руки.

Тогда и вызвали вертолет.

А что же Адам?..

Передо мной десятки книг и статей о снежном человеке, непальском йети, монгольских аламасах, троглодитовых людях... Я беседовал с историками, антропологами, все они излагали мне свои взгляды, гипотезы... Все это казалось мне мало убедительным.

Но вот статья русского профессора Поршнева. Он высказывается прямо: снежный человек — вздор. Если говорить о таинственном существе, живущем в Тибете и Гималаях, то оно вовсе не обитает в снегах. Оно может пересекать снежные склоны, переходя из долины в долину, оставляя отпечатки ног на снегу. Это, утверждает профессор, остаточная ветвь человека неандертальского, реликт, который сохранился в труднодоступных местах нашей планеты...

Встреча с Адамом, проведенные с ним три дня дают мне право присоединиться к этому мнению.

Скептики — они есть и среди моих друзей — сомневаются, был ли Адам вообще. Если был, то почему один? — спрашивают они иронически. Не знаю. Да, Адам был один в этой долине, может быть вообще в Гималаях. Недаром с такой привязанностью отнесся он к человеку. Может быть, это был последний неандерталец?

В свою очередь я спрашиваю скептиков, не отказывая себе в удовольствии видеть их вытянувшиеся лица: кто вызволил меня из лавины, перенес в ущелье и после этого три дня водил по гималайским склонам? Кто убил снежного барса? Кто принес мне козленка? О козленке меня спрашивали тысячу раз, горло его было прокушено, это подтвердят летчики. У меня вывихнута рука, я был подобран в таком состоянии, что не мог убить даже мухи... Кто же это был?

Геннадий Прашкевич

Я ВИДЕЛ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Рис. Э. Гороховского

Шерп закричал и, взмахнув руками, исчез в снежном облаке. Страх заставил меня вцепиться в гнущуюся рукоять ледоруба, но ледяная глыба переломила ее, и, перевернувшись через голову, я упал в несущийся по кулуару* снег. Только не быть засосанным! Я отталкивался, выгребал руками и ногами, скользил, обдирая лицо, а вокруг, забывая глаза, рот, уши, со свистом и шипением летели струи снега, будто я внезапно попал в кипящий котел.

Ударившись о камень, я рывком бросился в сторону и, вырвавшись из снежных объятий, пополз к угрюмо возвышающимся над бортом кулуара скалам. Снежный поток распался, и только внизу еще клубилось белое облако, пронизанное сияющими радугами.

И все смолкло. Только запорошенные мельчайшей снежной пылью скалы вели странную басовую ноту. Я поднял голову и понял, что в этом безмолвном мире остался совсем один.

Далекая пирамида Джомолунгмы развевала по ветру снежный султан. Она походила на всклокоченное чудовище, и, представив метель, гудящую на ее вершине, я подумал — там еще хуже... Лходзе и Нупзе были так же величественны, и все-таки ни они, ни Джомолунгма не казались отсюда самыми большими. Ама-Даблан придавил все, — его громада по-настоящему закрывала полгоризонта...

Вставай, сказал я себе. Вставай... Там, внизу, Пасанг, шерп, которому ты еще не заплатил за сезон... Шерп, который послушно таскал твои мешки и ни разу не отказался от самых безумных маршрутов, несмотря на страх, который внушала ему поставленная тобой цель...

* Кулуар — узкое ущелье.

Я встал.

Только что долина подо мной была затоплена тяжелым туманом, но теперь он расплылся, и я увидел внизу вдавленное как линза черное ледниковое озеро, сжатое почти вертикальными стенами. След лавины шел к озеру, но перед самым берегом отклонялся, разбиваясь о щетку скал, вылезających из снегов как голые пальцы... Где-то там лежал шерп Пасанг...

Горше всего было сознавать, что все случилось в трех шагах от триумфа. Ведь я видел черную тень, мелькнувшую передо мной, видел отчетливую цепочку следов... Это мог быть только йети! И теперь, когда я это знал, судьба не пускала меня к вершине. Она гнала меня вниз, за потерянными спутником. Я готов был бить кулаками по снегу, слезы подступали к глазам, но изменить случившееся было не в моих силах. Я проиграл. Только это смутное видение тени останется моим, видение, которое никого не убедит и ничего не докажет...

Ладно, сказал я себе, главное сейчас — найти шерпа.

А если он мертв?

Я покачал головой... Я должен найти шерпа. Это закон. Ничто не дает мне права оставить в снегах человека, бросившись в погоню за тенью. Великой тенью, но все-таки тенью!

Но за это время йети уйдет, и ты его уже никогда не увидишь!

Хватит... Главное сейчас — разыскать шерпа. Он мой спутник. Все у нас было на двоих — теплые биваки в палатках, с горячим чаем и ромом, и холодные биваки в стременах, когда мы оба зависали на штормовых лесенках, прихваченных к скалам металлическими крюками... И траверсы по вертикальным склонам... И надежды, хотя и свои у каждого...

Уйдет столько времени, а ты можешь и вообще не найти шерпа. Его могло всосать в самую пасть лавины, похоронить под тысячами тонн льда и снега. А йети будет уходить все дальше и выше...

Странный повторившийся хлопок заставил меня обернуться. По крутой скале, помогая себе крыльями и черными клювами, взбиралась стайка лерв, глупых и невозмутимых. Птицы подолгу задерживались у каждой трещины, перекликаясь ворчливо и хмуро... Выбив снег из-под куртки, я снова взглянул вниз, на пелену тумана, под которым был похоронен снегами шерц, — человек, так искренне удивлявшийся таким, как я, вторгающимся вдруг в Непал только для того, чтобы взглянуть на царство восьмитысячников и помериться с ними силой... Как он представлял себе Европу? Скалистой страной, в которой все жители одеты в меховые куртки и вооружены ледорубами?.. Ведь шерпы понятия не имели, что делается за пределами их закрытой горной страны...

Лервы приблизились и встревоженно уставились на меня круглыми черными глазами. Я осторожно ступил на ледяную ступеньку, начало лестницы, должной привести меня к озеру... Будь у меня веревка, я проделал бы этот путь за считанные минуты, но у меня не было ничего — и ледоруб, и рюкзак отняла лавина...

Я цеплялся за камни и по холодку, пробегающему по спине, чувствовал, что снова иду по лавиноопасному склону... Туман затопил расщелину кулуара, и иногда я не видел, куда ставлю ногу. Раза два я пересек трещины, заросшие ледяными кристаллами, — настоящий асимметричный лес из пирамид, зубцов, конусов, прозрачных или густо-зеленых, и даже на вид холодных. Еще час назад я надолго бы остановился перед удивительными кристаллами, но сейчас едва лишь на них взглянул...

Когда стены скал, сжавшие чернильное озеро, поднялись надо мной, я остановился, пораженный величиной ледяных козырьков, свисающих вниз как гигантские застыв-

шие водопады. Страх снова мучил меня — я боялся найти раздавленного снегами шерпа. Наверное, мне было бы легче искать его, если бы он был как-то виноват в падении, если бы он допустил хотя бы одну из тех ошибок, от которых в горах не застрахован ни один человек, — но я ни в чем не мог упрекнуть Пасанга. Он был шерп, то есть человек, исключительно способный носить грузы на больших высотах и при этом не ошибаться...

Подняв голову, я увидел в разрывах тумана смутные вершины зубчатого хребта. Солнце окрашивало их в желтые и зеленоватые тона, но я знал, что через некоторое время каменные гиганты вспыхнут ледяной белизной, чтобы сразу, внезапно, рухнуть в гималайскую тьму.

Порывы ветра разогнали туман, и с узкого гребня, последнего препятствия перед озером, стала видна далеко внизу долина, усыпанная пятнами крошечных деревень, и светло-голубая лента реки... Еще дальше темнела одинокая вершина, рядом с которой каждый ее ледник казался высеченным из хрусталя. Она была такой четкой, что я мог почувствовать непрерывно меняющийся узор теней, отбрасываемых солнцем, и горькое сожаление об упущенном триумфе вновь вернулось ко мне.

Переведя взгляд, я вздрогнул... Внизу по берегу озера шел шерп. Сгорбившись, припадая на одну ногу, он преодолевал сугробы, и я почувствовал колоссальное облегчение.

Жители гор умеют перекликаться на громадных расстояниях, я это помнил. Секрет заключается в правильном ритме речи — так читают вслух в соборе, и, сложив руки рупором, я закричал, растягивая гласные... Звук медленно пронизывал морозный воздух, но шерп не откликнулся. Больше того, он повернул и пошел прочь от озера, к далекой морене. И только после повторного крика остановился и странно помахал рукой, будто желая обратить мое внимание на что-то, чего я не видел с гребня. Наверное, решил я, внизу застрял ледоруб ил и рюкзак, и он просит меня не пройти мимо...

Теперь я думал лишь об йети. Если он пошел вверх, мы сможем перехватить его. Сможем. Перевал наверху был ложным, он упирался в закрытый цирк, и йети должен был повторить возвращение...

Остановившись передохнуть, я с удивлением отметил, что шерп успел уйти далеко, но кричать я не стал — если Пасанг нашел нужным пойти на морену, значит, у него были на то причины... Я ждал теперь только конца уже не опасного, но все еще мучительного спуска, и когда снег подомной перестал крошиться и осыпаться, сел, тяжело и устало дыша.

Туман стянуло вверх. Он висел над замкнутым амфитеатром тоненьким колеблющимся потолком, пропускающим сквозь себя рассеянные лучи солнца. Озеро и вблизи было как черные чернила, хотя сквозь его мглу можно было рассмотреть каждую расщелину на неглубоком дне. Плоский берег был идеальным местом для бивака, и я сразу увидел свой рюкзак, вытащенный шерпом из выноса снежной лавины. На рюкзак он, наверное, и указывал.

Вытащив палатку, я укрепил ее между камней, забив снегом длинные полы. Работая, я посматривал на близкую гору, с вершиной, похожей на рыбий хвост. Она не курилась, и я надеялся, что это признак хорошей погоды. Тогда, думал я, завтра мы сможем повторить восхождение и, может быть, вновь наткнемся на след йети.

Стая лерв опустилась на берег и, хлопая крыльями, побрела к воде. Птицы шли так уверенно, что я испугался — они не заметят ледяную воду! — но у самой кромки ее они повернули и двинулись к следу шерпа. Какая-то странность была в этом следе... Я подошел вплотную — и мерзкий холодок опять пронизал меня: шерп ушел босой!.. Все мои надежды рухнули сразу и окончательно, потому что разутый лавиной человек не может уйти далеко, даже если он сумасшедший...

Нашарив в рюкзаке фонарь, я снова подошел к следу. Если шерп вытянул из лавины рюкзак, лихорадочно думал я, значит, он был в уме и мог обернуть ноги какими-нибудь тряпками... Если он сошел с ума, он не стал бы искать рюкзак...

Взошла луна и осветила морену.

Теперь я не торопился. Тщательно осмотрел следы. Возле берега они расплывались, но выше, на свежем снегу, были достаточно четки. Они были крупнее моих, а большой палец странно вывернут в сторону. Кроме того, у пятки можно было проследить два треугольных отпечатка, как от пучка волос...

Нет, это не были следы шерпа, и я сразу нашел тому доказательство — там, где идущий попал ногой в расщелину, на камне остался пучок колючей щетинистой шерсти. Затаив дыхание, я собрал рыжевато-коричневые волоски. Это мог быть только йети... Но кто же тогда вытащил рюкзак из завала?

Я осмотрелся.

Опять понесло туман, и окружающее приобрело жутковатый оттенок — гигантские тени, как безмолвные драконы, всплывали в ущелье и распускали надо мной мягкие страшные когти... Я медленно двинулся к кулуару... За ночь, думал я, пока я буду раскапывать шерпа, йети тоже уйдет...

Крик, похожий на заунывный стон чайки, донесся издали, сверху. Я поднял голову и в неверном лунном свете увидел на каменной глыбе, поднявшейся над ледяным сераком, черную тень. Я сразу вспомнил истории о черных альпинистах — поморозившихся на ветру и холодах. Только высота может уберечь этих несчастных от гангрены, и, отверженные, они годами бродят по вершинам, желая и боясь оставленного внизу мира... Вот еще один, подумал я, рассматривая черную тень. Мне даже показалось, что я вижу за его спиной рюкзак. Больше того, на секунду блеснуло в лунном свете острие ледоруба, которым он цеплялся за кам-

ни... Впечатление было настолько сильным, что на секунду я поверил, будто это и впрямь заблудившийся европеец. Но мой крик не произвел никакого эффекта. Тень растаяла...

Ночь призраков, думал я. Шерп... Йети... Следы... И как бы для того, чтобы окончательно меня запугать, обнаружился новый след. Он шел от завала к озеру и вдруг, не пересекаясь со следом йети, резко сворачивал в сторону... Я не мог сшибиться: ботинки шерпа были на острозубых кошках, и это был именно он, смертельно боявшийся даже упоминаний об отвратительном снежном человеке — тхлхмунге, как он его называл.

Я настолько устал, что находка только успокоила меня. На радость сил не было. Но, прежде чем отправиться в палатку, я проследил след шерпа до самой морены и убедился, что он вел вниз, в долину, к хижине буддиста-отшельника, у которого мы оставили свои вещи... Сколько людей, думал я, пыталось увидеть хотя бы тень, хотя бы силуэт йети, найти хотя бы самые ничтожные доказательства его существования! Экспедиции обшаривали пещеры и ледники, исследователи выманивали у тибетских лам скальпы, якобы принадлежавшие йети, создавались международные комитеты, но йети не торопился к долгожданной встрече, и сведения о нем воспринимались лишь как отзвуки странных легенд...

Я прошел около коша. Это непальская мера. Она равняется примерно двум милям, однако местные жители обращаются с ней весьма произвольно. Когда они говорят, что до цели остается два коша, это не значит, что вам придется идти четыре мили — просто вас ожидает достаточно долгий путь... И сейчас я сказал, что прошел кош, не потому, что знал точное расстояние, а потому, что слишком устал и мне трудно было сориентироваться на морене.

Далекie вершины, затопленные лунным светом, курились. Могла налететь метель, но в это почти не верилось, так тихо и пустынно было вокруг. Тихо? Я прислушался... Станный звук, будто за ближайшим сераком что-то задребезжало, удивил меня. А потом я услышал кашель!

Я онемел. Но мог поклясться, что кашель мне не послышался... Прислушался и уловил его вновь... Медленно, стараясь не скрипнуть, не зашуршать, не наступить на пленку трескучего льда, я обошел серак и увидел странное существо, уткнувшееся в снег. Размерами оно не превышало четырнадцатилетнего мальчика, и я разглядел волосатую голову, странно сходящуюся на макушке, как конус, и лохматую спину... И этот зверь или человек, спрятав лицо в широкие ладони, надрывно и тяжело кашлял.

Я забыл обо всем. Забыл об усталости, забыл даже о шерпе.. Я видел, наконец, то существо, из-за которого снаряжались огромные экспедиции, из-за которого гибли прославленные альпинисты, из-за которого спорили лучшие ученые мира! И пока йети, — а это был он! — меня не заметил, я лихорадочно перебирал в голове десятки вариантов, главным из

которых оставался все же самый простой — оглушить йети и унести его в палатку...

Я всмотрелся.

Йети сидел прямо в сугробе, тело его было напряжено, локти вывернуты наружу, отчего руки казались кривыми. Слабый запах, напоминающий запах мокрого войлочного одеяла, исходил от него. Видимо, йети был очень болен...

Я был готов к тому, что, увидев меня, йети вскочит и бросится бежать, но он лишь медленно поднял голову и, странно вывернув шею, посмотрел на меня маленькими слезящимися глазами. По лбу и через макушку его шла узкая, похожая на гребень, полоска коротких жестких волос, лицо было бурое и плоское. Он плохо видел меня, — луна слепила глаза, — но не это было причиной его медлительности. Он был болен...

Я жадно всматривался в йети, отмечая про себя каждую деталь — плоские уши, прижатые к маленькой, даже слишком маленькой голове, клочья рыжеватой шерсти, спадающей с ног так, что она казалась нелепым меховым костюмом...

Зная, что воспаление легких на высоте смертельно, я лихорадочно вспоминал — есть ли в рюкзаке какие-нибудь лекарства. Вряд ли... Просто надо спешить, решил я. Чем раньше мы попадем к людям, тем это лучше для всех.

Протянув руку, я осторожно коснулся волосатого плеча. Йети растянул тонкие губы и заворчал, показывая крупные, покрытые черным налетом, зубы. Но он был слишком изнурен, чтобы сопротивляться.

Подталкивая, я вел его через сугробы и льды. Кашель гулко отдавался среди сераков. И, будто жалея йети, так же гулко лопался под ногами ледниковый щит, распуская вокруг нас черные трещины. Я вслушивался в странную канонаду и думал только о палатке, в которой мог надежно запереть своего доисторического пленника... И, наконец, мы пришли.

Не обращая внимания на рычание и слабые попытки избавиться от прикосновения моих рук, я втолкнул йети в палатку, и он сразу забился в самый дальний и темный ее угол. Он дрожал в непонятном ему убежище и никак не реагировал на протянутые сухари. Никаких лекарств в рюкзаке я не обнаружил, и это привело меня в смятение. Я готов был прямо сейчас пуститься в путь, но вряд ли йети смог бы его выдержать. Оставалось ждать до утра, и, усевшись у входа, я в каком-то смятении заговорил:

— Там, где будто чиркают спичками, — это метеоры... Они не опасны, мистер йети... Они не приносят несчастий и ничего не меняют в мире... Они просто существуют, как, например, ты... А те звезды — это созвездие Водолея... А те — Большой Пес, Компас, Корма и Единорог... Может быть, и ты замечал их ночами и пытался по ним ориентироваться... — Я, как молитву, произносил названия планет, и йети, не переставая кашлять, тревожно следил за движениями моих губ. Он напоминал крохотного старика из волшеб-

ной сказки, и я думал, что мне повезло, — я попал в эту сказку, к которой стремился более сорока лет...

Посмотрев, какие у него голые и большие ступни, я попытался сунуть их в «слоновью ногу» — короткий спальный мешок, который одевался только до пояса, но на этот раз, рыча и царапаясь, йети сумел отбиться. Теперь я уже не боялся его и сказал:

— Ладно, утро близко...

Я влез в палатку и крепко зашнуровал вход. Было тесно, но йети так сжался в своем углу, что я почти перестал его слышать. И теперь, когда он был рядом, а мысль о шерпе не мучила мое сердце, я невероятно захотел спать... Не давая векам смыкаться, я смотрел широко раскрытыми глазами в угол палатки и думал — как напугано и как слабо это горное создание, горный дикарь, йети... Как сжимается он передо мной, показывая свою слабость. Так ведет себя слабый зверь перед сильным... Впрочем, и слабые

люди ведут себя перед сильными так же, ибо, в конце концов, разве не лежит в основе низкого поклона жителя Востока или кивка европейца такое же покорное припадание к земле?

3

У каждого человека, думал я, есть навязчивые идеи... Одни пересекают океан на парусной лодке, другие штурмуют вершины Аннапурны или Хан-Тенгри, третьи стре-

мятся достичь самых глухих океанских провалов... Я сорок лет пытался найти йети...

Слухи об этих созданиях ходили давно, а в 1937 году в одном из районов Восточного Непала его следы обнаружил сэр Джон Хант. В 1925 году с йети встретился греческий путешественник А. Тамбоци, но отказался поверить своим глазам... Это создание называли по-разному, но шерпское «йети» пошло от тибетского «тех»: «йех» — «скалистое место», «те» — термин, присвоенный данному существу. Шерпы всегда считали, что есть две разновидности йети. Это «дзу-те», более крупная и встречающаяся редко, и «мих-те», как-то связанная с человеком. В чем проявляется эта связь, до сих пор остается не совсем ясным, но живет этот зверь или человек на обширной, усеянной валунами, альпийской зоне, откуда спускается на ледники и морены со своими неясными целями. В холодные зимние месяцы йети тянется к человеческому жилью, но никогда не приближается к человеку...

Йети опять закашлялся... Лунный свет пятнами ложился на йети... Это же тебя, думал я, разыскивала экспедиция Ральфа Иззарда в 1954 году! Но не Иззард, а я нашел йети, хотя и Иззард был к этому близок — однажды вместе с Джералдом Расселом, биологом экспедиции, он в течение двух дней шел по следам двух йети. И хотя йети он не настиг, все-таки лишний раз сумел убедиться, что йети робок и мал, и вряд ли может взять на себя ответственность за приписываемую ему агрессивность. Заподозрив, что какая-нибудь пастушечья хижина обитаема, йети обходили ее далеко стороной и не считали для себя зазорным, например, сесть на верхушку крутого сугроба и съехать в таком положении вниз. Иззард умудрился сделать снимки, подтверждающие столь странный способ передвижения, и фотографии эти доказывают, что он имел дело с необыкновенными созданиями, кем бы они ни оказались...

Невыразимо хотелось спать, и я вслух подумал: сорок с лишним лет я рвался в Непал, чтобы увидеть хотя бы следы таинственного существа, может быть, нашего предка, неведомо как перенесшего нашествие льдов, столкновения

с хищниками, и вдруг, сейчас, переживая свой звездный час, я чувствую только одно желание — спать, спать, спать... Протянув руку, я достал фонарь. Вспышка вырвала из темноты плоское оскаленное лицо йети, и я вздрогнул. Я готов был допустить, что, наверное, именно от встреч с такими существами пошли легенды об оборотнях — искаженное лицо с выступающими челюстями, маленькая голова, плечи, покрытые массой рыжих волос...

— Без этих доисторических шуток, — сказал я, — когда человек мыслящий просыпается в лапах каннибала-неандертальца....

Но йети был слишком слаб, чтобы решиться на что-то. Я выключил фонарь, и опять снаружи раздался тот же заунывный крик, что я слышал во время спуска. Он раздавался совсем рядом, его не могли заглушить даже порывы ветра, и, медленно расшнуровав палатку, я вылез наружу.

На другой стороне озера вспыхнула огненная дорожка — сыпались камни. А впереди, на снежнике, я увидел черного альпиниста.

4

Кто это? — думал я. Правда, заблудившийся альпинист или шерп, решивший, несмотря на мистический страх перед йети, вернуться ко мне?.. С обрывов падали хлопья снега. Я смахнул их со щеки и пронзительно свистнул.

Тень приблизилась — крупная, взлохмаченная, представшая быть тенью, и я замер от восторга и неожиданности. Это был еще один йети, приземистый, сильный, со свисающими ниже колен руками. Тяжелое надбровье, увеличенное не в меру густыми бровями, нависало над глазами, а гребень на голове напоминал лохматую митру. Он молча разглядывал меня, и я подумал, что он не так уж труслив. По крайней мере, он ничем не напоминал своего больного собрата... Пришел ли он за ним?.. Мне очень хотелось как-то вступить с йети в общение, выразить ему

словом или движением, что я не замышляю зла, что мне просто хочется побыть рядом, и, глядя на него, я невольно задавал себе вопрос — чувствует ли он, что нас связывает некое родство?..

Видимо, йети только что занимался обедом — из уголка его большого рта небрежно, будто сигара, свешивался корешок рододендрона. Я не выдержал и рассмеялся.

Йети приблизился еще на шаг и угрожающе зарычал. Он был моего веса, но, несомненно, сильней. Я старался не смотреть на йети слишком долго, а время от времени даже отворачивался... Тем не менее, я видел, что йети был чем-то встревожен, и я негромко сказал, обращаясь в глубь палатки:

— Мистер йети, за вами пришли. Видимо, родственник...

Мой голос поверг пришедшего в изумление. Он заворчал и, неуклюже переваливаясь в снегу, отошел в сторону, не спуская с меня пронзительного взгляда, в котором мне чудились страх и угроза. Ветер бросил на нас снежные хлопья, и йети нервно мотнул головой. Я повторил этот жест. Теперь я чувствовал неуверенность йети, и он, как бы отступая, заунывно и протяжно крикнул. Я не знал, что его пугало и настораживало, но йети явно был напуган и не хотел оставаться рядом с палаткой. Я чувствовал жалость, смешанную, правда, и с облегчением, когда он неожиданно бросился бежать вверх по склону.

Не знаю, что его могло так встревожить... Влез в палатку и почувствовал, каким жаром несло от больного, сжавшегося в углу... Доживет ли он до утра?.. Я думал о нем, как о младшем брате, и вдруг в голову мне пришло — сколько же нам лет? Нам, всему человечеству?..

Геологи научились датировать летопись планеты, астрономы вычисляют возраст звезд, астрофизики знают возраст Вселенной. Но когда, где и как появились мы — люди? И что следует считать днем нашего рождения?.. На это ответить не так просто, ибо кого из наших предков можно назвать человеком — питекантропа, синантропа, австралопитека, неандертальца?..

Наука постепенно заполняет эволюционную лестницу, но не все находки ложатся в одну цепь, бывают странные звенья, выпадающие из этой цепи... Одну из таких находок сделал в Африке в 1959 году археолог Луис Лики, нашедший остатки человеческого предка, названного им зинджантропом. находка интересная, но, казалось бы, не более... Однако, продолжая работы, Лики нашел череп другого существа, названного им «человеком умелым». И этот «умелый» по своему физическому типу был гораздо бо-

лее близок к нам, чем зинджантроп. У него не было развитых надбровных дуг, низкого, скошенного назад лба и тяжелой верхней челюсти. А сенсационность находки заключалась в том, что «умелый» был старше зинджантропа! То есть примитивные существа жили позднее, чем существа высокоразвитые!..

Единственное объяснение, думал я, может заключаться лишь в том, что эволюционная цепь не так прямолинейна, как многие предполагали. Скорее, это не цепь, а дерево, отдельные ветви которого могли отмирать. Не зря в антропологии возник даже термин — «тупиковая ветвь». Пример — неандерталец, потому что большинство ученых в

наши дни отказывается считать неандертальца нашим ближайшим предком... И могли же, думал я, быть времена, когда одновременно обитали на планете существа, весьма разные по своему физическому развитию и уровню мышления... Как долго они двигались параллельными курсами, и не представителем ли такой отмирающей ветви является мой простуженный пленник, сумевший пережить неандертальцев и кроманьонцев и сейчас так трудно умирающий в тесной палатке своего далекого внука?..

6

Ветер завывал все сильнее, временами в щели вдувало снежную пыль. Ближе к утру я расслышал сквозь шум ветра что-то вроде исполинского вздоха. Палатку встряхнуло, и откуда-то пришло и стало шириться тревожное

странное шуршание. Своей непонятностью оно страшило больше, чем шум надвигающейся метели. Потом палатку приподняло, и из щелей хлынули на меня и на йети ледяные струи. Не мешкая, я вспорол ножом полотно палатки и вывалился прямо в мутную, клочущую воду. Налетевший вал накрыл меня с головой и отбросил прочь. В лунном свете я увидел, как фантастически медленно обваливаются со стен, окруживших озеро, ледяные искрящиеся козырьки. Они рушились в воду и поднимали перед собой белый вал,

а потом вставали из черных пучин, как исполинские левиафаны, опутанные космами водорослей... Напрасно я бросался в воду, пытаюсь пробиться к мысу, за который отшвырнуло палатку с запутавшимся в ней йети. Ледяная

вода обжигала меня, сбивала с ног, и через несколько минут у меня хватило сил лишь на то, чтобы уйти от следующего вала. Выбравшись на берег, я, в который раз за последние сутки, почувствовал, что проиграл.

Тупое, холодное отчаяние овладело мной. С далекого склона низвергся камнепад, оставив огненную дорожку. Я даже не посмотрел на нее. Куртка обмерзала, я чувствовал, как схватываются коркой перчатки, брюки, ботинки. Если ты хочешь жить, сказал я себе, спускайся в долину. И смирись. С самого начала йети был слишком фантастическим подарком...

7

Масса Гималаев еще находилась в тени, но самые высокие вершины осветились солнцем и сияли в блистательном одиночестве. Не зря населяли их шерпы мстительными и злобными богами — было что-то угрожающее в их неземной красоте.

Когда солнце стало греть в полную силу, я разложил на камне одежду, дожидаясь, когда она чуть подсохнет... Огнистые капли медленно срывались с длинной, переливающейся радугами сосульки и с тонким звоном падали в снег. Разбиваясь, они вспыхивали оранжевым огнем и разлетались искрами...

Только в горах можно так быстро сменить пустыню на сад. Часа через два я уже шел в зарослях барбариса и рододендронов. Гирлянды ломоноса белыми звездами обвивали кусты. На этом уровне горы казались розоватыми от цветов, прячущихся между камнями и потоками. Ни один садовник не смог бы создать такого — чахлые кустики розовых и лиловых цветов перемежались крошечными холмиками изумрудного льда, кое-где проткнутого высокими стрелками ранних примул, а в неглубоких прогалинах, чистых от снега, поднимались крепкие стебли маков.

Хижина отшельника, как их называют в Непале — найдана, в которой мы оставили с шерпом вещи, была где-то рядом, но отсутствие троп сбивало меня, и я вышел к ней неожиданно. Сквозь щель в каменной ограде я увидел на крохотном дворе самого найдана, погруженного в созерцание. Его длинные пальцы едва шевелились, перебирая четки. Он был стар и согбен, и, увидев его, я вдруг понял, что шерп не приходил сюда...

Дверь скрипнула. Найдан поднял голову, взглянул на меня и молча отправился в хижину, готовить чай. Я вытащил рюкзак, достал белье, свитер, брюки и переоделся. Потом подошел к низкой ограде, вдоль которой тянулись ящики с цветами, и взглянул на снежную громаду Ама-Даблана. Я думал о шерпе, ушедшем вниз, в селение. Это была не самая горькая мысль, но где-то внутри она подогревалась затаенной обидой. Я понимал, что встреча с йети равносильна для шерпа встрече найдана с хозяином ада Эрликханом. Что думал, увидев след йети, шерп? Действительно ли об Эрликхане, держащем в руках волшебное зеркало — толи, в котором отражаются грехи и добродетели человека? Или он думал об аде, великом аде живых существ, которым запугивает буддизм своих верующих? Об аде сопредельном, об аде холодном, об аде непреходящем... Да, думал я, именно видение адов совокупно разрушающих, громкорыдающих, адов, в которых грешники убивают друг друга и вновь и вновь воскресают для вечных страданий, видение адов, в которых люди, увидевшие йети, кипят в котлах и раздавливаются горами, и могло заставить шерпа уйти, оставив меня наедине с Гималаями... Но еще более горько было думать о потерянном йети, в котором мне хотелось видеть предка всех нас — шерпа, найдана, меня, сэра Ханта и всех других, плавающих по океанам, возносящихся в небо, штурмующих горы... Как грешник, у которого ненасытный желудок, но рот не шире игольного ушка, я жаждал открытия, но открытие не состоялось, ибо как и чем я могу доказать людям то, что несколько часов провел рядом с существом, могущим пролить свет на историю человечества?..

Найдан принес чай и стакан крепчайшей, дурно пахнущей водки-рашки. Он был очень стар, но его волосы не поседел, он связывал черные пряди тугим узлом. Он слишком давно жил в горах, думая о жизни и смерти, чтобы отнестись ко мне и к моим проблемам с должным вниманием. Его страх перед потерями не имел ничего общего с моим. В этом мире для него все находилось в вечной смене форм, которым сопутствовали свои волнения и страдания. Колесо жизни... Он хотел уйти от этого колеса, и потому и жил тут один, отрешенный от всех наших мелких забот... Жалобы и тревоги бессмысленны, читал я на лице найдана, прими жизнь, какой она есть... И я пил чай и с тоской думал о том, что никогда не смогу повторить путь в горы.

Мне хотелось поделиться с отшельником этими мыслями, но пол под нами качнулся, посуда задребезжала, и старик, воздев руки к небу, запричитал: «Гиббозех! Гиббозех! Перестань!», умоляя подводного гиганта, который, по его понятиям, держал на плечах Землю, обращаться осторожнее с хрупкой священной ношей.

Когда все успокоилось, найдан посмотрел на меня... Нет, я напрасно думал, что он равнодушен. Он понимал мои чувства и тихо заговорил на невнятном непали.

— Рай, — говорил он. — Только попав туда, странник, ты приобрел бы блаженную способность явиться в мир всего один раз, как великие мудрецы, и тем достигнуть нирваны... Почва рая, запомни, из рассыпанных кораллов, лазурита, хрусталя, и она плодородна. Пыль не пылит там, а предметов неприятных на вид нет вообще. Там все прекрасно и ничего не найдешь неприятного, такого, что не было бы поучительно для ума и радостно для сердца. Там нет мрака, ибо там постоянно блистает свет будды Абиды.

Над водой летают разные птицы, которые только по цвету и голосу похожи на наших... Там нет грубиянов, лжецов, умножающих зло и вред. Там называют друг друга словами «милый» и «друг».... Все обитатели там обладают свойством помнить прежние деяния и знать мысли других, благодаря чему они знают все дела и мысли существ всех миров...

Я слушал его и думал — нет, найдан, меня нельзя обратить в эту веру. Я видел войны и видел радость, я видел нищих людей и колоссальные богатства. Я всегда хотел рая на земле, я не хочу в рай, где птицы только голосами и цветом напоминают наших... Глаза слипались. Я чувствовал страшную усталость, и найдан произнес:

— Теперь время спать. Но перед сном давай преклоним колени и возблагодарим всемогущего за его благодеяния.

Я жалел старика, но теперь притворился, что не понимаю его непали, и когда найдан разочарованно удалился, бросил на пол мешок...

8

Глубокой ночью меня разбудил крик кукушки. Совсем рядом, невидимая; она выкрикивала странные сочетания, похожие на английское «брейн-фивер» — воспаление мозга.

«Брейи-фивер! — орала она. — Брейи-фивер!»

Я со страхом ждал в лунной ночи следующего крика, боясь, что легкие у птицы не выдержат: с таким надрывом она кричала свою безумную фразу. Спать я уже не мог и, тихо встав, вытащил ледоруб, пистолет и запас галет и кофе.

Проходя мимо каменной кельи, я заглянул в окно и увидел найдана. Он сидел на соломенной подстилке, перебирая четки, а на божнице перед ним стояли крошечные фигурки будд. Там был Шакья-муни, со своей нищенской чашей в руках, грядущий будда Майдари, весь красный, как цветок мака, будда Арьябало, одиннадцатиголовый и мно-

горукий, Бодхисаттва Манжушри с книгой и лотосом, и много других будд, мне неизвестных. Все они были раздеты до пояса и сидели с поджатыми под себя ногами, потупив глаза, не желая вслушиваться в молитвы и плачи. И осторожно, ничем не нарушив тишину, я двинулся снова в горы.

9

Шагах в ста от меня появились два больших тибетских волка и скачками бросились вверх по склону. Я видел, как они добрались до вершины гребня и долго бежали на фоне утреннего неба, упорно перепрыгивая с камня на камень... Я шел, открывая чудеса — то крошечную долинку странных скал, с которых, как коричневые грибы, свешивались осиные гнезда, то изящную аметистово-голубую примулу с желтым пятнышком посредине, уместившуюся в сыром мху, как в гнезде...

Грозная панорама горных цепей и пиков окружала меня, а совсем близко — казалось, я могу добросить до нее камнем — возвышалась стена льдов, наверху которой может и была родина йети... Стена походила на пилу, подножье усеяно фирном, и ноги завязали в нем, как в трясине. Я карабкался по обросшим густым инеем камням, соскальзывал с неустойчивых валунов и все-таки не останавливался.

Наконец, я вышел на ледник, м черное озеро, берега которого запорошило снегом, легло предо мной. Я ожидал, что скалы после шквалов будут голы, но они уже обросли козырьками снежных наддувов. Было холодно, и воду у берегов схватило корочкой льда. Я обошел берег и

нашел смерзшуюся покоробленную палатку. Она была пуста, но я нигде не мог отыскать следов йети, того, крупного, который мог вернуться и забрать погибшего соплеменника...

Шероховатая поверхность скал обжигала пальцы, крошки льда алмазно поблескивали, и я медленно полз по скалам, думая о последней возможности — убить йети.

Эта мысль пахла предательством. Разве мог я взять на себя ответственность за уничтожение редчайшего существа, может быть, родственного человеку?

Но я шел и думал об убийстве, и страна льдов открывала передо мной все новые и новые пространства, безжизненные, холодные и пустые... Это существо, кем бы оно ни было, говорил я себе, должно быть изучено на месте и, по возможности,

на свободе... Я думал так, а сам прикасался к карману, в котором лежал пистолет...

Не было ни следа вокруг. Судьба оберегала меня от убийства. Я вглядывался в цирки и кулуары, в гребни ледяных и каменных стен, умоляя промерзлую белую природу дать мне возможность хотя бы еще раз увидеть согбенный силуэт йети, так преданно ходившего по следам умирающего товарища.

Но ледяной мир молчал.

Через несколько дней я был в Катманду. Я добился своей цели, но меня это не радовало. Шерпа я разыскал внизу, в селении, и полностью расплатился за весь сезон. Но и это не служило мне утешением.

Узкое окно отеля выходило на сумеречную свалку. Темные стены комнаты были оклеены библейскими текстами и олеографиями на ту же тему. Отвратительные искусственные цветы торчали повсюду.

Все три окна выходили на западную сторону, отчего в комнате всегда было сумрачно. Город, лишенный европейских шумов, был тих, «Сноувью» — «Отель с видом на снега» — вот как называлась эта часть моей мечты... Я усмехнулся.

Сорок лет назад я был назначен в гуркхский полк и уже тогда мечтал о закрытой стране Непале, въезд в которую стал возможен для иностранцев лишь после падения тирании Ран в 1959 году...

Усевшись в единственное кресло, я попытался сосредоточиться. Что я могу рассказать о виденном?..

Я думал: самые близкие наши родственники — шимпанзе, горилла и орангутанг. Несколько дальше стоит гиббон. Этот вывод, к которому пришли естествоиспытатели прошлого столетия во главе с Дарвином, неоднократно пытались пересмотреть и опровергнуть. Но эти попытки потерпели крах. Анатомические, палеонтологические, физиологические и биохимические исследования привели к почти всеобщему признанию правоты взглядов Дарвина. Но столь же несомненно, что ни шимпанзе, ни гориллу, ни орангутанга, ни тем более гиббона нельзя рассматривать как прямых наших предков. У всех у них предок был только близким к нашему и, видимо, родствен ему.

На Южных склонах Гималайского хребта, думал я, найдены были в свое время обломки челюстей и зубы третичных человекообразных обезьян — рамопитеков. Некоторые признаки позволяют считать, что рамопитеки были

ближе к человеку, чем ныне живущие человекообразные обезьяны. В частности, клыки рамопитеков выдавались не так сильно, как у шимпанзе или у гориллы. Но зубы и обломки челюстей все же представляют слишком незначительные остатки, чтобы с уверенностью предположить, что именно рамопитеки и были непосредственными предками человека, хотя эта возможность и не исключена... В Восточной Африке в слоях примерно того же возраста также были найдены останки человекообразных обезьян, и особенное внимание привлек к себе так называемый «проконсул», о котором мы можем судить не только по зубам, но и по относительно целому черепу... Но ближе всего к человеку стоят так называемые австралопитековые обезьяны Южной Африки. Большое количество сравнительно хорошо сохранившихся останков позволило хорошо изучить их строение. Хотя австралопитеки и не были, видимо, непосредственными предками человека, они все же были близки к нам. И самым существенным оказалось то, что австралопитеки были двуногими, то есть не ходили на четвереньках. Живя вне области тропических лесов, они охотились на павианов, убивая их с помощью трубчатых костей и нижних челюстей копытных животных...

Но это Африка... — думал я. А в течение последних десятилетий европейские и китайские ученые обнаружили в пещерах Южного Китая остатки еще одной ископаемой обезьяны, получившей название гигантопитека. Он тоже не был нашим непосредственным предком и все-таки по многим признакам ближе к нам, чем те же шимпанзе и орангутанг. А разве не важно, что гигантопитек жил в горной местности и в эпоху, когда уже существовал первобытный человек — синантроп? И разве не могли какие-то предлюди, отрезанные горными цепями, сохраниться и до наших дней? То, что до последнего времени они не были известны ученым, ничего не значит. Не знали же европейцы до 1898 года о существовании гризли, не знали же они до 1901 года о существовании белого носорога, не знали же до 1912 года о существовании дракона с острова Комодо, не знали же до 1937 года о существовании одного из самых крупных

диких быков — коу-прея... И этот список можно продолжать и продолжать... Что странного, думал я, что в горной стране, в которой не происходило никаких катастрофических изменений климата, могли сохраниться такие предлюди, как йети...

Ты рассуждаешь так, сказал я себе, будто пытаешься оправдаться...

Да, я оправдываюсь... В отчаянии я подошел к окну. Да, я оправдываюсь... Ведь все, что я могу сказать об йети, сводится к чисто внешнему — он сгорблен, длиннорук, волосат, робок, низколоб... Но что я отвечу, когда мне начнут задавать вопросы: а какое соотношение между длиной рук и ростом йети? Такое, как у нас, или нет? Подвергался ли он сезонной линьке? Менялся ли цвет его шерсти в зависимости от времени года и возраста? Были ли его ладони волосатыми? Имелись ли у него когти, которыми он мог разрывать землю? Были ли у него волосы на голове гуще, чем на теле? Ходили ли йети наклонившись вперед или совершенно прямо? Какого цвета были у них глаза? Как они переносили дождь, снег, холода, ветер? Впадали ли они в зимнюю спячку? Спали ли они лежа, как современный человек, или сидя, как самцы гориллы? Болели ли они ревматизмом? Сколько раз в день они ели?

И много-много других вопросов... И разве будет ответом клочок рыжей шерсти, который я могу извлечь из бумажника?

Я вздохнул...

Я не мог ответить на эти вопросы. И никто другой пока не может ответить на них. Но мир велик. И мир еще да-

леко не изучен... И разве тем, молодым, штурмующим горные цепи, не может повезти больше, чем мне?..

Это меня утешило, и я вдруг подумал, что, несмотря ни на что, я все-таки оказался первым, кто мог сказать:

— Я видел снежного человека!

Фредерик Браун

УЖАС ГИМАЛАЕВ

Сэр Чанси Атертон помахал на прощание рукой проводникам-шерпам, которые остались внизу, и продолжил свой путь один — дальше шерпы отказались идти, ибо тут, в Гималаях, за несколько сот миль от Эвереста, начиналась страна ужасного снежного человека. Время от времени его видели в горах Тибета и Непала, но пик Облимова, у подножья которого он оставил местных проводников, прямо-таки кишел этими существами, и шерпы не осмеливались подниматься выше. И в этот раз они благоразумно предпочли остаться внизу, дожидаясь его возвращения, впрочем, не особо веря в это. Для того, чтобы идти дальше, требовалась храбрость. Сэру Чанси нельзя было отказать в ней.

Ему также нельзя было отказать в умении ценить женскую красоту. Именно поэтому он оказался здесь и теперь в одиночку намеревался совершить не просто опасное восхождение, а спасти Лолу Габральди. Если она до сих пор жива, то, несомненно, находится в плену у снежного человека. Задача, что и говорить, посложнее и опаснее штурма любой горной вершины.

Сэр Чанси никогда прежде не видел Лолу Габральди. Он вообще узнал о ней месяц назад, когда попал на фильм с ее участием, в котором она играла главную роль и благодаря которому вдруг стала живой легендой, самой красивой в мире женщиной, самой миловидной из кинозвезд, когда-либо рождавшихся в Италии. Сэр Чанси никак не мог понять, как такая женщина могла родиться на Земле, пусть даже и в Италии. В одной-единственной картине она затмила красотой Бардо, Лоллобриджиду и Экберг, вместе взятых, и стала идеалом женской красоты в сердцах ценителей во всех уголках планеты. Едва она появилась на экране, он понял, что должен увидеть ее наяву — иначе умрет.

Но вскоре Лола Габральди пропала без вести. После того, как закончились съемки первого фильма, она поехала отдыхать в Индию, где присоединилась к группе альпинистов, собравшихся штурмовать пик Облимова. Все участники экспедиции вернулись, кроме нее. Один из вернувшихся утверждал, что видел (правда, на слишком боль-

шом расстоянии, чтобы прийти на выручку), как ее унесло человекообразное волосатое существо ростом в девять футов — ужасный снежный человек. Несколько дней группа искала ее, потом прекратила поиски и вернулась в цивилизованный мир. Все были уверены, что ее нет в живых. Все, но не сэр Чанси, который немедленно вылетел из Англии в Индию.

И вот он с трудом пробивался сквозь вечные снега. Кроме альпинистского снаряжения, он нес тяжелое ружье, с которым год назад охотился на тигров в Бенгалии. «Что годится для тигров, — рассудил англичанин, — сойдет и для снежного человека».

Снег вихрем кружил вокруг него, когда он достиг облаков. Внезапно в нескольких шагах от себя (дальше ничего было нельзя разобрать) выросла огромная тень, отдаленно похожая на человека. Он поднял ружье и выстрелил. Тень, стоявшая на самом краю пропасти, покачнулась и полетела в тысячефутовую бездну.

Не успело стихнуть эхо, как чьи-то руки схватили его сзади. Этот кто-то, держа одной рукой сэра Чанси, другой взял ружье, согнул его словно зубочистку пополам и швырнул в сторону.

Откуда-то, высоко над головой, прозвучало: — «Тише. Все будет хорошо». Сэр Чанси был неробкого десятка, но только выдавил из себя что-то нечленораздельное, несмотря на успокоительный тон чудовища. Существо так крепко прижало его к себе, что невозможно было повернуть голову и взглянуть на него.

— К твоему сведению, — продолжал таинственный голос, — мы те, которых вы называете ужасными снежными людьми, трансмутанты. Когда-то, много веков тому назад мы были таким же племенем, как шерпы, но нам удалось открыть средство, которое позволило изменять наше телосложение и приспособиться, увеличив размеры тела и изменив физиологию, к чрезвычайно холодному и разреженному воздуху, и теперь мы живем высоко в горах, где другим не выжить, — лишь изредка сюда могут подниматься люди. Тебе понятно?

— Д-д-д-да, — стуча зубами, произнес сэр Чанси, у которого вдруг затеплилась надежда. С чего бы этому существу пускаться в объяснения, если оно задумало убить его?

— Тогда слушай дальше. Нас мало, и все время становится меньше. По этой причине мы время от времени отлавливаем, как сейчас, какого-нибудь альпиниста. Мы вводим средство — и он наш. Это позволяет поддерживать нашу численность на довольно высоком уровне.

— Н-но, — запинаясь, пробормотал сэр Чанси, — неужели эта участь постигла женщину, которую я разыскиваю, — Лолу Габральди? Значит, в ней сейчас... восемь футов, она вся в волосах и...

— Была. Только что ты убил ее. Один из моих соплеменников взял ее в жены. Мы не привыкли мстить, но кто-то должен занять ее место — так у нас принято.

— Занять ее место? Ведь... я — мужчина.

— Слава богу, — послышалось откуда-то сверху. Он почувствовал, как его повернули лицом к огромному заросшему телу, так что голова оказалась между огромными волосатыми грудями. — Слава богу, что это так, поскольку я — отвратительная снежная женщина.

Теряющего сознание сэра Чанси подхватила его новая подруга и легко, словно щенка, понесла в глубину пещеры.

Кэрол Эмшвиллер

ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ

Мы продвигаемся в глубь неведомой земли нарочито беззаботной походочкой. Локти выставлены, руки в боки. Картинно опираемся ногой на любой подходящий камень. Слева все время река, как нам и говорили. Справа все время холмы. У каждой телефонной будки останавливаемся и звоним. Связи часто нет из-за ураганных ветров и льда. Командор говорит, что мы уже в зоне контакта. Пора, сказал он нам по телефону, искать те странные двойные следы — маленькие, почти мальчишеские, и необычайно изящные. «Залезайте на деревья», — говорит Командор, — «или на телефонные столбы, в общем, куда получится, и выкрикивайте имена, которые заучили на базе». Вот мы и забираемся на столбы. Кричим: Алис, Бетти, Джоан, Жанна, Мэри, Мэрилин, Элейн... и так далее, и снова, в алфавитном порядке. И ничего не происходит.

Нас семеро — мужественных мужиков в форме морских пехотинцев. Мы (за исключением одного из нас) вовсе не морпехи. Но считается, что эта форма их привлекает. Мы — семеро вальяжных и расслабленных на вид (воротнички расстегнуты в любую погоду) экспертов, каждый — лучший в своей области, мы — исследовательская группа Комитета по неопознанным объектам. Короче, Тех-Что-Свистят-Улетают-Вдаль-За-Своей-Призрачной-Идентичностью.

Наши стволы стреляют искрами и звездами и вишнями в шоколаде и громко делают «бух». На дворе век полной наготы, вид спереди; времена «Почему бы нет?» вместо «Может быть». На дворе век устройств, способных почувствовать теплое, трепещущее, живое тело на расстоянии семидесяти пяти ярдов и навестись на него. У нас с собой есть одно такое. (Я и сам, не исключено, смогу когда-нибудь так любить.) С другой стороны, у нас в бумажниках только несколько мутных фотографий, в основном добытых несколько месяцев назад во время случайных наблюдений. На одной, вроде бы, жена Командора. Снимок был сделан с большого расстояния и черты лица не различить, она была в шубке. Ему показалось, что он ее узнал. Говорит, с ней в общем-то все было в порядке.

До сих пор ничего, кроме снега. Что только не приходится терпеть ради этих существ!

Представьте себе их тела, когда вы держите в руке это крошечное напоминание... эту толстую, четырехдюймовую Венеру их возможностей... Главных деталей не разглядеть, глаза — просто точки (характерные прически почти закрывают лица), ноги; голова не имеет значения. Представьте себе возможность победы, только без ухмылок. Примите вызов грудей, округлых бедер, а затем... (самый серьезный вызов). Если мы столкнемся с ними, сможем ли победить? Или выйти из положения с честью, или, по крайней мере, сумеем ли избежать того, что они станут разбирать наши ошибки?

Вот какие следы их присутствия мы успели обнаружить (иногда даже кажется, что эти предметы были нарочно оставлены у нас на пути, но мы знаем, какими они бывают неаккуратными, особенно когда беспокоятся или торопятся; а так как создания они нервные и легко впадают в возбуждение, они *обычно* чем-то обеспокоены и / или торопятся)... Итак, по пути мы обнаружили: один, все еще замороженный, стебель спаржи, рецепт приготовления мусаки с помощью растворимого лукового супа, небрежно выдранный из журнала, небольшой кошелек с несколькими смятыми долларовыми купюрами и коробок спичек. (Ясно, что огонь им знаком. Это нас утешает.)

Теперь Командор приказывает нам свернуть от реки в горы, где нам грозит предательский весенний подтаявший снег и лавины. Компас указывает вверх. Бывает, мы целыми днями скользим по льду и каменистым осыпям. Мы хорошо понимаем, что они могли давно уйти на юг — целые племена, чувствующие себя никудышными, уродливыми, лишенными любви. Варианты бесконечны, всякое направление может оказаться неверным, но при первом признаке верхоглядства мы поймем, что находимся на правильном пути.

Один из нас — психоаналитик с большим опытом, специалист по истерии и мазохизму. (Даже не располагая медицинскими картами, он поглощен исследованиями этих созданий). Он говорит, что если мы с ними встретимся, то услышим, вероятно, странные сдавленные звуки; они не имеют никакого значения и их часто принимают за смех, поэтому лучше всего так к этим звукам и относиться. Если, с другой стороны, они станут улыбаться — это простой рефлекс с целью нас обезоружить. (Установлено, что они улыбаются в два с половиной раза чаще нас.) Время от времени, замечает он, случается и своего рода нервное хихиканье: оно имеет преимущественно сексуальную подоплеку, и если они начнут издавать такое хихиканье, заведя нас — это хороший признак. В любом случае, говорит он, нам следует называть только свои имена и звания, а если они рассердятся, нужно следить, чтобы их ярость не обратилась против них самих.

Ту, что на снимке, зовут Грейс. Сейчас ей, должно быть, уже пятьдесят пять. Однажды лунной ночью сбежала во время ужина, когда Командор забыл посмотреть в ее сторону. И что ему оставалось делать, как не продолжать исполнять свой долг, командуя тем, что нужно было в командовании? Мы с этим согласны. Он говорит, что до тех пор, насколько может судить, принимал как данность ее ограниченность и пределы ее действий. Он решил, что виной всему недостаточная аккультурация или неспособность разглядеть очевидное, и лишь несколько лет спустя начал задумываться.

Хотел бы я сейчас повстречать какую-нибудь похожую на нее. Спросить, откуда она, почему они совсем другие. Как случилось, что у нас и у них развились совершенно противоположные аффектации? Живут ли они глубоко под землей в громадных кухнях, в святилищах с анфиладами залов, разогретых духовками, пропахших имбирными пряниками, где особи детородного возраста вечно беременны благодаря замороженной сперме какого-нибудь высокого, ры-

жеволосого и давно умершего комедианта или рок-звезды? По крайней мере, такова одна из теорий.

И вдруг — внезапная тишина первого зрительного контакта. Нашего собственного. Есть!... Высоко над нами, огромная (или кажущаяся огромной), со всеми регалиями (как на фотографии у Командора): норковый мех, чудовищная шляпа, в ушах что-то поблескивает, стоит неподвижно (целых пять минут) на одной ноге. А может, просто выпрямившись (солнце светило нам в глаза). Когда мы через полчаса добрались до места, ее уже не было. Психиатрик ждал у следов всю ночь, приготовив свои сладкие речи, но безуспешно.

О встрече доложено по телефону Командору («Передайте ей, что я ее люблю», сказал он). Было решено, что мы сами наденем должную атрибутику... туфли по размеру следов, норка, лиса, леопард (искусственный) поверх нескольких слоев обычного белья. Мы также решили выложить в снегу круг из бананов в семидесяти пяти ярдах от лагеря и задействовать сенсор телесного тепла. Стоит им прийти за бананами, и мы последуем за ними в их логовища, спустимся в их священные чертоги; съемочная группа готова запечатлеть для телевидения их первую реакцию на нас. Им понравится, что мы идем за ними. Как всегда.

Надеюсь, они хотя бы смутно осознают, какой репутацией в своей области пользуется каждый из нас.

Сенсор подает сигнал тревоги, но не в состоянии взять направление. Утром мы видим, что все бананы исчезли.

Это потому, что они не в состоянии усидеть на месте... и ни к чему не относятся серьезно. Их действиями никто не руководит, вот они и мечутся во все стороны, вечно отвлекаются от конкретной задачи, делают поспешные выводы, выдвигают необоснованные предположения, считают все само собой разумеющимся или, с другой стороны, *ни во что* не верят (в любовь, например). Силы природы на их сторо-

не, это верно (хаос?), но у нас в запасе другие силы. На сей раз мы выложим бананы логичной прямой линией.

И когда мы наконец войдем в эти кухни! Самая громадная гора полностью изрыта, о Боже! И эти запахи! Суета! Банальная *повседневность* их существования! Мы не поверим своим глазам. А они нам скажут, надо полагать, что дела идут как никогда хорошо. Станут твердить, что им больше незачем находиться у источников власти. И даже заявят, что им нравится жить без всяких источников власти... Жить в безвластии, в дружбе, среди нежных сигналов, которые одна другой подает — от ничтожнейшей к ничтожнейшей. И еще они скажут, что мы и так едва их замечали, или замечали только тогда, когда они уходили. Что мы вечно смотрели в другую сторону, что мы никогда не знали, кто они и что они, что нам в сущности было все равно. Честно говоря, мы кое-что чувствовали... давно подзревали, и сейчас ощущаем нехватку чего-то, что не можем определить. Существа без зарплаты и чаще всего без денег, пусть так, и все же заметные. Вот что мы им скажем и добавим — Командор считает, что любит одну из них.

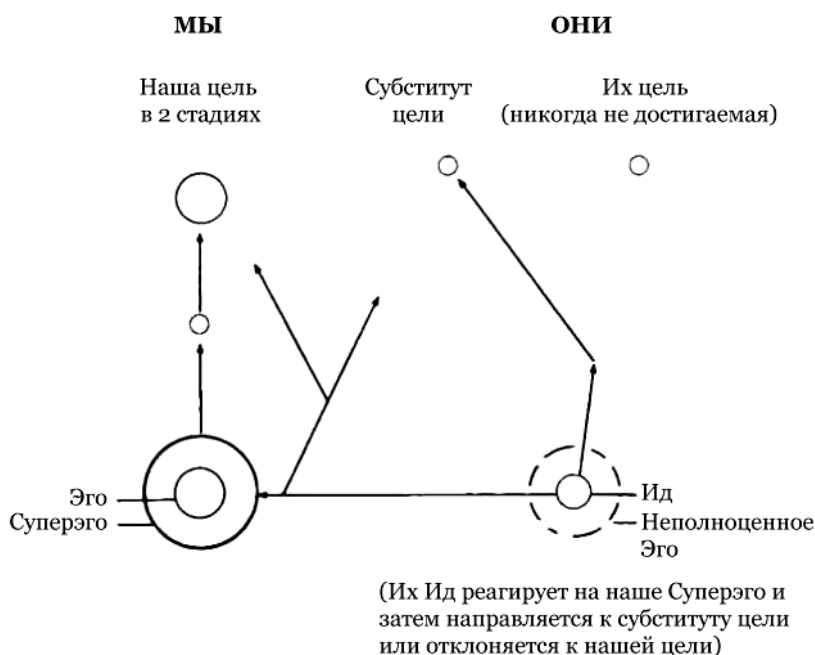
Но на этот раз они отказались от бананов. (Все, что мы им предлагаем, вечно не то.) Последнее предложение (у них остается лишь один шанс): стеклянные бусы, похожие на нефритовые; набор отличных импортных кухонных принадлежностей; самоучитель «Как преодолеть застенчивость в отношениях с противоположным полом»; и (главное), мы предлагаем им себя в качестве сыновей, отцов или любовников (выбор за ними).

Психоаналитик говорит, что они имеют право на собственное мнение, но мы задаемся вопросом, насколько независимыми позволено им быть?

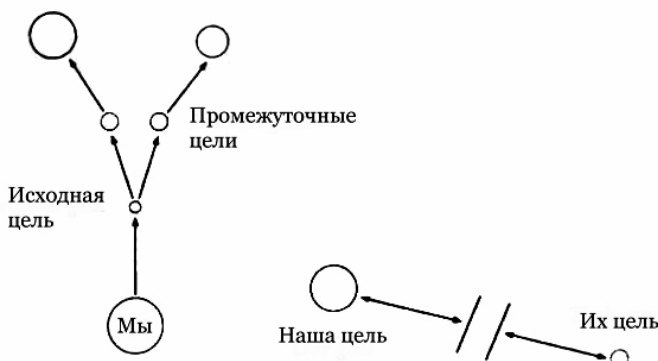
Один из нас утверждает, что на горе мы видели всего-навсего медведя. Дескать, постояв на одной ноге, медведь опустился на четвереньки — но ведь и они *могут* поступать схожим образом.

У психоаналитика был сон. После он велел нам никогда не бояться зубастой вагины (образно выражаясь), но снизить до их уровня (собственно, мы все время поднимаемся) и насытить эту утробу рыбой (лучшим филе камбалы, образно выражаясь).

Привожу диаграмму, которую психоаналитик предложил нам для дальнейшего изучения:

Смещенная цель в 3 стадиях
с 2 возможностями (обе
достигнуты)

Если бы мне попалась одна, я омыл бы ей ноги (буквально) и спину. Перешел бы и на переднюю часть. Пусть по нашим телам стекает вода. Пусть ее волосы разовьются. Я бы время от времени отрывался, даже от важной работы, на подобные незначительные мелочи, и иногда прислушивался бы к пустой болтовне существа, по крайней мере делал бы вид, что прислушиваюсь. Но на Грейс у меня, видимо, другие планы, хотя я что-то не пойму, какие именно.

По вечерам, сидя у костра, мы пересказываем старинные легенды о них; дрожь ужаса иная, совсем не такая, как в детстве, когда мы так же, у огня, рассказывали друг другу эти истории: сейчас все мы понимаем, что они, вполне может быть, притаились где-то там, в темноте — и самое страшное, что мы не имеем никакого представления об их размерах! Может, они вдвое больше нас или же, как уверяет Командор, большинство из них намного меньше ростом и определенно слабее нас. По словам тех из нас, что склонны к мифическому мышлению, они достаточно большие, чтобы поглотить нас своими животами (снизу) и извергнуть много месяцев спустя — слабых и беспомощных.

Специалисты-антропологи считают, что они могут оказаться тем самым потерянным звеном, которое мы так долго искали — и располагаются, по их мнению, где-то между гориллой и нами (хотя, вполне вероятно, повыше на шкале, чем *Pithecanthropus erectus*); следовательно, они (логически рассуждая) меньше нашего и несколько сторблены, но не обязательно уступают нам в силе. Сексуально озабоченные в наших рядах интересуются, является ли их оргазм такой же специфической реакцией, как наш. Романтики видят их милыми и привлекательными созданиями — даже в гневе и вне зависимости от их роста и силы. Другие придерживаются прямо противоположной точки зрения. Мнения по поводу того, какое утешение мы можем им предложить ввиду данностей их существования и возможно ли это вообще, резко расходятся, особенно учитывая то, что 72 процента из них считают себя созданиями второго сорта, 65 процентов уверены, что их душевное равновесие непрочное, и только 33 и одна третья процента не испытывают глубокого чувства униженности по поводу того, кем являются. Как же можно проникнуть сквозь их линии самообороны и оборонительного поведения? Столкновения неизбежны, это очевидно. (Восемьдесят пять процентов из них снова и снова повторяют в разных формах все те же доводы.) Нам не нравятся неприятные эмоциональные конфронтации, мы пытаемся любой ценой их избежать, но мы также осознаем, что играть роль доминантного партнера в интимных взаимодействиях будет непросто. И все же как приятно думать, что в один прекрасный день появится род существ (вдобавок почти невидимых), чьей основной задачей станет уборка!

Для них уже приготовлены пьедесталы.

И даже если (или особенно если) выяснится, что они не соответствуют нашим стандартам, они тем не менее будут напоминать нам о животном внутри каждого из нас, о звериной составляющей нашей сущности, наших высотах и

низинах... жизненных силах, о каких мы едва ведали... а может, и не подозревали.

Странное и тревожное сообщение от Командора: он говорит, что некоторые очень высокопоставленные политические назначенцы считают рассказы о виденных кем-то существах не более чем рассказами... мистификациями, и якобы было доказано, что фотографии подделаны — в одном случае имело место изображение гориллы, наложенное на заснеженную гору, в другом человек в соответствующем костюме. (Только два снимка пока не нашли объяснения.) Несколько человек признались в фальсификациях. Некоторые вообще никогда не бывали в этих местах. То же, что видели мы, было, вероятно, игрой света и тени или одним из бродячих медведей; конечно же (и в этом они полностью уверены), среди нас затесался шутник, который сам крадет бананы и оставляет следы посредством старого ботинка, надетого на длинную палку. Кроме того, что будет, если наши открытия докажут их существование? Различным комитетам придется изыскивать способы развеять их скуку, когда закончатся годы мытья посуды. Медикам понадобится искать лекарства от раковых опухолей, возникающих в самых неожиданных местах, необъяснимых перепадов настроения, вагинизмов и прочих напастей. К обществу прибавится огромная дилетантская прослойка (музицирование и поэзия по выходным), без которой, согласно Командору, обществу лучше обойтись. И почему это мы должны разыскивать их, будто они гора Эверест (и равноценны по важности) — только потому, что они где-то там? Короче говоря, финансирование наших поисков прекращено. Командор даже сомневается, сможет ли позволить себе еще один телефонный звонок.

Все мы очень огорчены этими известиями. Трудно в точности сказать, почему. Некоторые из нас были уверены или почти уверены, что там что-то есть... на краю поля зрения... еле доступное слуху... Некоторые уголком глаза замечали цветные вспышки, словно нечто, по сути невидимое,

становилось на несколько секунд *почти* видимым. Невольно начнешь мечтать (а иные из нас так и делают) о том, как в один прекрасный день, будто по волшебству, носки и трусы выпрыгнут из-под кровати и лягут в ящик, чистые и сложенные, из ниоткуда будут появляться в самую нужную минуту чашки с кофе, в холодильнике всегда будет полно молока и масла... Но мы подчинены расписанию и бюджету. Мы должны вернуться к истокам власти, на службу цивилизации... политике... Мы поворачиваем назад.

Какое-то время я раздумываю, не пойти туда ли самому. Если бы я потихоньку вернулся, один, сел бы не двигаясь, в подходящей одежде... Кто знает — если бы я сидел там достаточно долго (и перестал бы во всеуслышание повторять эти древние страшилки о них), не принимал бы гордых поз... чуть согнул бы плечи... может, они привыкли бы ко мне, ели бы бананы у меня из рук, и со временем по различным еле уловимым признакам распознали бы во мне руководящую фигуру, быть может, научились бы выполнять несколько простых команд... Но я обязан подчиняться приказам. Жаль, конечно, однако я хочу получить свое жалованье, награды и перейти к другому проекту. И все же мне хочется еще кое-что сделать для этих существ — хотя бы чисто символический жест. Я осторожно возвращаюсь по нашим следам и оставляю на видном месте послание, окруженное бананами. Они наверняка поймут мое послание: грубое изображение голого мужчины; полумесяц, который можно трактовать лишь как луну; сердце (анатомически правильное), означающее любовь; циферблат с отметкой времени, когда было оставлено послание; отпечаток моей ноги рядом с отпечатком ноги одной из них (похоже на вопросительный знак рядом с восклицательным). Сверху надпись — «Для Грейс». Какое-то время сижу и прислушиваюсь, не слышатся ли вздохи (кажется, что-то слышу)... и кажется, смутно вижу что-то посреди белизны снега, белое на белом. *Намеренно* невидимое (если оно во-

обще там), нет сомнения — так что если мы не в состоянии их разглядеть, это не наша вина.

Ну и ладно, если им так хочется, пусть сами воют на луну (или чем они еще занимаются), танцуют и поддерживают огонь в домашних очагах. Пусть живут, как сказано, «в тени человека». Так им и надо.

Я спрашиваю психоаналитика: «Кто же мы?» Он отвечает, что не менее 90 процентов из нас так или иначе задаются этим вопросом, а остальные 10 процентов, похоже, в итоге находят на него какой-то собственный ответ. Как бы то ни было, говорит он, мы в принципе остаемся теми же, кем являемся, и не суть важно, интересуется нас или нет указанный вопрос.

Джей Лейк

ЖИРНЯГА

Клинт Амос и его приятель Барли Джон Диммитт тайком пробирались через заповедный лес Маунт-Худ, неподалеку от озера Тимоти, на юго-востоке округа Клакамас. Шли они тихо – боялись спугнуть лося, которого выслеживали, а еще больше опасались потревожить лесных рейнджеров. Клинт плевать хотел на печати и лицензии. Барли Джон обычно почти во всем соглашался с Клинтом. Так всем было легче.

Они охотились в этой части леса, потому что люди чаще всего старались держаться отсюда подальше. С годами исчезли туристы с рюкзаками и любители природы с палатками; лесорубов преследовали несчастья. Дети пропадали без следа, не помогли даже поисково-спасательные команды следопытов. Года три назад Лесное управление потихоньку распорядилось закрыть последние официальные маршруты, так что и без того немногочисленные туристы стали объезжать стороной городок Сведен в штате Орегон, где жили друзья. Даже самые упорные частники-лесорубы предпочитали теперь брать лицензии на вырубку в других лесах.

Правда, Клинт был доволен: нет маршрутов – меньше лесников, да и туристы не портят охоту. Отсутствие лесорубов означало хреновое положение с работой, но тут он ничем не мог помочь.

Они молча пробирались между рядов цуг и красных сосен. На вырубках и в тенистых местах вдоль холмов росли рододендроны, но поглубже только мелкие растения пытались выжить рядом с обреченными отпрысками высоких деревьев. Лес пах глиной, и целебным запахом хвои, и холодной серостью горных скал, скрытых неглубоко под землей. Скоро выпадет снег, и тогда лося будет легче найти по следам, но охотиться станет труднее.

Барли Джон поднял руку, растопырив пальцы.

Что-то услышал.

Клинт считал, что Бог, может, и не наделил Барли Джона чутьем канадского гуся, но этот Барли все же слышал, как растет трава. Поэтому на охоте Барли Джон был чертовски хорошим напарником.

Клинт присел, держа свой карабин «Ругер Дирфилд» наготове. В этой позе его объемистый живот передавливалось, но только так он мог сделать меткий выстрел. Какое-то время он мог продержаться. Зверя мог заметить Барли Джон, но первый выстрел всегда оставался за Клинтом. И он же обычно первым выстрелом укладывал добычу.

Вот бы там оказалась большая мамаша-лосиха, подумал он, с запасом доброго мяса на ближайшие месяцы. Они оба уже больше года, с тех пор, как закрылась лесопилка Баргера, нигде не работали. Зарплату жены урезали пополам в этом треклятом магазине автомобильных запчастей, что в Эстакаде.

Если он не убьет, жрать будет нечего.

Черт побери, да всем в Сведене не хватало еды, разве что люди шли и стреляли. Будто кто-то нарочно затеял настроить их против правительства: одной рукой поднимали налоги, другой отнимали работу. Клинт точно не знал – может, это были япошки, китайцы или «Аль-Каида», только кто-то подлизался к этим проклятым демократам и украл у него работу. А жизнь его превратил в дерьмо.

По возрасту он был тогда мал для призыва, но он помнил Вьетнам. Страна должна снова стать такой же сильной. После чистого выстрела иногда делалось хорошо. Можно притвориться, что застрелил кого-то, чья смерть сделает твою жизнь лучше.

Барли Джон щелкнул языком, привлекая внимание Клинта, потом махнул рукой вправо, подняв два пальца. Клинт направил дуло карабина на четыре часа в сторону и засыл, ожидая движения. Барли Джон тихонько отошел и исчез среди сосен в поисках удобной позиции. Он спугнет лося, Клинт выстрелит первым, а потом Барли Джон добьет зверя, если понадобится.

Жемчужно-серый свет предвещал снег. Клинт почувствовал, что время замедляется, как всегда, когда его палец лежал на курке. Мясо, колбаса и стейки на зиму. Работа. На прицеле скользкий Билли. Он вскинул карабин к плечу и затаил дыхание.

Где-то далеко справа Барли Джон снова щелкнул, на сей раз громче, после бросил камень. Мелькнул мех, лось рванулся и Клинт выстрелил. Старый «Ругер» ударил отдачей в плечо и он тут же понял, что что-то не так.

Он наверняка попал, потому что раздался дьявольский визг, вроде крика большого орла или ястреба. Кто бы там ни был — всяко не лось, Клинт был уже уверен — он грохнулся в зарослях рододендронов на краю опушки.

— Проклятье! — заорал Барли Джон, выскочил из укрытия и помчался к кустам. Клинт бежал следом, двигаясь очень быстро для своего роста и веса. Оба замерли в тридцати или сорока футах от подстреленного зверя.

— Не лось это был, — сказал Клинт. — Может, медведь.

— Нет. Больше похоже на обезьяну.

— Где ты видел обезьян в этом...

Они уставились друг на друга.

— Снежный человек, — еле слышно выдохнул Барли Джон.

Клинт кивнул. Но не может ведь быть?

— Прикрой меня, — шепнул он. — Если двинется, вали его.

Держа «Ругер» на уровне пояса, с прижатым к телу прикладом, Клинт приблизился к кустам, где заиграл теперь бледный солнечный луч.

Оно было большое и лежало на боку. Брюхо громадное, как у медведя. Клинт разглядывал свою жертву. Брюхо или нет, но совсем не медведь. Меха как такового нет. Вместо меха спутанные волосы. А вместо лап руки и ноги. На коленях и локтях бугрятся наросты рубцовой ткани, вокруг пальцев рук и ног тоже.

Такого жирнягу Клинт еще не встречал. Но жирнягой называют человека, а человек не мог быть таким большим. Клинт прикинул, что ростом он был футов восемь, вес — не меньше пятисот фунтов. Клинт осторожно подался вперед и ткнул его в живот стволом карабина.

Никакого движения.

Он обошел тварь кругом, заметив краем глаза, что Барли Джон все еще прикрывает его.

— Здоровый парень, — сказал Барли Джон.

— Снежный человек. Как ты и подумал. — Клинт потыкал голову жирняги карабином, прямо за ухом. Ничего. Даже не вздрогнул.

— Думаешь, он еще дышит?

Клинт фыркнул.

— Мне что, руками его потрогать? У этой скотины такие гребаные челюсти, что дыня поместится.

Он поднял карабин к плечу. Дуло дрожало.

Барли Джон в свою очередь приподнял винтовку.

— Что это ты делаешь?

— Проверяю, — ответил Клинт и выпустил пулю в зад огромного создания.

Тварь и не пошевелилась.

— Друг, — выдохнул Клинт, — мы на пути к славе и богатству, я так полагаю. Это вот — настоящий живой снежный человек.

— Как по правде, — заметил Барли Джон, проявляя редкую для него независимость взглядов, — это вот настоящий дохлый снежный человек. У меня только один вопрос.

Клинт уже представлял себе, как дает интервью Джерри Спрингеру или выступает в программе «20/20», рассказывая об их опасной многодневной охоте на обезьяну-убийцу.

— Что за вопрос?

— Как мы вытащим эту штуку из леса, не разрезав ее на куски?

В конце концов они дотащили тело до старого «вагонера» Клинта с помощью индейской плетенки из веток, механической лебедки, ста футов веревки и бесконечных ругательств, которыми много часов осыпали каждый дюйм лесной тропы, где тащились со своей громоздкой мертвой ношей. Лося они просто освежевали бы, разделили на месте и вынесли по частям.

Уже стемнело, когда Клинт вывел джип с заброшенной дороги лесной службы на орегонское шоссе 224, трассу, проходившую через Сведен. И единственную дорогу в Све-

дене, если не считать нескольких узких гравийных проселков, уходивших в лес по обе стороны от шоссе. Клинт остановился на обочине и вышел из машины, чтобы отсоединить передний мост и перевести привод джипа на два колеса. Было холодно, луна не показывалась, и его дыхание поднималось паром к звездному небу.

Снежного человека они привязали к крыше. Подняв голову, Клинт увидел, как ветер пошевеливает шерсть добычи. Ему показалось, что пальцы согнулись, пока они выезжали из леса. Сокращение мышц, подумал он. Кто бы не пошевелился, получив пулю в зад, даже если валяешься без сознания?

Он выпрямился, вернулся в джип, где Барли Джон курил косяк и рассматривал лес.

— Выброси до того, как подъедем к дому. Я и так весь провонял, Марджи не понравится. Увидит в джипе огонек косяка и набросится на меня, как вороны на спелую пшеницу.

— Не ты же куришь, — спокойно возразил Барли Джон.

— А ей все равно. Говорит, мы подаем детям дурной пример.

Барли Джон глубоко затынулся, затем старательно затушил косяк о переднюю доску и спрятал окурок в карман охотничьей куртки.

— Клинт?

— Чего?

— Вопрос есть.

— Выкладывай.

Клинт вцепился в руль на крутом повороте шоссе 224. Груз на крыше был таким тяжелым, что металл поскрипывал, а джип шел неустойчиво.

— Мы правильно сделали?

— А папа римский срет в лесу? — Клинт взглянул на Барли Джона. Напарник был явно не в себе. Странно.

— В чем дело?

— Мы будто... застрелили человека или что-то такое.

Клинт рассмеялся.

— Просто скажи себе, что он был либеральным, бля, предателем. И станет в разы легче.

Почему-то после всех объяснений с Барли Джоном самому Клинту стало хуже. Они молча ехали сквозь тьму. Через несколько минут Клинт спросил:

— Не возражаешь, если я пару раз затянусь твоим косяком?

В Сведене жило три сотни душ, почтовое отделение было чуть больше туалета на заправке, да и сама заправка не сильно больше того. Еще имелась старая стоянка для грузовиков — дизельные насосы давно сломались, и их повытаскивали. Теперь здесь расположилось единственное мало-мальски преуспевающее предприятие Сведена — забегаловка «Фиш-Крик». Кафе занимало освещенный угол у ворот и вечно казалось затерявшимся в огромности здания, но со времен процветания в нем сохранились громадные холодильные комнаты.

Клинт остановился перед закуской. Нужно сбросить груз. Шелли Мендес, управлявшая заведением, разрешала жителям пользоваться холодильниками, а в обмен, когда кто-то ездил в Эстакаду для разделки, брала несколько кусков. Иногда люди внаглую разделяли свою добычу на бетонной площадке перед забегаловкой, но запах крови привлекал медведей, и Шелли такого не одобряла.

Было уже почти девять, когда они остановились у кафе. Внутри горел свет, в дюжине открытых кабинок и у барной стойки тут и там сидели несколько человек. Клинт заметил у входа патрульный автомобиль службы шерифа округа Клакамас, большой «форд краун виктория», сверкавший на фоне целого сборища обшарпанных пикапов и ржавых «субару», обычных для сельских районов Орегона.

— Черт подери. Там Дамероу.

С Элизой Дамероу Клинт и Барли Джон учились когда-то в одной школе. Элиза была та еще задавака, сама неприступность, ни с кем из парней не встречалась, а к Клинту и

его друзьям питала глубокую и убежденную неприязнь. А он-то всего-навсего пару раз немного ее подразнил.

С годами она почти не изменилась, только обзавелась жетоном и пистолетом, а недавно и татуированной подружкой, которая жила в домике на дереве где-то в заповеднике. Ее неприязнь к Клинту, само собой понятно, ничуть не стала от этого меньше.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Барли Джон, постукивая по крыше. — Разрешений у нас нет.

Клинт усмехнулся.

— Не бывает никаких разрешений для охоты на снежного человека. Но припаркуюсь-ка я сзади. Зайдем, потолкуем с Шелли, а когда придет время сгружать, глядишь, *заместительница шерифа* Дамероу уже уберется.

Он потушил фары, объехал вокруг здания и остановился рядом с мусорными баками. Затем они с Барли Джоном вошли в кафе.

— Добрый вечер, мальчики, — произнесла Шелли. Симпатичная блондинка с седыми нитями в волосах и фигурой что надо, она овдовела в дни операции «Буря в пустыне» и с тех пор была не очень расположена к тесным связям. Клинт как-то за ней приударил, когда Марджи уехала к сестре в другой штат. Шелли вела себя с ним вполне мило, но в ответ на его заходы отшила так, что даже Клинт понял всю безнадежность затей.

— Шелли, — кивнул Клинт. Барли Джон кивнул вместе с ним, как молчаливая тень.

Она смахнула со стойки воображаемую пылинку.

— Чем могу услужить? Кофе?

— Да, мэм. Обоим как обычно.

Барли Джон снова кивнул, но на этот раз губы его чуть пошевелились.

— Нам может понадобиться морозилка. — Клинт наклонился поближе к Шелли. — *Попозже*, — шепнул он, кивнув на Дамероу, которая вставала из-за своего столика.

— Вы, мальчики, когда-нибудь слышали о разрешениях? — с улыбкой спросила Шелли.

Дамероу подошла к ним, выставив бедро, что делало пистолет самой выпуклой частью ее тела. Больше у нее, по мнению Клинта, особых выпуклостей не было. Тощая, как жердь, а выглядит еще хуже. Честно говоря, если бы карты легли так, что в самом деле *понадобился* бы полицейский, он скорее предпочел бы помощь Дамероу, чем кого-либо еще. Но в остальном она была совершенно бесполезна.

— Вижу, ты припарковался сзади. На парковке слишком много машин? — Ее серые глаза сверкнули.

Клинт пожал плечами.

— Да так как-то.

— Застрелил кого в сезон, покажи печать. Застрелил не в сезон, и тогда... — Она положила на стойку деньги и подтолкнула их к Шелли. — Вам сильно повезло, ребята, что я не инспектор по охране дичи. Уберите-ка все подальше, не то мне придется заметить, что вы там перевозите.

— Ч-ч-человек должен ч-ч-что-то есть, — вставил Барли Джон, который всегда заикался при виде Дамероу.

Она усмехнулась, потрепала его по подбородку.

— Еда делает человека счастливым, Джонни. — Бросив еще один пристальный взгляд на Клинта, она вышла за дверь.

Он смотрел ей вслед, пока патрульная машина не выехала на шоссе 224, потом повернулся и поднял чашку. Барли Джон покраснел, точно одна из бутылок кетчупа за стойкой.

— Истинно говорю, — заявила Шелли, протягивая Барли Джону еще одну пластиковую чашечку с кофе, — что ты нравишься этой женщине.

— Он всегда был помешан на лесбиянках, — сказал Клинт. Барли Джон вернулся к жизни.

— Н-н-никогда больше н-н-не г-г-говори такого слова.

— Ладно, женщинах. Ты всегда был помешан на женщинах, похожих на мужиков.

Шелли отошла, смеясь в полотенце для посуды.

Они выкатили железную тележку Шелли и отвязали снежного человека. Клинт не хотел его разделять или

снимать шкуру, считая, что тело будет больше стоять в цельном виде. Пальцы, заметил он, сжались в кулак. Клинт приспособил лебедку к одному из опорных столбов крыши, затем с помощью ворота на бампере джипа спустил снежного человека вниз, а Барли Джон направил груз на тележку.

Затем они вкатили тележку внутрь.

Кто-то из посетителей вскрикнул от удивления в одной из кабинок. Шелли обернулась. Глаза ее сузились, как давеча у Дамероу при взгляде на Клинта.

— Во имя Натана Хэйла, это еще что такое, Клинт Амос?

— Наша дичь, — ответил он, оглядывая «Фиш-Крик». Уолтер Арнасон вышел из кабинки, чтобы лучше видеть, подошли братья Койчи. Клинт был страшно рад, что Дамероу успела уйти.

— Дичь. Хм... — Шелли, задумавшись, вертела в руках полотенце. — Стало быть, вы в тумане стреляли горилл. Что бы *это* ни было, стейки из него мне не нужны.

Барли Джон ухмыльнулся.

— Никаких стейков не будет.

— Джон, — предостерегающе сказал Клинт.

— Это не медведь, — сообщил Фредди Койчи.

Шесть или семь человек, еще остававшиеся в кафе, столпились у тележки.

— Снежный человек, — признался Клинт.

Уолтер Арнасон рассмеялся.

— Ни хрена себе, Клинт. Вы, ребята, теперь станете знаменитыми!

— Вы уже кого-нибудь вызвали? — вмешался Френки Койчи.

— Нет, и не собираюсь, пока все не обдумаю хорошенько. И вы мне пока что не делайте сюрпризов, ладно?

Все некоторое время разглядывали массивное тело на тележке. Наконец Шелли заговорила:

— Ты его застрелил, Клинт?

Он раздулся от гордости.

— Угу.

— А я его заметил, — сказал Барли Джон.

«Что это на парня нашло?» — подумал Клинт. И с великодушием, которого на самом деле не испытывал, сказал:

— Наша добыча.

— Добыча Сведена, — решительным голосом заявила Шелли. — Если хотите хранить эту штуку у меня в морозилке, весь город должен выиграть. И я совсем не хочу, чтобы твоя жалкая жирная задница сбежала с нею куда-нибудь в Портленд или Сиэтл. Люди будут приезжать сюда, обедать у меня, покупать бензин у братьев Койчи и отправлять домой открытки с нашей маленькой почты. Ты же не против, мистер великий охотник на снежного человека?

Хранить существо Клинту было больше негде. И уж точно он не потащит тварь домой, к Марджи. Он обвел всех взглядом. На него смотрели семь пар глаз. Все зарабатывали крохи, у половины работы и вовсе не было. Включая его самого.

— Черт, терпеть не могу речи об общественном благе, когда не светит никакая награда, — медленно, наслаждаясь моментом, сказал Клинт. — Но я оставляю право собственности за собой — я имею в виду, мы с Барли Джоном оставляем за собой право собственности. Обещаю: все, что мы на этом зарабатываем, останется в Сведене.

Все в забегаловке «Фиш-Крик» пожали друг другу руки, будто обмениваясь новогодними поздравлениями. Тележку вкатили в морозильник номер три, который Шелли ради такого случая включила на полную мощность перед тем, как угостить всех пивом за счет заведения.

Около полуночи Клинт высадил Барли Джона у маленького и ржавого трейлера «эйрстрим», затерянного в промерзлом сыром лесу. Затем он отправился домой, в огромный гниющий коттедж под острой А-образной крышей — служивший в сороковых годах гостиницей для приезжих — раздумывая, как рассказать жене о том, что он сделал.

Завтрак прошел в напряженном молчании. Марджи швырнула на стол оладьи из готовой смеси и, подгоняя, проводила Клинта-младшего, Сьюзен и подросткового Хоб-

сона в школу. Клинт тем временем боролся с головной болью, состоявшей в равных частях из легкого похмелья и недосыпа, так как в шесть утра жена заставила его встать. Он умудрился все же поцеловать Хобсона и обнять Сьюзен. Клинт-младший ловко уклонился от тычка в плечо — он давно уже считал себя взрослым.

Марджи придвинула стул для себя и занялась последней горкой оладий с теми же двумя полосками ветчины, которые семейный бюджет позволял каждому из детей. Клинт с обидой молча прислушивался к звяканью ее вилки и вдыхал надоевший противный запах сиропа. Прошлой ночью они так и не поговорили.

Из-за этого ему было немного грустно.

— Элиза звонила, — наконец сказала Марджи. Зубчики ее вилки теперь скребли по пустой тарелке и размазывали пятна сиропа. — Вчера вечером.

Элиза? Дамероу, понял он. Заместитель шерифа.

— Сказала, что вы с Джонни опять занимались браконьерством.

— Ты хочешь, чтобы у нас зимой была еда? — кротко спросил он, хотя внутри klokотали злые слова. Но Клинт слишком устал и не хотел скандала. — Кроме того, это не браконьерство.

— А что по-твоему, черт побори? Не можешь взять охотничью лицензию, как честный человек?

— Нет, я подстрелил... одну штуку, для которой не нужны разрешения охотничьего и рыболовного управления.

Марджи уставилась на него с выражением отчаяния и гнева. Он вспомнил, какой хорошенькой жена была двадцать лет назад. Черт, она все еще хорошенькая, несмотря на лишний вес, короткую стрижку — так за волосами легче ухаживать — и эту уродливую растянутую одежду из «Уол-Марта», купленную в городе.

— Кого же... — наконец спросила Марджи, — кого же ты подстрелил? Пришельца из космоса, что ли?

— Снежного человека, — гордо произнес он.

— Снежного человека? — переспросила она, будто в жизни не слышала о таком.

— Снежного человека. *Здоровенного.*

— Господи, Клинт. — Марджи со слезами на глазах покачала головой. — Ты или пьян, или рехнулся, или все сразу. Ради Бога, раз уж решил браконьерствовать, принеси домой что-нибудь, что я могу приготовить.

— Барли Джон был там вместе со мной, — сказал Клинт, защищаясь. — Шелли видела снежного человека, когда мы его привезли. И Уолтер Арнасон, и Койчи тоже.

— Настоящего снежного человека?

— самого настоящего.

— И что ты намерен делать?

— Созовем пресс-конференцию, — усмехнулся он. — Раскрутимся на полную катушку. Будем брать плату за показ. Заработаем деньги. — Клинт потянулся через стол и взял жену за руку. — Это большие деньги, Марджи. Больше, чем... чем... не знаю. Представь, что у нас в Сведене, в штате Орегон, проводится Супер Боул, и нам дарят команду-победителя.

Марджи разразилась слезами и сделалась отчего-то совсем красавицей.

Когда Клинт после обеда подъехал к кафе «Фиш-Крик», чтобы проверить, все ли в порядке с добычей, там уже собралось множество людей. Целая толпа.

Пришлось по-честному парковаться сзади.

Все кабинки и большинство мест у стойки были заняты. Здесь были и завсегдатаи, и куча таких, кого Клинт видел очень редко, на заправке или по дороге в Эстакаду, когда ездил за покупками в город. Кое-кого он вообще не знал.

Шелли порхала за стойкой. Она взяла помощницу, чего не могла себе позволить с тех пор, как закрылась лесопилка и сгнули последние из постоянных рабочих мест в Сведене. Клинт рассматривал повариху: лицо казалось знакомым, но никак не вязалось с кафе. Наконец он понял, что это та самая древесная подружка Дамероу — еще более тощая, чем заместительница шерифа, голова бритая, на ли-

це татуировки цвета морской волны, ноздри пробиты серебряной гантелью.

— Чертовски много здесь народу, — проворчал он, когда Шелли остановилась перед ним у барной стойки.

— Трое хранят секрет, только если двое из них мертвы, — ответила она. — Кроме того, это хорошо для бизнеса. Весь город получит свою выгоду, так ведь? Мы же договорились.

— Ну да, верно. — Клинт покачал головой. — Кофе, когда будет минутка. Я думал посмотреть, как он там, но не хочу открывать морозилку номер три, куда здесь такая орава.

Шелли заговорила сердито, совсем как Марджи:

— А зачем, ты считаешь, пришли сюда все эти люди?

Клинт пил маленькими глотками кофе и размышлял над ее словами. Реклама — это, конечно, хорошо, но нельзя сразу пускать целую толпу.

Правда, их не так-то много. Будем надеяться, как-нибудь обойдется. Определенно никаких фотоаппаратов. Права на снимки будут стоять хорошие деньги. Миллионы.

Можно ли доверять Шелли? Клинт подумывал было попросить у нее разрешения повесить на морозилку номер три замок, но вовремя сообразил, какой ответ получит. Не хотелось бы искать новый дом для снежного человека.

Доверие.

— Ладненько, — сказал Клинт, вставая и потягиваясь. Прозвучало это совсем фальшиво, как много лет назад, когда он впервые с деланной небрежностью приобнял Марджи. Забегаловка затихла, словно школа в жаркий летний день. — Проверю-ка я третий номер.

Он обошел стойку и направился в кухню.

— Клинт.

Это была Шелли.

Он обернулся и увидел, что за ней стоит вся толпа; люди сгрудились у стойки, точно лошади перед забегом.

— Хотите посмотреть, — неохотно начал он, понимая, что играть придется по правилам Шелли, — смотрите. Два условия. — Он поднял два пальца. — Только если я вас знаю.

И никаких разговоров с прессой. Весь город должен быть в этом заодно.

Послышалось ворчание, но Шелли кивнула.

Клинт подошел к морозилке номер три. Ручка была чуть повернута вниз. Кто-то открывал холодильную комнату до него. С утра или днем. Клинт уже открыл рот, но решил не портить впечатление. Наверняка Шелли. Она бы никого туда не пустила, разве что эту мелкую повариху, которую так неожиданно наняла.

А это означает, что Дамероу все известно, рассудил он.

Он повернул ручку. Внутри зажегся свет. Снежный человек лежал там же, где они оставили его вчера: на тележке, волосы покрылись изморозью. Люди по одному проталкивались поближе мимо Клинта и застывали, словно у гроба в похоронной конторе. Клинт остановил рыжего амбала в ковбойке.

— Мы знакомы, приятель? — спросил Клинт. — Для публики пока закрыто.

— Работали вместе на лесопилке в девяносто втором, девяносто третьем, — сказал рыжий. — Я водил погрузчик бревен, там, во дворе, помнишь? Теперь перебрался на юг штата.

— Чего же сегодня приехал?

Рыжий усмехнулся и кивнул на снежного человека.

— А ты бы не приехал ради такого?

После этого Клинт перестал проверять людей. Он просто смотрел, нет ли у них в руках фотоаппаратов, не сверкнет ли где вспышка.

Они все столпились в кругу у тела, и снова это было похоже на похороны, и тут начались речи, как на поминальной службе.

— Здоровый какой! — сказала Дженни Уоткинс, которая жила с глухим мужем в нескольких милях на северо-запад от городка, в самой старой хижине в округе.

— Несчастливо он умер, — заметил рыжий с юга штата.

— И жил он тоже не очень счастливо, — добавил Уолтер Арнасон. Вчерашнего ему оказалось мало. — Смотрите, ка-

кие шрамы. Как будто его кто-то давным-давно отделал стальным прутом.

Они продолжали обмениваться замечаниями, обсуждая размеры и строение тела снежного человека, как школьники, препарирующие лягушку. Наконец Клинт громко прочистил горло.

— Народ, здесь холодно. Оставим его пока в покое, а мы с Шелли тем временем разработаем стратегию для прессы.

Славно было сказано — Клинт мог гордиться собой.

— Как вы собираетесь его назвать? — спросила Дженни.

— Сведский Стив, — не задумываясь, ответил Клинт.

— Прощай, Сведский Стив, — уходя, сказала она. И все прочие на выходе повторяли эти слова, пока Клинт не остался наедине с Шелли.

— Думаю, теперь полштата знает, — сказал он.

Шелли жестко улыбнулась.

— Тогда лучше займись своей *стратегией для прессы*, Клинт.

Клинт оглянулся на Сведского Стива. Ладони у трупа были плоские, раскрытые. Прошлой ночью, он точно помнил, они были сжаты в кулаки.

Клинт долго сидел дома, пытаясь записать свои мысли. Он прекрасно понимал, что нужно побыстрее найти кого-нибудь достаточно известного и начать раскручивать историю. Майклу Джексону такое бы подошло, только Клинт и рядом не сядет с придурком-метисом. Ему нравились некоторые приличные консерваторы из Орегона, скажем, этот Хемстрит, что занимается гостиницами. Но Клинт решил, что здесь требуется кто-то из прессы или Голливуда.

Не важно кто, главное — составить деловое предложение, которое он изложит, когда будет говорить по телефону с будущим спонсором. Клинт пересмотрел достаточно телепрограмм о людях, которые выиграли в лотерею или что-то там еще, а после потеряли все деньги из-за мошенничества с вложениями и жадных родственников. Он не хотел

просто приглашать телевидение или обращаться в газеты. Нет, ему нужен большой человек.

Марджи работала до семи, домой приезжала еще позже, и Клинт сидел в одиночестве, пока дети около четырех не вернулись из школы. Клинт-младший – младший класс средней школы – с шумом распахнул дверь, рыгнул и бухнулся на диван. Сьюзен – седьмой класс – вошла следом, тряхнула волосами, издала драматический вздох и исчезла в своей комнате.

Клинт ждал, что войдет Хобсон, но младший – третий класс – так и не появился.

— Где твой брат? — спросил он Клинта-младшего.

— Какой брат?

— *Младший.*

— А, малыш-плохиш, — усмехнулся Клинт-младший. — Сошел с нами с автобуса у «Фиш-Крик» и убежал в лес со своим фриканутым дружком.

Так Клинт-младший называл племянника Барли Джона, Тайлера Диммитта Стефенса. Тайлер весь пошел в свою семейку, и Клинт считал, что в будущем это не предвещало пацану ничего хорошего, но племянник Барли Джона ладил с Хобсоном, как спички с керосином.

— Сначала он должен был зайти домой, — проворчал Клинт. — Семейные правила.

— Я ему не сторож. — Клинт-младший раскрыл учебник по математике и сделал вид, что погрузился в чтение.

Спорить Клинту не хотелось. Он надел пальто и вышел на крыльцо, высматривая младшего сына. Чувство времени у Хобсона и Тайлера развито не лучше, чем у сойки, а уже начинает темнеть.

Воздух был чист и свеж, скоро должен был выпасть снег. Небо снова стало жемчужно-серым, и ветер забирался за воротник вельветового пальто. Клинт пожалел, что не надел охотничью куртку, но решил, что и пальто сгодится: он только по-быстрому дойдет до «Фиш-Крик» и позовет из лесу детей. Он жил в полумиле на юго-восток от центра городка: как раз успеет согреться. По пути он то и дело кричал:

— Тайлер! Хобсон! Идите сюда, мальчики.

Ребята не показывались. Клинт дошел до кафе и заглянул внутрь. Шелли не было, за стойкой крутилась чудаковатая подружка Дамероу. Народу опять собралось больше, чем обычно.

Может, они тут водят людей в морозилку? Интересно, сколько денег заработает Шелли на Сведском Стиве, минуя Клинта? Клинт понял, что придется целыми днями сидеть в кафе, а дети пусть встречаются с ним прямо там, когда будут приезжать на школьном автобусе.

— Вы не видели Тайлера и Хобсона? — спросил он у подружки Дамероу.

— Не-а.

— Два маленьких мальчика, — добавил он. — Сошли с автобуса где-то полчаса назад.

— Не-а.

— Шелли здесь?

— Не-а.

— А другого ответа у тебя нет?

Она выставила средний палец.

— Не-а.

Он ответил ей тем же жестом и затопал в лес, вплотную подходивший к громадной парковке «Фиш-Крик» с юго-востока. На северо-западе парковка незаметно переходила в гравийную дорогу, которая вела к бензоколонке братьев Койчи и оттуда к почте. Если дети убежали в лес, как сказал Клинт-младший, они где-то здесь.

Через двадцать минут, зайдя в дом Тайлера и узнав от сестры Барли Джона, что мальчики не появлялись дома, Клинт вернулся в «Фиш-Крик». Уже смеркалось, и он беспокоился. Он снова распахнул дверь. Полно людей, примерно половина из них местные.

— Я не хочу поднимать тревогу, — сказал Клинт, — но потерялись два мальчика. Надеюсь, кто-нибудь из вас поможет мне прочесать лес и найти их.

— Вот дерьмо, — выдохнул кто-то. Крытые винилом сиденья закрипели, все вскочили на ноги. Подружка Даме-

роу направилась к телефону. Звонит своей, подумал Клинт. Что ж, сейчас это правильная мысль.

— Если у кого-нибудь есть в машинах фонарики, пожалуйста, возьмите их, — громко сказал Клинт. — Как только солнце зайдет, там станет темно, как у енота в заднице.

Подружка Дамероу принесла из-за стойки «Маглайт» — длинный полицейский фонарь на пять батареек, каким при случае легко проломить череп.

— Спасибо.

— Я позвонила Элизе и Шелли. Сожалею о вашем сыне, — помолчав, добавила она.

— Что это значит — *сожалею*? — спросил он с внезапным подозрением. «И куда, к чертям, подевалась Шелли?» — зудел голосок где-то в затылке.

Она снова выставила средний палец.

— Жаль, что он потерялся. И жаль, что отец у него — такой гребаный неудачник.

Клинт мгновенно затрясся от гнева, но не мог же он влупить ей пощечину прямо в кафе, на глазах у толпы обеспокоенных людей.

— Пошли! — крикнул он. — Пора идти.

Все гурьбой вышли на улицу и разошлись в разные стороны, зовя мальчиков по имени. Сердце Клинта сжалось в кулак и словно пыталось вырваться из груди. На парковке он встретил Клинта-младшего и обнял его так, что у сына затрещали кости.

— Полегче, пап, — тихо сказал Клинт-младший. — Малыш-плохиш просто заигрался с птичьими гнездами или чем еще там.

Ни один из них в это не верил.

Когда около 7:40 старенький, еле двигавшийся «плимут эрроу» Марджи показался на шоссе, весь город уже прочесывал лес. Дамероу приехала вскоре после начала поисков и пыталась вызвать подмогу, но все силы были брошены на ограбление банка в пригороде Портленда, на другом конце штата. Ей удалось вызвонить пожарных, а

лесное управление пообещало прислать рейнджеров. Они еще не приехали.

Клинт вовсе не мечтал беседовать с рейнджерами, ну ни капельки не мечтал, но вернуть мальчика было в сто раз важнее. Температура упала ниже нуля и люди уже начинали говорить «тела» вместо «дети».

Марджи немного сбросила скорость у почты и заправки Койчи, затем подъехала к кафе «Фиш-Крик». Парковка была полностью забита машинами. Клинт видел, как Марджи вышла, спросила у кого-то, что происходит, и ей указали на него.

Больше всего в жизни ему хотелось убежать прямо сейчас же. Он не мог посмотреть жене в глаза и признаться, что потерял их малыша. Клинт знал, что всю выдержку жены сдует как мочу на ветру, стоит ей услышать новости.

Он знал, что его слова убьют ее.

Марджи подошла к Клинту, стоявшему в свете одного из фонарей кафе. Лицо ее беспорядочно смялось, как бельё в корзине для стирки.

— Дорогая, — медленно сказал он. — Мы найдем его.

— Я... он... — слова, будто вязкие конфеты, застревали у нее во рту.

— Все ищут, — сказал ей Клинт, и его голос окреп. — Мы останавливаем каждую проезжающую машину и просим помочь. Весь треклятый город Сведен здесь, Марджи.

— Хоб... Хоб... — Она хватала ртом воздух, умирая столь же бесповоротно, как выброшенная на берег радужная форель. — Хобсон.

Клинт развел руки и обнял ее рыдания. Они стояли на холоде и дрожали, а люди вокруг кричали, звали и мелькали огоньками в деревьях вокруг, повсюду, куда ни смотрел Клинт. И еще дальше, надеялся он. До самого конца света.

Через полчаса Марджи пила кофе и плакала вместе с Шелли. Клинт стоял на морозе. Ему хотелось самому бе-

жать в лес, но Дамероу приказала ему оставаться в «Фиш-Крик».

— Как найдем его, нужно будет найти *тебя*, — сказала она.

Клинт с молодых лет участвовал в окружных пожарных и поисково-спасательных операциях. Он знал правила. И все-таки он наказывал себя, стоя на морозе и отказываясь от кофе Шелли. Пусть ему будет так же трудно, как любому из спасателей.

Как Хобсону или Тайлеру.

Из тьмы выскользнул Барли Джон с тускнеющим фонариком в руке. Где-то далеко перекликались люди.

— Клинт, — сказал он. — Тебе лучше пойти со мной.

Клинт и без расспросов понял, что дело плохо.

Он пошел следом за Барли Джоном в лес по гравийной дороге, где стоял трейлер сестры Барли Джона, а дальше жили еще с полдюжины семей. Затем они свернули с дороги в лесную тьму – виден был только рой фонарей. Позади себя Клинт услышал ворчание двигателя старой спасательной машины окружной пожарной службы.

Что бы там ни было, понадобился грузовик. И это еще хуже, чем плохо.

Барли Джон подвел Клинта к кучке людей, светивших фонарями на дугласову пихту. Нижние ветви были в сорока футах от земли. Чуть повыше виднелось что-то светлое.

— Собака залаяла, — сказал кто-то, и все в толпе стали рассказывать на дюжину голосов:

— Мой мальчишка что-то услышал.

— Она никогда сюда не заходит.

— Ветер как будто позвал меня по имени.

— Кто же в лесу смотрит вверх?

— Проходили мимо много раз.

— Как можно туда забраться?

— По стволу течет кровь.

— Должно быть, волк.

— Орел.

— Месть снежного человека.

Виляя между деревьями, подъехал «додж», пожарные достали лестницу и приставили к пихте, надели шипы и обвязались страховкой и полезли по стволу и кричали и просили носилки и вся жизнь Клинта словно собралась в это единое мгновение и громадный отрезок времени раскачивался на краю обрыва и готов был обрушиться лавиной, что унесет остаток его дней волной скорби, ярости и боли.

На веревках спустили носилки, и на них было лишь одно крошечное тельце под одеялами, прочно охваченное ремнями. Люди внизу поймали носилки. Клинт стал проталкиваться вперед, и тогда Стефани Диммитт, которая все отказывалась выйти замуж за Барта Стефенса, потому как не желала стать Стефани Стефенс, упала на окровавленные одеяла и завывала. Там лежал Тайлер Диммит Стефенс с раздутым лицом и разодранной кожей на голове, и весь он был цвета кубика льда, а губы синие, как джинсы Клинта.

— Где Хобсон? — спросил Клинт, но никто не услышал.

Веки Тайлера задрожали, он открыл глаза, такие же синие, как и губы — хотя Клинт готов был поклясться, что глаза у него раньше были карие, как у дяди — и четким, пронзительным голосом произнес:

— Обезьяна, это была обезьяна.

Его вырвало на одеяло смесью кровью и желчи, тело сотрясала крупная дрожь.

Пожарные из округа втолкнули носилки с Тайлером в машину и двинулись задним ходом, вызывая по радио спасательный вертолет.

Через несколько минут почти все разошлись. С тупым отголоском удивления Клинт обнаружил себя рядом с Дамероу.

— Хобсон где-то здесь, — сказала она Клинту. — Какой бы больной говнюк ни сделал это, он не мог уйти далеко. Ты довольно быстро начал поиски.

Дамероу обняла его за плечи, и это даже не показалось Клинту странным, хоть она и была лесбиянкой, или как ее теперь полагается называть.

— Ты сделал все правильно, Клинт. Ни в чем не ошибся.

Затем пар дыхания унес ее прочь. Она без устали отдавала приказы по рации, распределяя людей и технику, точно Эйзенхауэр в Нормандии.

Прошло еще немного времени, и Клинт вернулся в кафе «Фиш-Крик». Он хотел заглянуть в номер третий и проверить, там ли еще Сведский Стив. На самом деле он собирался проверить, нет ли крови на руках Стива.

Когда он подошел к морозилке, перед большой алюминиевой дверью уже стояла Дамероу с цифровым фотоаппаратом в руке.

— Так и думала, что ты придешь сюда, — сказала она. — Решила глянуть. Расскажешь?

Клинт кивнул и потянул ручку. Они вошли внутрь, и он начал рассказ. Ясно было, что Дамероу уже все о этом слышала, но он все-таки рассказал ей все, что знал, не упомянул только о неплотно запертой двери и двигавшихся руках. Репутация психа ему совсем не улыбалась.

Крови на руках Сведского Стива не оказалось, но два пальца правой были вытянуты в виде буквы «V», знака победы. Клинт рассудил, что подружка Дамероу решила вконец затрахать ему мозг, но заместительнице шерифа он об этом сообщать не собирался.

Кафе «Фиш-Крик» оставалось открытым всю ночь в качестве базы поисков Хобсона. В конце концов Клинт решил, что будет сидеть внутри — нужно же следить за морозилкой номер три, сказал он себе. Но там был кофе, общество людей и, время от времени, проявления сочувствия. Марджи давно исчезла в недрах таинственного сестринского сообщества скорбящих женщин, и Клинт чуть ли не всерьез задавался вопросом, увидит ли ее когда-нибудь снова.

Клинт-младший ни за что не соглашался покинуть поисковый отряд, а Сьюзен улетела на вертолете в портлендский госпиталь вместе со Стефани и Тайлером.

Клинт остался один, и даже группы замерзших спасателей, врывавшиеся в кафе, чтобы перехватить гамбургер с

кофе и воспользоваться туалетом, обходили его стороной. По их разговорам он заключил, что Дамероу разделила спасателей на два отряда: один вел поиски широкой спиралью, а другие действовали поблизости от дерева, на котором нашли Тайлера. Рядом с деревом им, похоже, удалось обнаружить пятно крови, но сколько-нибудь достоверные исследования в криминалистической лаборатории пришлось отложить по крайней мере до утра.

Часа в три утра вернулась Дамероу. Она выглядела усталой и бледной, кожа казалась почти зеленой.

— Плохие новости, Клинт, — сказала она, села напротив и стала дышать на руки, стараясь их согреть.

— Разве другие теперь бывают?

— Звонили из госпиталя. Они определили группу крови на лице и одежде Тайлера. Не настоящая экспертиза, конечно, но крови было много, прости уж за прямоту. Смесь двух групп. У Тайлера В отрицательная. Ты случайно не знаешь, у Хобсона АВ положительная?

— Черт побери, — сказал Клинт, — понятия не имею. Может, Марджи знает. — Он вздохнул долгим, всхлипывающим вздохом. — Готов поставить оба яйца, что кровь его. Чья же еще?

— Преступника, — сказала она. Ее лицо казалось почти каменным и ничего не выражало. — По учебнику, ты подозреваемый номер один, но у тебя нет царапин или синяков, и уж всяко из тебя не вытекло столько крови, как на Тайлере. Кроме того, я познакомилась с тобой раньше, чем у меня сиськи выросли. Ты придурок, тупой болван, плохо обращаешься с женой, ты бестолков, как пень, но скорее ты полетишь на Луну на крыльях из паутины, чем убьешь ребенка. Не говоря уж о том, что тебе действительно понадобилось бы взлететь, чтобы забросить Тайлера на пихту в пятидесяти футах от земли.

— Да, летать я не умею, — стертым, как старая крышка, голосом сказал Клинт.

— И никто не умеет. Так что тут у нас маленькая криминалистическая загадка. Еще важнее то, что алиби у тебя не хуже, чем у всех остальных. Ты оставил других детей дома,

а десятью минутами позже люди здесь видели, как ты бежал и звал на помощь. Ты никак не успел бы так быстро сгонять в лес, разделаться с пацанами, закинуть одного из них на дерево, привести себя в порядок и явиться сюда.

Клинта не удивило, что Дамероу успела опросить свидетелей. Что тут удивительного — это ее работа.

— Так кто же затащил его на дерево?

— Какой-то психопат с лестницей и железными нервами, — сказала Дамероу. — Если бы я знала кто, то знала бы, где искать Хобсона.

— Тело Хобсона, — сказал Клинт.

— Нет, Хобсона. — Дамероу встала, потрепала Клинта по плечу, потом наклонилась и поцеловала его в макушку.

— Погоди.

— В чем дело? Ты собрался признаться и уничтожить все мое прекрасное расследование?

— Нет. Только это сделал он. Сведский Стив.

— *Снежный человек*? Он мертв, Клинт. Тебе нужно отдохнуть.

— Он и раньше выбирался оттуда. Утром я заметил, что ручка на двери, там, в морозилке номер три, была чуть повернута вниз. И его руки... каждый раз, когда я смотрю на них, они выглядят по-другому.

— Пойдем, здоровяк. — Она взяла его за плечо и силой подняла на ноги. — Пошли, посмотрим.

Пальцы Сведского Стива все еще были сложены буквой «V». Дамероу сделала еще несколько снимков, затем вытащила из-под стойки скотч, заклеила дверь сверху, снизу и посередине и прикрепила к ручке свою визитку.

— Если кто-то захочет пролезть, то не заметит скотч наверху, — сказала она Клинту.

— Что ты сказала шерифу о Стиве? — спросил Клинт.

— Пока ничего. Не хочу показаться ненормальной. Но прокурор округа набросится на дело о похищении детей, как только эта новость попадет в газеты в Портленде, и мне нужно будет как-то оправдаться, иначе подумают, что я скрываю улики. — Она поморщилась. — Если хочешь большой куш, у тебя остается от восьми до двенадцати часов. А

тем временем постарайся держать свою жалкую задницу здесь, где тебя видит куча людей.

Дамероу вышла на улицу, вернулась в жестокий холод, к поискам того, что осталось от его младшенького. Клинт сел за столик и заплакал.

Дыра в сердце Клинта, размером с пропавшего ребенка, продолжала саднить, кофе не помогал. Решив, что глоток холодного воздуха его взбодрит, Клинт кивнул подружке Дамероу за барной стойкой и вышел наружу.

В лесу все еще поблескивали огни, и люди звали его сына по имени. Во всех направлениях, по обе стороны от шоссе, как светлячки. Он стоял, дрожа, и думал, что предпринять. Что он должен сделать. Должен был сделать.

Не верилось, что виноват проклятый снежный человек. По всему выходит, что он, но не получается. Кто способен вылезти из холодильника с тремя пулями в теле и пробраться незамеченным мимо всех?

А он, Клинт, должен быть там, быть одним из светлячков. Хобсон услышит голос папы, а не зов незнакомцев. Клинт знал малыша, как никто, кроме Марджи. Он сможет распознать убежище, которое выбрал бы Хобсон, где сынишка спрятался бы от гребаного психа, что порезал Тайлера.

Живого или мертвого, никто не мог разыскать сына Клинта лучше отца.

Надвинув кепку на лоб, Клинт побрел в лес, к тому месту, где нашли Тайлера. Дамероу права. По всему видать, как раз оттуда парень бросился наутек. Клинт так устал, что едва не падал на каждом шагу, холод пробирал его до костей, но он счел все это небесной карой за то, что не уследил за сыном.

Что еще он мог сделать?

Клинт не понимал теперь, где находится. Он прожил в Сведене всю жизнь, ни разу не заблудился. Но сейчас все

было по-другому. То он готов был поклясться, что по пояс провалился в снег, который еще не выпал, то, мгновение спустя, задыхался от летнего зноя. Деревья он тоже не узнавал.

Голоса, правда, еще слышались. Он пытался следовать за ними. Не удавалось разобрать, что там говорят. Какой-то странный монотонный язык — братья Койчи, что ли, разговаривают между собой по-японски?

— Хобсон? — прохрипел он. Может, с ними его сын.

Потом снова слышался скрежещущий орлиный крик, такой же, как давеча, когда он стрелял в снежного человека. Клинт споткнулся, схватился рукой за сосну, пытаясь удержаться, и вдруг ему привиделась лодчонка на реке и громадный бородатый человек, который целился в него из какого-то старинного пистолета, а сам он словно парил в воздухе. На берегу горел лагерь, люди в меховых одеждах лежали в воде лицами вниз.

Клинт опять споткнулся и повалился в заросли ежевики, одежда на нем порвалась. Теперь бородатый кричал и ругался на непонятном языке, и тогда лодчонка повернулась боком, пистолет полетел в реку, и огромный жуткий ястреб, каких никогда не видел Клинт, медленно взмахивая гигантскими крыльями со звуком тяжелого предсмертного сердцебиения, пал на бородатого и вонзил глубоко в его плечи чудовищные когти.

В плечи, как раз туда, где у Стива тянулись большие зарубцевавшиеся шрамы.

Клинт задыхался, измазанные медвежьим жиром женщины с плоскими лицами резали его сухожилия и суставы заостренными раковинами, потом проснулся, крича в светивший прямо в лицо луч фонаря.

— Приятель, тебе будет лучше в тепле, — сказал Барли Джон. Таким грустным Клинт никогда его не видел.

Кто-то с силой потряс Клинта за плечо. Его голова резко дернулась. Чашка опрокинулась, холодный кофе залил лицо и волосы.

— Я уже проснулся! — чуть не выкрикнул он.

— Вы Клинт Джеральд Амос?

Клинт сел и протер глаза. Высокий человек в плаще, с узким черным галстуком, в темных очках «Рэй-Бэн», смотрел на него сверху вниз. Утреннее солнце било в окна кафе «Фиш-Крик». Клинт прищурился. Незнакомец во всем походил на агента Малдера из сериала «Секретные материалы».

— А вы кто, к чертям, будете?

Высокий незнакомец нахмурился.

— Я из Бюро паранормальных исследований.

— Пара... — Клинт снова потер глаза. — Какого хрена? Пошел вон от меня, больной!

Высокий наклонился и оказался почти лицом к лицу с Клинтом.

— Мы частная организация сэр, и изучаем паранормальные явления. Как в «Секретных материалах», если хотите. Но только в реальной жизни. Мы также выплачиваем солидное вознаграждение за достоверную информацию.

— А за пропавших детей вы тоже выплачиваете *солидное вознаграждение*? — ядовито спросил Клинт. С тех пор, как исчез Хобсон, это был первый человек, которому он мог с полным правом врезать по морде.

— Детей? — удивился паранормальный исследователь. — Я здесь по поводу вашего снежного человека.

Клинт вскочил, сжал в руке цилиндрок стеклянной сахарницы и резко замахнулся. Незнакомец уклонился от удара и начал отступать, а из соседних кабинок выбежали несколько человек, собираясь прекратить драку.

Входная дверь распахнулась так резко, что треснуло стекло.

— Клинт Амос, *немедленно* тащи свою задницу сюда!

Это была Дамероу. С ней вместе вошел еще один заместитель, которого Клинт не знал, здоровенный красноротый бугай с пухлыми губами. Фрэнки Койчи и Боб Уоткинс уже загнали паранормального исследователя в угол. Клинт вышел на морозный утренний воздух.

Дамероу кончиком пальца ткнула его в грудь.

— Есть у тебя хоть *какая-нибудь* гребаная идея насчет того, где может сейчас находиться Стейси Камерон?

— Что?

Он знал Стейси Камерон — подросток, дочь директорши почтового отделения.

— Утром мать пришла ее разбудить, а девочки в комнате не оказалось. Окно открыто, на подоконнике следы крови. — Палец снова уперся в грудь Клинта. — *Три* гребаных ребенка меньше чем за двадцать четыре часа, в *моем* городе, и каким-то образом ты все это заварил! И Санфайр говорит, что ты, бля, зачем-то выходил из кафе ночью, хотя я тебе, бля, велела сидеть *на месте*!

— Элиза, — сказал второй заместитель, схватив ее за локоть.

Она убрала палец с груди Клинта.

— Где она, черт подери, Клинт?

— Ты проверяла морозилку?

— Проклятье, Клинт, я сейчас пристрелю тебя прямо тут, если ты, бля...

— *Заместитель* Дамероу! — рявкнул ее напарник с южным, как кукурузный початок, акцентом. — *Достаточно*!

— Я тут ни при чем, и ты это знаешь, — негромко и настойчиво проговорил Клинт. — Проверь треклятый холодильник. И заместителя Гавка прихвати.

Она едва ему не вломила, но сдержалась и заговорила тише.

— Я знаю, что это не ты, говнюк, но теперь ничего не смогу доказать, потому что ты выходил из кафе!

— Так что там в морозилке, Дамероу? — спросил второй заместитель.

— Не поверишь, пока не увидишь, — пробормотала Дамероу. — Но к детям это не имеет никакого отношения.

— Я бы предпочел сам об этом судить.

Дамероу бросила на Клинта острый взгляд, и все трое направились к морозилке номер три.

— На двери твоя визитка, — сказал новый заместитель, Рохан — Клинт наконец разобрал его имя на бейджке.

— Скотч разорван, — упавшим голосом сказала Дамероу и посмотрела на Клинта. — Кто сюда заходил?

— Не знаю, черт побери. Я уснул.

— Тоже мне отец, бля, из тебя...

— *Дамероу!* — крикнул Рохан. — Хватит!

Дамероу замолчала, вытащила из кармана пальто цифровую камеру и сделала несколько снимков порванного скотча на двери холодильника. Кто бы ни сделал это, он даже не попытался приклеить ленту на место.

Они вошли внутрь и увидели, что на правой руке Сведского Стива вытянуты три пальца.

Дамероу куда-то ушла. Рохан с пристрастием допрашивал Клинта в крошечном кабинете Шелли.

— Послушай-ка меня, — сказал громадный заместитель. — Я знаю, что у тебя есть алиби. Я знаю, что со вчерашнего дня ты был здесь. Но ночью ты выходил, и теперь твоему прикрытию как-то. У тебя в друзьях половина говенного городка, и каждый из них готов рискнуть своей задницей и солгать ради тебя, а я никогда не узнаю. Но слушай сюда, Амос. Когда они поймут, что ты натворил, что ты на самом деле за человек, они перестанут тебя покрывать. Лучше соznайся сейчас, и весь этот кошмар, надеюсь, быстрее закончится. Потому что я тебе обещаю: так или иначе, конец настанет.

Клинт уставился на Рохана красными глазами, окруженными, как песком, воспаленной каемкой.

— Можете продолжать задавать мне вопросы, но от этого правда не изменится. Исчез мой гребаный пацан, заместитель. Что я прячу? Какого черта мне что-то скрывать?

— Это ты мне скажи, Амос. Ведь ты зачем-то прячешь от нас детей.

Клинт вскочил, ударился головой о полку, и вокруг разлетелись компьютерные пособия и кулинарные книги.

— Как я мог, бля, похитить Стэйси Камерон, умник ты эдакий? Я что, два близнеца? Я что, бля, весь город загнипотизировал? Да, я выходил из кафе на некоторое время,

но вернулся. Я спал в кабинке, пока этот паранормальный debil меня не разбудил. Прямо на виду у всех.

Рохан схватил Клинта за рубашку, в его пороссячих глазках загорелась жажда убийства, но тут дверь кабинета распахнулась.

— Нужно поговорить, заместитель, — сказала высокая латиноамериканка в штатском. Она положила руку на предплечье Рохана, в другой руке блеснул жетон.

Рохан отпустил Клинта и направился к выходу. Его лицо обещало неминуемую расправу. В комнату вошел еще один человек в штатском, невысокий чернокожий в пидерском свитерке с вышитыми оленями.

— Агент Моран, ФБР, портлендское отделение, — сказал он.

— Спасибо, что избавили меня от этого маньяка.

— Заместитель Рохан, я уверен, действовал в интересах следствия, — сказал Моран.

Клинт внезапно почувствовал смертельную усталость. Его душа была опустошена.

— И каковы эти интересы?

— Давайте пройдемся, мистер Амос, если не возражаете.

Клинт проследовал за агентом, прошел мимо заместителя Рохана, которого отчитывала напарница Морана, и ступил в холодное утро мира, где не было его сына.

Они шли молча, пока не добрались до дерева. Здесь нашли Тайлера. Моран отвел рукой полицейскую ленту. Они с Клинтом посмотрели вверх.

— В криминалистической работе мне не так часто приходилось сталкиваться с деревьями, — сказал Моран. — Хотя бывали случаи с лесорубами. Люди падали на ветки, острые предметы и все такое.

Он говорил непринужденным и даже дружеским тоном, но Клинт решил ему не поддакивать.

— Полагаю, что так.

— Как бы вы залезли на это дерево, мистер Амос?

Клинт оглядел сорок футов гладкого ствола и уперся взглядом в то место, где от него начинали отходить раскидистые ветви. Это дерево даже уступало в размерах многим пихтам.

— Никак.

— А если бы пришлось?

Клинт пожал плечами.

— Думаю, нашел бы грузовик с подъемной стрелой.

— Шипы, веревки...? — мягко осведомился агент.

— Посмотрите на меня, Моран. — Клинт похлопал себя по животу. — Во мне семьдесят или восемьдесят фунтов перевеса, и мне давно перевалило за сорок. Я не смог бы залезть на это дерево, даже если бы мне поджаривали задницу, а наверху меня ждала вода.

— Я вам верю, мистер Амос, как ни прискорбно.

— Прискорбно?

— Если бы вы *могли* забраться на это дерево, то все наше малоприятное дело быстро бы закончилось.

— Прошлой ночью Дамероу сказала примерно то же.

— Заместитель Дамероу работает на пределе сил и сейчас немного не в себе. Однако я уже успел заключить, что эта женщина достойна глубокого уважения. — Моран помолчал, будто подбирая слова. — Но вы и так все знаете, верно?

— Да. — Плечи Клинта задрожали от рыданий. Шрамы на теле Стива приходились на те же места, где индейские женщины резали его самого во сне. Те же, куда на теле огромного человека-медведя вонзились когти ястреба. — Это снежный человек. Я убил снежного человека, и теперь он каким-то образом мстит.

— То тело в холодильнике? Его алиби даже лучше вашего, мистер Амос. В мешковатом пальто еще можно проскользнуть незамеченным. Но того человека, существо, кем бы оно ни было, заметил бы даже слепой.

— Это только кажется, — тихо проговорил Клинт. — Тайлер говорил что-то про обезьян. А Сведский Стив и есть обезьяна. Большая, гигантская обезьяна-убийца.

Сзади загрохотало, и Клинт с опозданием различил выстрелы. Отставая от Морана на два-три шага, он помчался вслед за агентом к кафе «Фиш-Крик».

— Там была обезьяна! — кричал Фредди Койчи. — За домом Уолтера. Как пацан и говорил.

На парковке собралась группа разъяренных жителей. У многих были при себе пистолеты и винтовки. Заместитель Рохан и агентша-латино крутились рядом и выглядели очень несчастными.

— Что тут, к чертям, происходит? — спросил Клинт.

Толпа собралась вокруг него. Большинство — жители Сведена, которые знали Клинта и знали, что его сын пропал первым.

— Обезьяна, — повторил Фредди. — Пыталась залезть в верхнюю спальню Уолтера Арнасона.

— Там его сын Бобби делал уроки! — крикнул кто-то.

— И что же? — спросил Клинт. — Вы ее застрелили?

Кто-то резко и нервно засмеялся.

— Я стрелял, — пробурчал Фредди. — И еще пара человек.

На лице Рохана было написано отвращение.

— Они выбили окно и напугали ребенка, — сказал он.

Из кафе «Фиш-Крик» вышла Дамероу и подошла к Клинту и агенту Морану. Выглядела она совсем дерьмово, и голос звучал так же:

— Мне нужно вам кое-что показать.

— Не сейчас, — сказал Клинт.

— Это доказывает, что я тебе верю.

Клинт взглянул на Морана. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Хорошо, — сказал Клинт и выбрался из толпы. Тем временем заместитель Рохан принялся разглагольствовать и угрожать всем арестом.

Дамероу достала цифровую камеру и перевела экран в режим предварительного просмотра.

— Вот, смотрите, — сказала она. — Этот снимок я сделала только что.

На фотографии был лежащий в холодильнике Стив.

Дамероу несколько раз нажала на маленькую кнопку меню.

— А теперь взгляните на это. Самый первый снимок.

Снова Стив.

— Ну и что? — спросил Клинт.

Моран нахмурился.

— Он выглядит иначе.

— Он *похудел*.

Клинт был готов взорваться.

— Как такое, *бля*, возможно? — Он стремительно повернулся и бросился к Фредди Койчи. — Дай-ка мне твой пистолет, Фредди, *сейчас же!*

Растерявшийся Фредди протянул ему девятимиллиметровый «глок».

— Эта штука готова к стрельбе? — спросил Клинт.

— Эй, вы, — сказал Рохан, но Моран притронулся к его руке.

Фредди взял пистолет, снял оружие с предохранителя и вернул Клинту. Тот зашагал к кафе «Фиш-Крик», за ним потянулись Моран, Дамероу, Рохан, латино из ФБР и с дюжину жителей Сведена. Держа пистолет перед собой, Клинт прошел через дверь, миновал подружку Дамероу за стойкой и приблизился к холодильнику номер три.

Там он остановился и глубоко вздохнул.

— Каким-то образом этот говнюк справляется с нашими детьми, — заявил Клинт. — Я собираюсь выпустить ему в голову четыре-пять пуль, чтобы он раз и навсегда успокоился.

Рохан был не в восторге, но Моран теперь крепко держал заместителя шерифа в узде. Дамероу, казалось, готова была застрелить или Клинта, или снежного человека. Все остальные выглядели напуганными.

Не зная, что еще остается делать, Клинт распахнул дверь холодильника.

Внутри, на прежнем месте, лежал Стив. На его левой руке были выставлены четыре пальца.

— Пропал кто-то еще, — с тошнотворной уверенностью сказал Клинт.

— Рохан! — почти хором рывкнули Моран и Дамероу.

Клинт слышал, как удалялись шаги заместителя. Он поднял «глок», навел дуло на висок Стива и положил палец на курок.

Что-то было не так, осознал он. Перед ним вновь возникли индейские женщины, которые при свете костра срезали мясо с тела какого-то мужчины. С его тела, по крайней мере в этом сне, или видении, или что там еще.

Стрелять было неправильно. Клинт чувствовал это. Затем он подумал о Хобсоне и понял, что ему наплевать. Он глубоко вдохнул и нажал на курок.

И тут точно разверзся ад и вся преисподняя. Пуля раздробила мерзлый левый висок Стива, на Клинта и Морана брызнула густая розово-серая жижа. Затем громадное тело лопнуло по швам.

Волосы свернулись, увлекая за собой кожу, закручивая ее, как при ядерном ожоге. Маленькие обезьянки, крошечные копии Стива, ростом около трех футов, хлынули из громадного тела, словно спасаясь из тюрьмы. Сперва две, затем их стало четыре, после дюжина.

Кто-то начал кричать. Может, это был он сам — Клинт не смог бы сказать. Многие открыли огонь, что не стоило делать в закрытом, обшитом металлом пространстве холодильной камеры. Еще крики — теперь копии Стива прыгали людям на грудь, вцеплялись в пальцы, в пах, тянулись к незащитным ушам, носам и губам.

Пули свистели и жужжали в хаосе крови и криков боли. Дамероу громко закричала, приказывая всем взять себя в руки и прекратить стрельбу.

Дверь, подумал Клинт, только бы эти суки не выбрались — и попытался протиснуться к выходу мимо испуганных людей, но многие из горожан уже столпились у двери,

и маленькие твари скакали по их головам, отрывая на бегу полоски кожи, а из обеденного зала «Фиш-Крик» уже начали доноситься крики.

Кто-то или что-то сбило его с ног. Клинт рухнул одновременно с грохотом винтовочного выстрела, снова раздался скрежещущий крик какой-то громадной птицы. Пол был холодным, но на него текла теплая кровь, и Клинт замер, переживая опасность.

Двадцать минут спустя он стоял в окружении людей на парковке. Все были вооружены. Дамероу и Моран держались рядом с Клинтом. Возможно, приглядывали за ним. Многие исчезли. Включая Фредди Койчи, чей пистолет все еще сжимал в руке Клинт.

Моран говорил в рацию:

— Заместитель шерифа округа Клакамас Рохан мертв. Специальный агент Мартинес мертв. У нас как минимум трое убитых среди гражданских и большое число раненых. — Он поглядел на облака. — Подтверждаю. Шоссе закрыть с обеих сторон. Необходим кордон хотя бы в двадцать пять миль. Без моего разрешения никого не пускать. — Последовала длительная пауза. — Если это случится, пришлите армию. Больше я ничего не могу предложить. Конец связи.

Агент ФБР сунул рацию в карман куртки.

— Теперь мы сами по себе, — объявил он. — После этой дурацкой стрельбы я не желаю подвергать опасности жизни людей. Прежде всего нужно понять, что здесь, черт возьми, происходит. Я приставил к каждому ребенку в городе полицейского или вооруженного родителя. Что будем делать дальше? Это ваш город. Что здесь случилось?

— Сведский Стив, — сказал Клинт. — Я со вчерашнего дня говорю. Снежный засранец все это и натворил.

— Но как ваш снежный человек сумел разделиться на дюжину обезьян-убийц?! — спросил Моран. Голос его панически дрогнул. — Такого дерьма на свете не бывает!

Клинт смерил его взглядом.

— Вы сами там были.

От Стива осталось только крохотное, скорченное тело дряхлого белого старика. Пуля Клинта разmozжила ему голову. Клинт с беспокойством заметил на теле знакомые шрамы. Двух обезьян, или кто они там, они убили. Значит, маленьких тварей все-таки *можно* убить.

Понятно, их больше никто не видел – выжившие обезьяны выскочили из кафе «Фиш-Крик» и исчезли в лесу.

— Так что это было? Или кто?

Заговорила подруга Дамероу. Она как раз готовила, когда выскочила стая, и стала отбиваться от них черпаком с раскаленным маслом. Так погибла одна из двух убитых обезьян, хотя затем последовала пара напряженных минут с огнетушителем.

— Они его двойники.

— Двойники? — спросил Клинт.

— Двойники. Копии. У коренных жителей северо-запада Америки, вероятно, найдется название для этих созданий, но я не знаю этого слова. Они — его части, вроде как отражения.

— Откуда тебе это известно? — требовательно осведомился Моран.

— Что, есть теория получше?

Клинту пришла в голову ужасная мысль.

— Хочу поглядеть на одного из этих двойников, — сказал он и поднял глаза на Дамероу. — Можно мне войти внутрь? С ней? — Кивком головы он указал на подружку.

— Меня зовут Санфайр.

Ах да, подумал Клинт, Дамероу ведь упоминала это имя.

— Ступайте с ними, Дамероу, — распорядился Моран.

Санфайр, Дамероу и Клинт вернулись в кафе. Клинт и Дамероу держали наготове пистолеты.

— Санфайр? — спросил Клинт. — Солнечный Огонь? На самом деле? В свидетельстве о рождении так и написано?

— Заткнись, блядина.

— Заткнитесь оба! — рявкнула Дамероу. — Здесь могли остаться обезьяны.

Мертвых людей здесь уж точно намного больше, подумал Клинт. Его замутило. Сколько из них перестреляли

друг друга? Скольких убили двойники, как назвала их Санфайр? Фредди Койчи лежал у холодильника номер три с разорванным горлом.

— Лучше посмотрю на того, которого убила Санфайр, — прошептал Клинт. Ему очень, очень не хотелось снова заходить в морозилку.

Они медленно пересекли зал. Столики были опрокинуты, повсюду на полу виднелись пятна крови вперемешку с белой пеной огнетушителя, рассыпанной солью и сахаром, разлитым кетчупом. Клинт содрогнулся.

Убитая Санфайр обезьяна лежала, свернувшись, между барной стойкой и кухней, обратив к ним мохнатую спину. Клинт хотел было передать свой пистолет Санфайр, но та мотнула головой, и оружие взяла Дамероу. Клинт нашел на кухонном столе двенадцатидюймовый нож, нагнулся и ткнул двойника острием лезвия.

Все это казалось слишком знакомым и слишком странным. Так же он поступил в лесу со Стивом. Клинту почудилось, что двойник растворяется, превращаясь в дюжину двойников поменьше, и каждый из них распадается в свою очередь, пока весь Сведен не заполнили микроскопические адские демоны.

Если он и был прав, этому не суждено было случиться.

Он перевернул двойника. На груди, где его обожгла Санфайр, зияли ужасные раны.

— Отличная работа, подружка, — выдохнул Клинт.

Он погрузил острие в пошедшую волдырями плоть, пошевелил нож, попытался сделать разрез, избегая прикасаться к двойнику рукой.

Двойник елозил по обгоревшему линолеуму кухни Шелли, но нож уходил все глубже, а от маленького волосатого тельца поднимался запах жареного бекона.

— Какого черта... — начала Дамероу, но Санфайр шикнула на нее.

Потом что-то лопнуло, кожа раскрылась и скрутилась, совсем как у Стива, обнажив иссохшее бледное тело, одетое прослойкой волосатого жира.

Одну из женщин позади него затошнило и вырвало.

— Все жертвы за много лет, — хрипло вымолвил Клинт, борясь с удушьем и подступавшими рыданиями. — Пропавшие туристы и исчезнувшие дети. Он, каким-то образом, вбирал их в себя. Каждый из этих двойников — кусочек Стива, обернутый вокруг одного... одного... из нас.

И тогда Клинт и вправду зарыдал, потому что понял, где Хобсон.

— И что теперь? — Моран выслушал их рассказ, в одиночку пошел в кафе и вернулся оттуда бледным и полным решимости.

— Приманим их, — сказал Клинт. — Под этой обезьяньей шкурой они остаются людьми. Наверное, поэтому Сведский Стив охотился на малышей. Нам понадобится моя Марджи, Кэти Камерон и прочие родители, которых могут знать пропавшие дети. Соберем всех остальных детей и выстроим их в большой круг прямо здесь, на парковке, где двойники смогут их увидеть. Мы будем звать Стейси, Хобсона и других, кто прячется в лесу. Выманим их сюда. — Он помолчал, в горле поднимался комок. — Потом мы убьем их. Наших пропавших детей.

— Нет, — сказала Санфайр. — Мы не станем их убивать. Мы их освободим.

Клинту стало дурно.

— Как?

— Мы принесем сюда того старика, который остался, как ты сказал, в холодильнике, и тех двух мертвых двойников. Проклятие, или чудовище, или кто там он есть — все дело в нем. Он был первым. Он втянул в себя других. Мы принесем его, излечим его душу, и остальные последуют за ним.

— Излечим душу? — недоверчиво спросил Моран.

Клинт набросился на агента ФБР. Может, как-нибудь удастся вернуть Хобсона, если Моран не станет истреблять треклятых двойников.

— А у вас какой план, Ефрем Цимбалист-младший? Шоссе вы уже перекрыли. Сожжете нас всех напалмом? Разрушите деревню, чтобы ее спасти?

— Если придется, — спокойно ответил Моран. — По моему мнению, мы столкнулись с биологической опасностью худшего типа. Но я готов предоставить некоторое время для проверки этой идеи, прежде чем перейду, так сказать, к ядерному оружию.

Клинт ухмыльнулся. Он почувствовал, как оскалились зубы. Все ради сына. Все.

— Так сказать... Ее идея — и моя тоже, уважаемый специальный агент.

Клинт обвел всех взглядом и удивился, заметив улыбку Дамероу.

— Я пойду за Стивом, — сказал он. Как ни странно, голос вовсе не дрожал от ужаса. — Пусть двое из вас принесут убитых двойников. И нам все же понадобятся дети.

— И целый полк психиатров, — пробормотал Моран. — Разумеется, если кто-нибудь из них выживет.

— Это не гребаное кино, — сказал Клинт агенту. Он снял «глок» с предохранителя, сунул пистолет за ремень, глубоко вздохнул и снова направился к кровавому залу «Фиш-Крика».

Следом за ним в кафе вошли Санфайр и Моран. Санфайр тут же пошла за убитым ею двойником, а Моран с Клинтом опасливо приблизились к двери холодильника номер три.

Дверь все еще была открыта.

Клинт посмотрел на Фредди Койчи и произнес молитву Господу, в которого все равно не верил. Затем завернул за угол и вошел в холодильную камеру.

Там был Рохан — лежал лицом вниз в луже крови, которая уже превратилась в темную застывшую грязь. Мартина привалилась к стене у двери с пистолетом на коленях, на ее лице и шее виднелись три дыры от пуль. Там был и Уолтер Арнасон, хотя Клинт узнал его лишь по одежде.

И двойник с почти оторванной пулей головой рядом со Стивом.

Клинт подошел к Стиву, чье тело показалось ему очень маленьким. Скорчившийся труп лежал на железной тележке Шелли в грудке окровавленного мяса. Это был глубокий старик, на тонких костях висела морщинистая кожа. Шрамы все еще казались знакомыми. Клинт мельком подумал о Хобсоне и поднял на руки, как ребенка, останки Сведского Стива.

У самой двери тело напряглось. Клинт поглядел вниз и увидел, что губы старика шевелятся. Он чуть не выронил свою ношу, когда старик что-то невнятно прошептал.

На парковке они положили на землю все три тела. Санфайр начала, монотонно напевая, обходить их по кругу. Испуганные мужчины и женщины, вооруженные винтовками, выстроили детей Сведена в большой круг. Клинт поднял голову и заметил, что прямо на него смотрит Марджи. Ее глаза так глубоко запали, что могло показаться, будто ее избили. Она чуть качнула головой и опустила взгляд.

Он был бесконечно рад, что Сьюзен улетела на вертолете. Хотя бы дочь выживет.

Санфайр жестом велела людям в кругу открыть проход к лесу. Она продолжала ходить вокруг тел, поводила руками, ее голос поднимался и падал в монотонном напеве на неизвестном Клинту языке. Было чертовски холодно, с высоких небес полетели, рассекая воздух, первые снежинки.

Все они стояли, не шевелясь, и слушали песнь этой хиппушки времен «Нью-Эйджа», а их дыхание висело на них тяжелыми облачками несбыточных надежд.

Из леса показался первый двойник.

— Молитесь за него, — произнесла Санфайр, влетая эти слова в свою песню и продолжая двигаться по кругу. — Молитесь за них.

Клинт прикидывал, сколько всего может быть двойников. Люди вокруг него начали читать молитву Господню.

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое...

Санфайр все еще кружила вокруг тел и напевала. Ее голос, движения рук и тела манили двойника в круг. Дру-

гой двойник выступил из теней, чтобы посмотреть, что случится с первым.

— Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Еще два. Первый двойник опустился на корточки рядом с телом старика. Снег повалил хлопьями. Кто же из этих двойников — его сын, раздумывал Клинт.

— Хобсон, — тихо произнес он, стараясь не заглушать молитву. — Хобсон Бернард Амос.

— Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

Уже девять двойников один за другим пробрались в круг. В морозилке ведь было двенадцать? Двое убиты, значит, вне круга остался только один? Клинт снова и снова повторял имя сына и не мог различить Хобсона среди двойников.

— И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

Появился десятый. Клинт подумал, что всего их было, должно быть, тринадцать, и еще один двойник оставался в лесу. Он не понимал, откуда пришла мысль о тринадцатом, но знал это твердо.

Хобсон еще не пришел.

Клинт положил «глок» на землю, разорвал круг, сел рядом с двойниками, собравшимися у тела Стива, и раскрыл объятия.

— Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

— Хобсон Бернард Амос, — сказал Клинт, и его сын, искривленный и маленький, окутанный мехом и яростью, бросился к нему.

Санфайр замкнула круг около них. Дети держались за руки, за ними стояли взрослые, и они пели песнь закатов, и прыжков лосося в реке, и исчезающих за горными вершинами птиц. Клинт слышал знакомый хищный крик, и огромный ястреб, которого он видел во сне, вырвался из облаков и устремился к ним. Птица летела прямо в середину круга, где сидел Клинт, широко расставив когти и рассекая воздух громадными крыльями.

Двойники забрались на тело Стива, как скорпионы на спину матери. Двойник, что был когда-то Хобсоном, пытался вырваться из рук Клинта и присоединиться к новоявленным братьям, а ястреб вцепился когтями в тело Стива и взмахнул крыльями, вновь уходя в высоту.

Клинт крепко держал маленькое тело, не желая снова потерять сына. Напротив него, в кругу взрослых, дрожало лицо Марджи, и слезы текли из ее запавших глаз. Санфайр глядела на него сверху с жалостью и решимостью. Хобсон извивался, стараясь вырваться.

Наконец Клинт посмотрел на Дамероу. Она покачала головой.

Тогда Клинт разжал руки и отпустил сына.

Клинт Амос и Барли Джон Диммитт удили рыбу на реке Уилламетт неподалеку от острова Сауви. Ни один из них не жил больше в Сведене. И никто там не жил с тех пор, как прошлой осенью неожиданный лесной пожар, какие бывают только летом, уничтожил город. Огонь бесновался даже в снегу. Пожар случился как раз вовремя и поставил удобную точку в деле об исчезнувших телах, так что Морану оставалось только подогнать результаты криминалистической экспертизы.

Марджи нынче жила с сестрой в Айдахо и говорила, что когда-нибудь, может статься, вернется. С ней уехали Клинт-младший и Сьюзен. Клинт понимал, что никогда больше их не увидит.

Он и Барли Джон по-прежнему держались вместе, ведь у них никого не осталось. Теперь они разговаривали все меньше. Клинту нравилось бывать на воде, частью потому, что над рекой он время от времени видел или слышал ястреба. К тому же от середины реки до деревьев было очень далеко.

Клинт закинул удочку, но поплавок сорвался и крючок погрузился слишком глубоко. Он дернул леску и почувствовал, что она натянута.

— Проклятье.

— Должно быть, — согласился Барли Джон.

Клинт потихоньку выбирал леску: не хотелось ее просто так обрезать. Леска подалась. Тяжесть все еще чувствовалась — мертвый груз, не рыба. Охваченный любопытством, он потянул сильнее.

Перед ним оказался засевший в глине и обросший мелкими ракушками старинный пистолет. По-настоящему старинный. Рукоятка чуть выгибалась назад, и когда Клинт потер пистолет большим пальцем, показался восьмигранный ствол.

— Что скажешь? — спросил он, протягивая пистолет Барли Джону.

— Он тоже проклят. Совсем как мы.

Клинт пожал плечами и посмотрел на воду. Раздался пронзительный крик — не то ястреб, не то птица поменьше. Клинт взвесил на ладони покрытый илом пистолет. Он знал, кто стрелял из него и во что стрелял.

— Теперь ты принадлежишь реке, — сказал он и швырнул пистолет в воду.

— Как и все мы, — добавил он, глядя на свое отражение в мелкой ряби. Что-то большое пролетело над головой и отбросило на воду тень. Клинт закрыл глаза и стал вспоминать Хобсона.

Михаил Розенфельд

УЩЕЛЬЕ АЛМАСОВ

Приключенческая повесть

Рис. М. Рудакова

НОЧЬ НА НЕВЕ

(Вместо пролога)

В один из вечеров середины августа, будучи в Ленинграде, я плыл по Неве к Кировским островам. Маленький нарядный пароход, переполненный шумной, праздничной публикой, быстро летел, расплескивая спокойную воду, и среди величавой реки, на фоне массивной гранитной набережной он казался веселой игрушкой. Пароход свернул на Малую Невку, из-под сводов моста раздался гудок, и следом за ним выползло точно такое же суденышко, возвращавшееся с островов. На минуту пассажиры умолкли, стараясь разглядеть на встречном пароходе знакомых, и когда он проходил мимо, сосед подтолкнул меня локтем:

— Смотрите, слушайте: вас зовут.

И действительно, в гуще столпившихся на борту людей выделялась высокая фигура молодого человека. Он энергично махал руками и кричал:

— Узнали?.. Висковский!.. Я Висковский! Помните Монголию?

Быстро уплывал пароход. Кричавший человек перебежал на самый конец кормы:

— Слышите меня?.. Я Висковский... Позвоните пятьдесят три сорок восемь... Много интересного...

...Висковский... Монголия... В первое же мгновение, как только меня толкнул сосед, услышав голос Висковского, я тотчас узнал его. Однажды встретив человека в бескрайней монгольской степи, вы никогда его не забудете, и могли я не помнить геолога Висковского, с которым пять лет назад мы путешествовали по степям и пустыням Западной Монголии!

В наступившей темноте загорелись огни Парка культуры и отдыха. Но я в это время был далеко от Невы. В памяти проносились курганы, синие горы монгольского Алтая, где мы засыпали под рев голодных барсов и просыпались от хищного клекота орлов. Это было летом 1930 года. В Монголию по приглашению народного революционного правительства приехала комплексная экспедиция Всесоюзной академии наук. Несколько отрядов геологов, географов и астрономов отправились во все концы огромной страны. Специальный корреспондент «Комсомольской правды» ехал с представителем Министерства народного просвещения Н., который знакомился с работой всех отрядов.

В течение двух месяцев, передвигаясь на автомобилях, мы совершили рейс в три тысячи километров — от столицы Монголии Улан-Батора до Кобдо и затем к границе Советского Союза, до Кош-Агача.

Как-то ночью, не доехав километров пятнадцать до зачеченного становища, мы расположились на ночевку в степи. Разведя костер из сухого кустарника и установив монгольскую палатку — майхан, мы легли у огня. Трое путешественников в непроницаемой мгле ночи чувствовали себя в эти часы одинокими, и представитель министерства старый монголовед Н. долго ворочался на своей медвежьей шкуре. Старик в бессонные ночи имел обыкновение рассказывать различные истории — он не любил гнетущей ти-

шины и часами предавался воспоминаниям, стараясь удерживать нас от сна. Нередко старик поражал нас изумительными фантазиями, и его суровый голос делал правдоподобными самые невероятные случаи.

— Завтра будет жара. — Монголовед, кряхтя, вытянулся на шкуре. — Придется встать пораньше. Завтра к полудню мы доберемся к Цза-Загтухану. Наконец-то мы увидим живых людей! Даже я, полжизни проводивший в степях, начинаю постепенно приходить в уныние. Каково же ваше состояние — столичных людей, привыкших к шумным улицам и площадям! За пять дней нам не попался ни один всадник. В таких краях поневоле обрадуешься встрече хотя бы с алмасами.

— С алмасами? Кто такие алмасы? — пододвинулись мы к старику, зная, что он сейчас обязательно расскажет что-нибудь удивительное.

И мы не ошиблись.

— Алмасы?.. Но разве вы не слыхали про Алмасские горы и про неведомых людей из недоступных ущелий? О-о! Тогда вы должны узнать загадочную историю, которая занимает меня вот уже тридцать лет... Однажды в селении «Светлая степь», возле Желтой пустыни, — начал он, — во время снежного бурана монголы попрятались в юрты. Внезапно все собаки кочевья с безумным лаем кинулись на холмы. Кочевники выскочили за ними и в страхе застыли от того, что им пришлось увидеть. В бушующем урагане, в вихрях падающего снега с диким ревом метался черный волосатый человек.

«Чекемби?» («Кто ты?»), — закричали монголы. И таинственный человек, увидев людей, убежал. И сразу метель стихла. На следующий день монголы заметили на снегу его следы — следы человеческих ног, но странные следы. На снегу четко выделялись когти и оттопыренный большой палец. Следы уходили через степь к Алмасским горам и терялись у обрыва бездонной прпбасти.

Узнав о случившемся, я решил, что это, может быть, дикий человек — один из алмасов, о которых, повторяю, мне приходилось много слышать. Я мог бы рассказать мас-

су подобных случаев, слышанных от кочевников на протяжении тридцати лет, но боюсь, что все это покажется вам легендой или суеверием темных людей. Однако меня эти рассказы убеждают, что алмасы, возможно, существуют и до сих пор. Знакомясь с описанием путешествий по Центральной Азии, нередко находишь упоминание о диких, неведомых людях. О них рассказывает Марко Поло, затем Плано Карпини. Все эти факты идут из глубокой древности. Но есть и более поздние источники, документы нашего времени..

В 1906 году петербургский профессор Барадин возвращался из экспедиции со своим караваном. В момент захода солнца каравановожатый, оглядываясь, искал места для ночлега и вдруг с криком упал на колени. Караван верблюдов остановился, и все увидели на песчаном бугре фигуру волосатого человека, похожего на обезьяну. В лучах заходящего солнца он стоял, согнувшись и опустив длинные руки, пытливо рассматривая людей. Взмолвленный, Барадин попросил монголов нагнать его, схватить, но никто из проводников не решился. Алмас, медленно отступая, скрылся за песчаными холмами... Ах, если бы нашлось несколько молодых людей! — мечтательно произнес Н. — Снарядить экспедицию и отправиться в глубину Желтой пустыни... Нужен испытанный отряд, который не боялся бы лишений и опасностей. Представьте себе: вот мы, например, проникаем в безводные пески, пробираемся в недоступные ущелья скал и... вдруг находим неведомых черных людей!..

Последние слова старик произнес нараспев, затем он завернулся в халат и сразу же уснул.

Угасал костер, темнота стала еще гуще.

Алмасы... Легенда, сказка, суеверие или правда? Можно ли предположить, что где-то в недоступных горах живут дикие люди?

Беспокойные мысли прервал звук шагов. Кто-то приближался к палатке, и, не отдавая себе отчета, кто это мог быть, вскочив на ноги, я кинулся ему навстречу.

В глаза хлестнул резкий свет электрического фонаря.

— Осторожней, товарищ, — послышался спокойный голос, — уберите оружие. К вам идут потерпевшие кораблекрушение.

Снова сверкнул карманный фонарь, и высокий, худощавый молодой человек, вежливо поклонившись, представлялся:

— Геолог Висковский. Если не ошибаюсь, — кивнул он на автомобиль, — вы едете к нам. Как мне повезло! — смеялся он. — Я спасен. В самом деле, здесь ничего не стоит погибнуть, когда твой конь сбил ногу и ты вынужден идти пешком. Не правда ли, геологический молоток — плохой компас? Сегодня на рассвете я выехал на разведку, мой конь захромал, и я заночевал среди курганов.

Приход неожиданного гостя разбудил старика и его секретаря, и мы до утра разговаривали с новым знакомым, С восходом солнца автомобиль поехал вперед, мы же с Висковским пошли пешком. Он вел на поводу хромавшего коня. По дороге я передал геологу ночной рассказ монголоведа, и Висковский, слушая, замедлил шаг.

— Да, — задумчиво промолвил он, — занятно. Но должен вам сказать, что я склонен подойти ко всему этому серьезно. Алмасские горы, как их называют кочевники, совершенно не освещены. Трудно вообразить и у нас это не укладывается в сознании, но факт остается фактом: в недоступных Алмасских горах не бывал ни один человек. И вполне естественно, почему возникают легенды, суеверия. Но при современных средствах сообщения, по-моему, возможно пробраться к горам... Хорошо снаряженная экспедиция и... — Дернув повод, Висковский горячо воскликнул: — Я был бы счастлив участвовать в такой экспедиции!

В селении Цза-Загтухан геолог во все дни стоянки находился возле монголоведа, и часто, удаляясь от общества, они вели продолжительные беседы. Двадцать дней мы ездили вместе, и между нами завязались крепкие приятельские отношения. Вернувшись в СССР, мы нередко переписывались, Висковский писал с Памира и Дальнего Востока, и вот сейчас он промелькнул на невском пароходе.

...Пятьдесят три сорок восемь. Номер телефона. Не заходя в парк, немедленно пересев на отходящий к Летнему саду пароход, я вернулся в город. Первая попавшаяся будка телефона-автомата — и через полчаса мыжимаем друг другу руки под фонарями моста лейтенанта Шмидта.

— Как хорошо, что мы встретились! — сказал он. — А я уже хотел было писать вам. Но разве опишешь... Я только три дня назад приехал из Монголии. Два месяца я работал в Ученом комитете и в начале июня должен был вернуться в Ленинград. Но пять лет я не был в отпуску и решил провести его в Монголии. Никогда вы не представите себе, где я побывал... Угадайте, куда... куда я поехал?

— К алмасам, — сказал я в шутку, напоминая о совместных странствованиях.

Но Висковский с серьезным лицом тихо и твердо ответил:

— К алмасам... Да... Я был там!.. Я отправился к алмасам...

Ночь, всю ночь, мы, не замечая времени, ходили по набережной Невы. Утром, когда по городу двинулись первые трамваи, мы поехали на квартиру к Висковскому, перелистывали тетради дневников и читали документы. Записи подтвердили, дополнили поразительный рассказ геолога. С разрешения Висковского, изменив лишь, по его настоянию, фамилии участников происшедших событий, мы передадим читателю все, что было нами услышано на набережной ночной Невы.

У СТАРОГО ДЖАМБОНА

В первых числах июня Висковский закончил свою работу в Улан-Баторе и, твердо решившись совершить поездку в Желтую пустыню, с рекомендательным письмом местных друзей пошел к старому монгольскому ученому Джамбону, надеясь получить у него совет.

Джамбон, историк и археолог, с весны поселился на горе Богдоул, куда обычно в летние месяцы выезжают на дачи жители Улан-Батора. Богдоул — единственное место в окрестностях монгольской столицы, где еще сохранились деревья. Народно-революционное правительство республики объявило леса и животных Богдоул государственным заповедником.

В двух километрах от города Висковский перешел вброд разлившуюся реку Толу. Отсюда начинался подъем, и, приближаясь к своей цели, он впервые призадумался над тем, какой прием ожидает его у Джамбона. Улан-баторские знакомые сочли своим долгом предупредить геолога о странном характере одинокого старика. Двадцать лет назад, оставив кафедру в Петербургском университете, совершенно обрусевший, Джамбон вернулся на родину. Великие события чередовались в стране — китайская оккупация, нашествие барона Унгерна, установление народно-революционного правительства, — но Джамбон, запершись в своем доме, не участвовал в политической жизни страны. Двадцать лет он скрывался от мира в своем кабинете. Постепенно старика забыли, между тем как его имя еще продолжают произносить с трибун научных конгрессов и труды его переведены на языки многих стран Европы, Америки и Азии. Окончив образование в Петербурге, Джамбон совершил несколько больших экспедиций по пустыням Монголии, открыл два мертвых города и множество памятников эпохи воинственных походов Чингис-хана. В Китае Джамбону принадлежит честь раскопок у Пекина. Он нашел документы династий минов, основавших Бей-Цзин, как значится Пекин на мандаринском диалекте. В результате своих раскопок Джамбон прославился историческим исследованием названий, какими наделяют Пекин. Так, например, «Северная столица» одновременно именуется «Цзинь-Ду-Янь» (в переводе «Ласточка») и «Шунь-Тянь-Фу». В записях Марко Поло Пекин упоминается в качестве «ханского города» — Хан-Балык.

Старик жил на средства, получаемые за переводы его трудов. Монгольское правительство установило ему солид-

ную персональную пенсию, и три года назад, в день шестидесятилетия, министерство народного просвещения преподнесло ему автомобиль, которым он и пользовался, переезжая летом на Богдоул.

По указаниям дачников, Висковский свернул с дороги и попал в густой лес. На мгновение он остановился, услышав у самых ног тонкий, обрывистый свист. Из травы выскочил рыжий сурок — тарбаган — и, нисколько не пугаясь человека, приподнявшись на задние лапы, с любопытством глядел на Висковского. Камни сжимали стволы исполинских деревьев. Висковский ползком взобрался на вершину гряды. Внизу, в сплошном мраке, под тенью деревьев, в замшелых расщелинах, звенел невидимый подземный ключ. Оглядываясь вокруг и не находя тропинки, Висковский уже было решил спуститься вниз, но почувствовал, что позади него кто-то стоит. Неслышно ступая толстыми подошвами войлочных туфель, к нему подошел низкорослый китаец с корзиной, наполненной грибами. В узких черных шароварах и кожаной тужурке он ничем не отличался от городских каменщиков, работающих на новых постройках. Китаец вежливым жестом задержал его и почтительно спросил на отличном русском языке:

— Вы ищете дорогу? Если позволите, я укажу.

И, легко перепрыгивая через камни и придерживая грибы, он вывел Висковского к заросшей, еле заметной тропе.

— Спускайтесь вниз. Дорога, — сказал он, — автомобили... Увидите город.

— Но я иду из города. Я ищу дачу профессора Джамбона.

Китаец вновь поклонился и пропустил его вперед:

— Дача Джамбона очень близко.

Спустя несколько минут Висковский увидел большую белую юрту. Но здесь проводник опередил его и попросил обождать. В юрте, куда, к удивлению Висковского, вошел китаец, послышался негромкий разговор — старческий, ворчливый голос, очевидно, бранил вошедшего. Вскоре китаец вернулся с миниатюрной лакированной скамейкой:

— Извините... Профессор просит вас обождать.

В юрте поднялась возня. Под звуки приглушенного ворчания как будто передвигали мебель; наконец раскрылись деревянные створки, и к Висковскому торопливой походкой вышел маленький, худощавый седой старик с фигурой подростка. Висковский сразу же заметил, что профессор чувствует себя ужасно неловко в длинном черном сюртуке. Огромные манжеты спадали с тонких детских рук, и старик, наклонив набок голову, придерживал их кончиками пальцев. Высокий, просторный крахмальный воротник подпирал его подбородок, и когда профессор сделал движение, с его шеи соскочил застегнутый на резинке галстук.

— Умоляю простить меня. Недостойный Ли Чан, совершая свои грибные экспедиции, оставляет меня на попечение духов Богдоула. Я надеюсь на ваше милосердие!.. Прошу...

В просторной юрте, представлявшей собой настоящую круглую комнату с деревянным крашеным полом, стояли письменный стол, книжные полки и узкая тахта, покрытая кошмой. Джамбон пододвинул гостю деревянное резное кресло, после чего и сам сел за стол. Китаец, успевший переодеться в черный шелковый халат, принес низкий, как табурет, стол с двумя деревянными полированными чашками.

— Спасибо, Ли Чан. Старайся искупить свои грехи, Предложи дорогому гостю наш безвкусный, ничтожный чай.

Не зная, как приступить к разговору, Висковский пытливо разглядывал маленькое скуластое лицо ученого. Большие, совсем ребяческие ясные глаза светились из-под густых белых бровей. Превосходные белые зубы и тонкие китайские усы.

— Освежитесь чаем. — Профессор передал деревянную чашку. — Сорок лет назад я вывез ее из Тибета. Розовое дерево когда-то источало дивные ароматы.

— Вы здесь живете один? — неожиданно для самого себя спросил Висковский и тотчас спохватился: — Прошу извинить меня, если я нарушил...

— О нет! — заметив смущение гостя, перебил его Джамбон. — Теперь я совершенно свободен. Меня предупредили о вашем приходе, и я вас очень, очень ждал. Со мной Ли Чан, — добавил он, отвечая на вопрос, — и в этом году нас, двух отшельников, можно поздравить с разрешением столь долгого затворничества. Я кончил исследование последнего знака с восточных склонов Синих скал. Абсолютно точно установлено, что знак трех линий есть изображение стреляющего из лука охотника. Начертания окончательно расшифрованы, и через два дня я отсылаю сообщение в Российскую академию наук. Прошу снисхождения, я увлекся... Вряд ли вас может интересовать подобная тема. Итак, мне рассказали о ваших намерениях... Говорите, молодой друг, я слушаю вас.

Волнуясь, чувствуя на себе пристальное внимание, с каким его слушал профессор, Висковский пересказал ему то, что так долго готовил, и Джамбон, не перебивая, слушал его, потирая ладонями колени.

— Поймите... я ни на что не надеюсь, но мне хотелось бы исследовать эти горы. Степи, пустыни!.. Но при современных средствах сообщения пятьсот — шестьсот километров, даже по пустыне, — расстояние не столь далекое. Я хотел бы лишь видеть горы, о которых ходит вековая легенда. Что могло породить предания и суеверия? Я хочу нанять автомобиль. Денег у меня хватит. Поездка займет около месяца. В случае, если встретятся непреодолимые препятствия, я вернусь... Могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Расскажите мне об этом загадочном районе и, если возможно, укажите проводника из знакомых вам старых монголов. Одного прошу: не считайте нелепостью...

— Как вы смогли подумать! — запротестовал Джамбон. — Я необычайно высоко ставлю ваши благородные стремления. Они заслуживают всемерного поощрения, и вы вполне можете рассчитывать на меня. Знайте же, молодой друг: Алмасские горы находятся от нас в пятистах километрах, в глубине Желтой пустыни. На автомобиле этот невыносимо тяжелый путь, возможно, и проходим. Неверно то, что район Алмасских гор никем не посещен.

По моим сведениям, несколько экспедиций побывало там, но еще никто не смог проникнуть в горы. Пропасть, словно исполинский крепостной ров, делает недоступными абсолютно отвесные скалы. Из глубины пропасти, как сообщают путешественники, доносится шум, и есть основание предполагать наличие воды. А там, где вода... возможна и жизнь. Горы тянутся на десятки километров цепью голых скал, достигающих тысячи метров высоты. Современный геолог, конечно, может задаться целью найти проходы, но в мои годы мои друзья при одном виде легендарных скал навсегда оставляли свои смелые мечты.

— Таким образом,— осторожно спросил Висковский,— вы и мне советуете распрощаться с надеждой?

— Никогда! — воскликнул Джамбон. — Никогда я не позволил бы разрушить планы молодого ученого! Тем более... тем более... что я лично вызвался вам помочь.

— Итак?

— Я ваш! Да-да. Не задерживаясь, мы осуществим ваше желание, и мы будем у Алмасских гор. Двадцать лет добровольного плена закончились. Перед смертью я хочу надышаться воздухом степей и пустынь. Царство древних династий пятьдесят лет было моим уделом. Довольно! В степи, пески и горы я поеду с вами, юный друг! Берите меня, я весь в вашем распоряжении!

— Как понять? — ошеломился Висковский. — Вы хотите... вместе?..

— Коль вы не откажетесь от общества старого саркофага, он двинется за вами. Мои средства, мой автомобиль и мой Ли Чан. Он столь же прекрасный повар, как и шофер!

— Я не нахожу слов...

— Не надо, мой дорогой, молчите. Пять дней на сборы. Разрешите снаряжением заняться нам. Вы согласны? Ваши руки!.. Ли Чан, сюда!

Джамбон возбужденно захлопал в ладоши. Китаец стал на пороге,

— Ли Чан, открой вино, наше старое вино, — отпразднуем минуту согласия, и да будет она счастливой!.. Сколь-

ко вам лет? — спросил восторженный Джамбон, разливая вино из бутылки. — Двадцать пять? Вино старше вас на двадцать лет. Двадцать лет я не поднимал чаши!

— За вас! — воскликнул Висковский,

— За молодых! — высоко и торжественно поднял профессор чашу. — За тех, с кем становишься молодым!

* * *

До поздних сумерек в юрте продолжалась беседа. Старик-ученый и геолог решили сохранить в секрете свою поездку, и в монгольской столице с удивлением узнали о внезапном отъезде Джамбона спустя много дней, после того, как профессорский «бьюик» покинул Улан-Батор.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕГЕНДА

На краю пустыни, в степном становище у монастыря и кумирни Алтан-Цецк, ночью остановился длинный караван китайских купцов, совершавших путь из Калгана в Улан-Батор. Под вечерним небом зажглись костры, разбрелись спутанные верблюды, и вокруг постоянного двора выстроились двухколесные арбы с поднятыми оглоблями. В пламени костров мелькали синие халаты, караванщики тащили к огню блеющих баранов, и пустынная местность огласилась шумом людского нашествия. У бревенчатой изгороди остановилось несколько автомобилей: вместе с караваном в становище прибыл ехавший на гастроли в Монголию бродячий китайский театр. Незаметно для всех в становище приехал еще один автомобиль — груженный доверху коричневый «бьюик» с привязанными по бокам бочонками воды.

Старуха из юрты, по обычаю, вынесла связку сухого навоза для костра. Китаец-шофер оставил своих двух пассажиров и ушел в степь, к загону спящего стада.

— Последняя ночь среди людей, — сказал Джамбон, разворачивая плед и вылезая из машины. — Завтра мы будем спать в песках Желтой пустыни.

За холмом чернели заборы и крылатые крыши буддийского храма. Исступленные крики доносились издалека.

— Вечернее служение лам, — прислушавшись, сказал Джамбон и, взяв за руку Висковского, он поднялся на холм.

С высоты открывалась панорама огромного монастыря Хуре. Из темного входа, где мерцали огни свечей, выбежали ламские ученики — банди; они путались в длинных одеяниях и, обгоняя друг друга, кричали:

— Хоралдай!.. Хоралдай!.. (Соберемся! Соберемся!)

Барабаны и литавры возвестили час вечерних молений. Ламы уселись на низкие скамьи и приглушенно забормotalи молитвы. В глубине храма в огне свечей поблескивал золоченый Будда.

«Скоро кончится служение,— сказал про себя Джамбон. — Я навещу храм».

Старик и Висковский спустились к костру. Уже совсем стемнело.

Ли Чан вернулся, неся подмышкой молодого барана.

— На один час, не более, я вас покину, мой друг, — внезапно объявил профессор. — Как я уже говорил, мне нужно посетить Хуре — местный монастырь. Я надеюсь найти старого знакомого ламу, если он еще жив. До ужина мы простимся.

Джамбон церемонно снял шляпу и, опираясь на палку, удалился. Следя за ним, Висковский заметил на пригорке разукрашенный цветными фонариками балаган. Ли Чан, как будто угадывая его мысли, предложил:

— Если угодно, можете пройтись... Я буду смотреть за машиной.

В переполненном балагане китайского театра сидело и стояло не менее двухсот зрителей. В угарной духоте нака-

лившихся ламп висел дым табака. Висковский прошел в первый ряд и сел на траву у ковра сцены. В тяжелых парчовых одеяниях невозмутимые актеры сражались на мечах, и в гуле громких разговоров было трудно слышать их голоса.

Но публика гораздо более занимала Висковского. С нагайками в руках важно беседовали степные всадники о скоте и пастбищах. Пожилая монголка в старинной прическе с рогами, надвинув на затылок мужской котелок, стиснув в зубах сигарету, без стеснения кормила младенца. И вдруг наступила тишина, все внимание обратилось на сцену. Застыв на месте, вытянув головы, кочевники и караванщики с волнением уставились на выскочившего из-за ширмы злого духа с белым шестом. Зрители переживали трагический момент.

— Каково! — неожиданно над ухом Висковского раздался смех. — Уморительнейший кадр.

Недоуменно подняв голову, Висковский увидел белокурого крепыша в кожаной ковбойке... Не обращая внимания на вопросительный взгляд геолога, не замечая или не желая замечать его изумление, он непринужденно протянул руку.

— Из Москвы? Из Ленинграда? — затараторил незнакомец. — Будем знакомы. Я кинооператор Телятников. Каким образом вы здесь? Не правда ли, приятно встретиться в этой опере, где не нужно беспокоиться о калошах? Хо-хо-хо! Мы не опоздаем на трамвай?

В одну минуту человек, назвавшийся Телятниковым, сумел сообщить о себе самые подробные сведения. Командированный в Улан-Батор, он приехал снимать годовой национальный военно-спортивный праздник «надам». Но, черт побери, в Ленинграде не удосужились предупредить его, что надам происходит в августе, а сейчас начало июня. Изволь искать занятий. Не возвращаться же обратно! Шутка ли: около двух месяцев безделья! Подумать только, сколько событий за это время случится в Ленинграде и Москве! В ожидании надама кинооператор решил озна-

комиться со страной, и вот на своем «додже» он разъезжает по окрестным кочевьям.

— Куда вы едете? Если что-нибудь интересное, я готов хоть сейчас присоединиться.

— Небольшая геологическая разведка в степи, — уклончиво ответил Висковский. — Для вас она не может быть интересной.

— Послушайте, — воскликнул Телятников, точно они были знакомы со школьной скамьи, — я, кажется, поеду с вами! Честное слово, мне надоело колесить одному. Клянусь, это получится смешно.

— Нет, к сожалению, невозможно, — сдержанно сказал Висковский: — я не один, со мной старый ученый. Как у него, так и у меня серьезные задания.

— Не один? — обрадовался Телятников. — Еще смешней! Конечно, я еду, еду с вами!

— Нет, — теряя выдержку, сердито отрезал геолог. — Не может быть и речи о том, чтобы ехать с нами. Тяжелый и долгий путь, пески, безлюдная местность...

— Да бросьте увиливать! — возмутился Телятников. — Прислушайтесь к своим словам. То вы говорите, что небольшая разведка, а теперь чуть ли не каракумская экспедиция. Скажите прямо, что не хотите брать меня в попутчики.

— Не хочу, — вырвалось у Висковского, — и удивляюсь вашей неуместной настойчивости. Мы не хотим брать лишних и никого не возьмем с собой.

— Но меня? — простосердечно обиделся Телятников. — Что вы имеете против меня? Вы, если не ошибаюсь, должны быть комсомольцем. Даже вы наверное комсомолец, и я тоже... Что же, вы думаете, я лягу обузой на ваши плечи? У меня свой «доджик», я набыю его бензином, и покатам. А?

Не зная, что еще возразить, чтобы как-нибудь избавиться от кинооператора, возмущенный Висковский отодвинулся от него, стараясь дать понять, что дальнейший разговор беспцелен. Но Телятников не переставал говорить, упрашивать, требовать, и неизвестно, чем бы кончилась

встреча двух ленинградцев, как вдруг возбужденный кинооператор, к удивлению геолога, замолчал. Больше того: Телятников как бы забыл про Висковского. Какая-то настойчивая мысль захватила его, и, немного подумав, он быстро направился к выходу. Облегченно вздохнув, оставленный в покое геолог снова принялся смотреть на сцену, в ту же минуту забыв о назойливом соотечественнике.

Невдалеке от балагана, загруженная брезентами, стояла машина Телятникова. Маленький американский «додж», или, как называл его кинооператор, «доджик», был еле различим в темноте ночи, и, шагая под звуки барабана и флейты, Телятников, отыскав знакомый силуэт, помчался бегом к автомобилю.

Рванув дверцу, он решительно позвал:

— Русалка! Милейшая Русалка, откройте ваши прелестные глаза.

Никто не отозвался на его призыв, да и трудно было предположить присутствие живого существа в ворохах жесткого брезента. Нетерпеливым движением Телятников дал несколько сильных гудков. Однако, как и прежде, ему не ответили. Тогда кинооператор начал тормозить поклажу. И вот брезент зашевелился, с кожаного сиденья поднялась фигура молодой девушки. Не давая ей прийти в себя после крепкого сна, Телятников с места в карьер объявил:

— Немедленно приведите себя в порядок! Три минуты на туалет — и мы отправляемся с вами с визитом.

Девушка, которую Телятников называл Русалкой, по-видимому, привыкла к странностям оператора, тем не менее она ошеломленно смотрела на него, очевидно ожидая более подробных объяснений.

И Телятников, словно боясь упустить время, оглушил ее потоком еще более непонятных фраз:

— Я уверен, тебе он не откажет!.. Уважаемая Русалка, прошу вас следовать за мной... Каменная личность! Но я уверен, что это отличный, свой парень.

Подхватив девушку на руки, Телятников, не переставая говорить, поставил ее перед фарами и включил свет. И, в то время как она смущенно оправляла платье и приводила

в порядок волосы, оператор оглядел ее с ног до головы и, довольный ее видом, убежденно произнес:

— Отлично! У тебя, как говорят летчики, видимость прекрасная. Он тебе не посмеет отказать!..

Потушив фары, Телятников потащил девушку к китайскому театру.

В короткий промежуток времени, пока они дойдут до балагана, мы успеем рассказать, кем была Русалка, и читателю станут ясны удивительные отношения, существовавшие между этой парой. Но сначала назовем настоящее имя девушки: ее звали Граней, она носила фамилию Телятниковой. Восемнадцатилетняя Граня Телятникова была сестрой кинооператора. И прежде всего нам необходимо описать исключительную любовь, какая с детских лет существовала между братом и сестрой.

В годы гражданской войны на Киевщине брат и сестра Телятниковы остались круглыми сиротами. Андрей Телятников был старше Грани на семь лет, и когда их определили в детский дом и перевезли в Ленинград, десятилетний малыш превратился в нежнейшую, заботливую мать. Он ни на шаг не отходил от сестренки, зорко следил за тем, чтобы ее не обижали, а впоследствии, когда он подрос и поступил в техникум, ежедневно навещал ее, незаметно уносил с собой ее платья и чулки, чинил ее одежду, никому не доверяя ухода за Граней.

В семнадцать лет Андрей Телятников был уже самостоятельным человеком, получил отдельную комнату и взял сестренку к себе. Товарищи поражались белокурому здоровяку, который, будучи общительным, веселым парнем, ни с кем не водил дружбы и был занят только своей сестрой. Утром он приготавливал ей завтрак, поил чаем, отводил в школу и, срываясь с работы, бежал, чтобы встретить ее и проводить домой. С течением времени, когда Граня стала взрослой девушкой и, поступив в институт физической культуры, уже могла вести самостоятельную жизнь, Андрей Телятников, с трудом отпустив ее в общежитие, все свободное время проводил в институте и как хозяин расправлялся в ее комнате.

Граня, высокая, красивая и развитая девушка, сердечно любила своего брата. Она также не могла представить и дня разлуки с ним. Но посторонних искренне изумляло поведение Андрея. Находясь с сестрой, Телятников неизменно выражал суровость, разговаривал с Граней мрачно и грозно, называя ее «мисс», «герцогиня» или «леди». В последнее время, когда она завоевала четыре ленинградских рекорда по плаванию, он стал снисходительно называть ее Русалкой.

Тяжелое время Телятников переживал, когда бывал в командировках. Где бы он ни находился — в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в океане, во льдах Арктики, — он ежедневно писал Гране. Возвращался из путешествий он неожиданно, заставляя сестру врасплох. И каждый раз повторялась одна и та же сцена. Вернувшись из поездки, он посреди дня появлялся в комнате Грани и с мрачной подозрительностью перерывал все ее вещи.

Как-то в один из таких налетов перепуганная подруга, взобравшись на кровать и не смея выйти из комнаты, чтобы позвать Граню, с ужасом наблюдала, как обычно благодушный Телятников со сверкающими глазами переворачивал корзинки сестры, разрывал вещи в шкафу и даже ползал под койкой,

— Что вы ищете? — в страхе спросила она. — Граня в саду. Я ее могу...

— Ни с места! — рявкнул Телятников, — Я ищу письма гусаров. Я уверен, что за Русалкой шатаются разные драгуны и уланы. Клянусь жизнью, я им переломая руки и ноги!

Таким образом, у самой красивой девушки Инфизкульта, замечательной пловчихи Грани, не было так называемых «ухажеров» и «кавалеров». Никто не хотел рисковать, не решался пригласить ее в парк или кино. Если кто-либо, не зная о существовании Андрея и о его нраве, пробовал пройти с Граней в саду или по набережной Невы, тогда, как из-под земли, вырастала угрожающая фигура Телятникова. Не здороваясь, не говоря слова, он ша-

гал рядом, затем, взглянув на часы, точно не замечая постороннего, брал Граню за руку и мрачно командовал:

— На башне святого Антония пробило полночь! Любезнейшая мисс, налево кругом, домой шагом арш!

Отправившись в очередную командировку в Монголию, Телятников добился разрешения взять с собой сестру.

— ...Он тебе не посмеет отказать, — твердо повторил Телятников, увлекая Граню в балаган и пробираясь сквозь толпу кочевников к Висковскому. — Познакомьтесь, — дружелюбно толкнув геолога, как ни в чем не бывало представил он Граню. — Моя сестра... Первоклассная пловчиха... Я называю ее Русалкой!..

Висковский, еще более пораженный, чем раньше, вскинул глаза и встретился со сконфуженным взглядом девушки.

— Простите, — пробормотал он, обращаясь к кинооператору, — я не понимаю вас...

— Проси, — подтолкнул сестру Телятников. — Мы надеемся, что вы не откажете...

— Я, кажется, уже объяснил вам...

— Да, все это так, — заторопился оператор, — но поймите: что я буду делать два месяца до надама? И... и... моя сестра, прекрасная пловчиха...

— Но в пустыне, — хитро улыбнулся Висковский, — ей, кажется, негде будет проявить свои способности.

Граня окончательно растерялась и почти с мольбой повернулась к брату. Однако Андрей был непоколебим.

— Во что бы то ни стало, — твердил он, — вы должны нас взять. Мой нюх подсказывает мне, я чувую, что это интереснейшая поездка!

Потерявший терпение Висковский уже хотел было резко оборвать Телятникова, но в эту минуту в балагане появился Ли Чан.

— Вас ждут, — позвал он геолога. — Профессор вернулся.

Обрадованный Висковский, кивнув оператору и его сестре, быстро ушел за китайцем.

— Не хотите ли немного пройтись? — пригласил геолога стоявший у автомобиля Джамбон. — К тому же наш баран еще не готов.

— С удовольствием, — все еще слыша голос Телятников, торопливо согласился Висковский. — Куда угодно.

— Великолепно! Я хочу вам кое-что передать.

Медленным шагом Джамбон повел геолога в сторону буддийских обелисков, означающих близость монастыря. Вдали засинели крылатые крыши храма.

Старик-ученый взял Висковского под руку и сказал:

— Я хочу вам рассказать одну легенду-сказку, а может быть, и действительный случай. Мой лама Тамби-Сурун жив и благоденствует. Двадцать семь лет назад мы познакомились с ним в этих краях, когда я возвращался из Пекина. Монах пришелся мне по душе, и позднее он не раз навещал меня в Улан-Баторе. Как-то во время беседы он сообщил мне предание, слышанное им от стариков. Лет восемьдесят назад здесь существовало большое становище. Однажды на празднике «цам», когда все население явилось к храму смотреть процессию масок, среди опустевших юрт осталась единственная женщина, которая кормила двухмесячного больного ребенка. Но и она, не вытерпев, оставила на время свое дитя и побежала поглядеть на пляски лам. Вскоре она возвратилась обратно в юрту.

Праздник в разгаре. Трубят трубы, пение, пляски. Вот вывезли колесницу будущего будды, как вдруг на всю степь пронесся страшный вопль, в толпу ворвалась обезумевшая женщина и без чувств упала на землю. Муж ее поскакал в становище. Он кинулся в юрту и с криком отпрянул назад. Над лежавшим на кошке ребенком склонилось черное чудовище. Черная волосатая женщина кормила грудью дитя. Увидев монгола, она схватила ребенка и убежала в степь, в пустыню...

Слушайте дальше. Лет двадцать спустя, как-то осенью, в вечернюю пору монголы гнали скот с пастбища. Солнце зашло, и вот со стороны пустыни показались два человека. Монголы поехали к ним навстречу... и ужас объял кочевников. То были алмасы. Впереди шагал высокий юноша в

звериных шкурах. Старая, сторбленная алмаска держалась за его руку. Скотогоны в страхе сбились в кучу. На крики высыпало все население становища. Тогда алмасы повернули обратно. Старуха, задыхаясь, отставала. Она задерживала юношу. Он подхватил ее на руки и помчался за холмы. Изнемогая под тяжелой ношей, он упал. Старая алмаска закричала, очевидно приказывая ему бежать, бросить ее, спастись. Наконец и кочевники пришли в себя. Они соскочили с коней и осыпали алмаску градом камней... Сейчас мы увидимся с ламой, — внезапно обрывая рассказ, сказал профессор, — я хочу получить у него дополнительные сведения о пути.

В воротах монастыря гостей ожидал лама. Он провел их через огромный двор в кумирню. В темном помещении от скудного света обвитых золотыми нитями свеч бородастые великаны-боги, хранители стран света, казались еще выше. Тускло блестели золоченые статуи будд. Держась за руку Джамбона, осторожно передвигался Висковский.

В одном из залов вдоль стен были расставлены полки со множеством книг.

— Сто восемь томов вероучений Будды, — горделиво объявил лама, — двести двадцать пять томов комментариев! Жизни одного человека не хватит для изучения таинств.

В центре зала с потолка спускался огромный зеркальный шар. Монах величественно поднял руку:

— Мудрость Будды отражает мир.

Старый лама с почтением раскрывал двери залов и ввел гостей в круглую кумирню без окон. Он зажег светильник, и на потолке, как лохматые бороды, закапались пятнистые меха барсов. Сняв со стены щит, лама протянул его Джамбону, и профессор поманил геолога:

— Проведите рукой.

На щите лежала коричневая шкура. Висковский ощущал сухую, пергаментную кожу.

Джамбон, переговорив с ламой, пожал ему руку, и снова через темные залы они прошли во двор и за ограду монастыря.

Когда лама исчез, Джамбон тихо рассмеялся:

— Не сердитесь на меня за то, что я вас увлек в приют монахов. Но лама Тамби-Сурун уверяет, что на щите... шкура, снятая монголами с убитой алмаски...

* * *

Было еще совсем темно, когда Ли Чан разбудил Висковского. На небе сверкали звезды и блестела луна. Чуть заметно светлел восток, но геолог по опыту знал, что сейчас вспыхнет заря и поднимется солнце. Голубой дым расползался по мокрой траве, издалека брели насытившиеся кони; монголы выходили из юрт и в тишине утра шли к стадам.

Путешественники направились к одной из юрт. Седой монгол грел руки над тлеющими углями и молчаливо приветствовал гостей. Ли Чан разлил по чашкам соленый чай с молоком. В чугунном котле лежала холодная свежая баранина.

Старик-монгол роздал каждому по куску мяса и закурил длинную трубку.

По знаку профессора Ли Чан вышел к автомобилю и вернулся с ковшом, полным сухого печенья, жаренного на бараньем сале.

— Великодушный Ли Чан, — торжественно сказал Джамбон, — одари хозяев боорсуками. Это сделает тебе честь как лучшему хранителю старинных традиций нашей страны. И еще, Ли Чан, принеси сюда маленький бидон бензина.

Послушный китаец принес и бидон. Глаза старика-монгола заблестели от удовольствия.

— Кочевник более всего будет рад этому подарку, — объяснил Джамбон геологу: — он смажет бензином хвост табунному жеребцу. Многие уверяют, что волки не выноят запаха бензина и страшатся нападать на стадо.

Распростившись с хозяевами юрты, путешественники уселись в машину. В этот момент взошло солнце, и автомобиль тронулся в путь.

Свернув в сторону от караванной дороги, Ли Чан помчался по степи. Ударяясь о тарбаганьи норы, неся «бьюик» вперед, и с каждой минутой местность становилась все более дикой. За первые два часа путешественники проехали около ста километров. Давно окончились становища кочевников, исчезли стада, и в бескрайней степи в прозрачном воздухе открывался вид на сто километров вперед.

Солнце еще не дошло до середины неба, когда из глубины степи показались две черные точки и навстречу автомобилю попались два охотника. Изможденные кони еле передвигали ноги. Охотники были до последней степени истощены, но, ничем не выказывая своего состояния, по обычаю долго приветствовали путников:

— Сайн байну! (Добро вам!)

— Сайн, — ответил Джамбон.

— Амор сайн соджи байну? (Хорошо ли живете?)

— Сайн, — повторил профессор, — сайн.

— Мал сурук сайн байну? (Скоту и табуну вашему хорошо ли?), — осведомился второй охотник, но, бросив взгляд на автомобиль, поправился: — Здорово ли сердце машины?

Соскочив на землю, монголы спутали ноги измороженных коней и, усевшись на корточки и закулив трубки, продолжали свои приветствия:

— Хорошо ли едете?

— Хорош ли путь?

Джамбон, в свою очередь приветствуя охотников, спрашивал их о пути и охоте. На все кочевники отвечали одним словом: «сайн» — «хорошо», непрерывно курили, выколачивали трубки и вновь набивали их табаком.

— Соин-ю байн? (Что нового?), — спросил профессор.

Это означало, что можно приступить к обычному разговору.

— Четверо суток мы охотились в степи, — сообщил охотник, — охотились на волков.

— Нет ли у почтенных путников воды? — спросил другой. — Нам будет отрадно принять от вас чашку воды.

Джамбон сделал знак, и Ли Чан отвязал походный бак.

— Сокровенная радость! — с достоинством поблагодарили охотники, осторожно принякая губами к чаше. — Четыре дня мы ничего не пили и не ели,

— Где же убитые вами звери? — спросил Джамбон. — Я не вижу ваших волков.

— Плохой воин — богатырь для своих знакомых! — рассмеявшись, ответил охотник. — Не стоит таить правду: ночью мы не смогли уследить зверя, и стая скрылась в горах. Темные ночи в эту пору.

Второй охотник добродушно вторил своему спутнику:

— Неметкий человек всегда сваливает вину на длинные рукава — есть и такая пословица. После жары мы уснули в скалах, когда глаза наши должны были быть открыты, и звери ушли.

— Однако где их ружья? — удивился Висковский. — Спросите их, профессор.

— К чему ружья? — равнодушно ответил охотник Джамбону. — Вот ташур*. Ташуром я рассеку голову самому страшному зверю.

— Счастья и благоденствия вам! — поднялся старший охотник. — Стыдно возвращаться без добычи. Это у меня впервые...

— После неудачи бывает большой успех, — попробовал утешить его Джамбон. — В следующую охоту...

— А слава? — с печальной улыбкой покачал головой охотник. — Нас осудят... Мужчина, которого осуждают люди, — то же, что белая лошадь, упавшая в грязь. Прощайте!

И еще три часа ехал «бьюик» по степи. Отныне люди больше уже не встречались.

Постепенно исчезала караванная тропа. Промелькнули последние придорожные плиты заклинаний и благословений. В спутанных травах блеснул на солнце потрескавшийся плоский камень с письменами:

«Ом мани патме хум» («Слава тебе, на лотосе сидящий»), — прочел Джамбон.

* Ташур — плетка с зашитым в ремне свинцом. Ташур — самый необходимый предмет кочевника, с которым он никогда не расстается.

Позднее встретились еще две такие же каменные плиты, и это были последние знаки людей:

«Спасайся от злых духов!»

«Жертвуй злым духам!»

Джамбон многозначительно посмотрел на Висковского и глухо сказал:

— Конеч!.. Больше мы не встретим людей!

Безостановочно ехал автомобиль, переваливая через холмы. Наконец Ли Чан, снизив скорость, высунулся из-за руля. Он как будто к чему-то прислушивался.

— Сиди спокойно, любезнейший капитан, — сказал профессор. — Мы никого не встретим в этом зеленом океане.

— Я выбираю, — ответил Ли Чан, — место для остановки.

У высокого кургана китаец развернул машину, и путники расположились в тени. Снимая кошмы и брезент, путешественники вдруг ясно услышали гул автомобиля. Из-за кургана выехал «додж». Висковский узнал вчерашнего кинооператора. Сорвав с головы пеструю тубетейку, Телятников ликуяюще взмахивал рукой:

— Привет, друзья! А я вас все-таки нагнал. Куда вы так быстро несетесь? У вас смешной шофер. Настоящие тонки! Вы, вероятно, намерены обедать? Очень хорошо, я тоже чертовски проголодался!

В ЖЕЛТОЙ ПУСТЫНЕ

Ночью, когда автомобили остановились на ночлег и все уснули, Висковский, с досадой поглядывая на примостившегося возле палатки кинооператора, записывал при свете костра дневные впечатления, причем Телятникову посвящались следующие строки:

«Наглец или нахал? Возможно, однако, что это простодушная личность, и я буквально не знаю, как удалить неожиданного спутника и его сестру. Отрицательный тон, каким я разговариваю с ним, нисколько не действует, не про-

изводит на него никакого впечатления. Телятников, неизвестно почему, понравился профессору, и Джембон уверен, что мы с кинооператором — старые знакомые. Сестра его имеет беспомощный вид. Как объяснить профессору глупое недоразумение? Телятников невозмутимо едет рядом с нами. Он лихо рулит одной рукой и безумолчно рассказывает профессору немыслимые басни и анекдоты. Старику нравится его трескотня, и только вот сейчас, укладываясь спать, он мне сказал про Телятникова:

— Станный, забавный, но очень приятный молодой человек.

Что делать, как избавиться от белокурого болтуна? Остается лишь надеяться, что завтра или самое позднее через пару дней ему наскучит однообразие пути и он возвратится назад. Обязательно вернется!

...Но что творится с Джембоном! — пишется дальше. — Затворник с горы Богдоула неузнаваем. Кто бы поверил, глядя на разгоряченную маленькую живую фигурку старого человека, что ему шестьдесят восемь лет и двадцать лет он провел взаперти, схоронившись от людей? Джембон буквально не может усидеть на месте — его разжигают воспоминания юношеских лет, на каждом шагу он то и дело останавливает машину и, обводя тростью горизонт, рассказывает нам про курганы и древние развалины разрытых и мертвых городов. И так без конца льются воспоминания давних лет. Задерживаясь у самого неприметного холма, он мечтательно рассуждает:

— Кто знает, что схоронили века под выжженной травой? Кто лежит под вековыми камнями: богатырь или певец — свидетель славных подвигов? — И т. д. и т. п.

Вечером он приказал Ли Чану свернуть к разбитой скале и, с увлечением осмотрев ее со всех сторон, допытывался:

— Не правда ли, в очертаниях скалы чудится всадник с пикой в руках?

Задыхаясь от восторга и усталости, профессор облазил скалы. На одном из камней он нашел древние, уже стершиеся, загадочные, неизвестные науке знаки. Надо было

видеть, с каким упоением, едва ли не касаясь щекой камней, он всматривался в знаки!

— Олени... Оленьи знаки!.. — бормотал он, срисовывая их в блокнот. — Предтечи букв! Откуда они появились? В честь знаменитых побед высечены начертания или скорбные события запечатлены на камнях? Этот знак напоминает турецкое «а». О-о-о! А вот это, несомненно, изображение человека. Он что-то несет. Наверно, возвращается с охоты, сгибаясь под добычей! Опять буквы... Нет-нет, это олени рога. Тут водились олени? Или пришельцы высекли эти изображения, вспоминая зверей и животных своей родины? Стойте! Да это определенно турецкое «а». Ли Чан, взирай!

Призраки древних веков преследуют наш «бьюик», зато современные события абсолютно неизвестны старому профессору. Он, например, с детским любопытством слушает о преобразенном Советском Союзе; мигая своими ясными глазами, он узнает про фашистские костры, об изгнании ученых из Германии, о расистской теории — одним словом, сегодня мне пришлось преподать ему первый популярный урок пионерской политграмоты. Старик — сердечный, обаятельный человек, я искренне рад нашему знакомству и совместному путешествию. Ли Чан — превосходный шофер и трогательная нянька профессора. Он также вызывает во мне исключительный интерес; надо узнать его поближе.

Профессор спит в синей монгольской палатке — майхане.

Телятников поставил рядом свой «додж» и безмятежно заряжает киноаппарат».

Далее в дневнике идут записи чисто профессионального содержания — беглые геологические наблюдения над местностью, которые мы опускаем и продолжаем наш рассказ.

Улучив удобный момент, Висковский подошел к Гране, молчаливо пригласил ее следовать за собой и отошел от костра настолько, чтобы Телятников не мог его слышать.

— Послушайте, — сурово сказал он, — вы мне кажетесь серьезной и умной девушкой... Что же касается вашего брата...

— Он очень хороший, — опустив глаза, промолвила девушка. — Поверьте, он...

— Он может быть лучшим из кинооператоров и превосходным братом, судя по тому, что вы сопутствуете ему, но я вам советую поговорить с ним и убедить его покинуть нас.

Подавленная тоном геолога, Граня пообещала:

— Хорошо... я ему скажу... Мы уедем...

Она повернулась, чтобы уйти, но геолога, по-видимому, тронул жалкий вид девушки:

— Постойте... Прошу вас понять меня. Я не имею чего-либо против вас...

Недовольный собой, он тотчас переменял тон и угрюмо закончил:

— Одним словом, я все сказал и, надеюсь, могу быть спокоен, что завтра же с рассветом вы с братом уедете!

— Да... — чуть слышно проговорила Граня, — можете быть уверены.

Обеспокоенный отсутствием сестры, Телятников отставил аппарат. Но вот Граня вернулась, и он торопливо расстелил брезент в машине.

— Укладывайтесь, моя Русалка. Завтра на рассвете в путь.

— Скажи, — нерешительно спросила Граня, — не замечаешь ли ты, что здесь недовольны....

— Что ты! — перебил Телятников. — Превосходные люди! Какие могут быть разговоры? Поедем дальше. Они будут очень рады. Если станет скучно, повернем обратно. А пока — ехать и ехать! А, как ты думаешь?

Граня взглянула в сторону Висковского и неожиданно для себя самой заявила:

— Конечно!.. Я вполне согласна с тобой,

Утром Висковский, зайдя в майхан профессора, застал Джамбона за странным занятием. Стоя на коленях, изги-

баясь перед осколком зеркала, профессор, ворочая шеей, прилаживал воротник и туго повязывал галстук.

— К чему это, профессор? — поразился геолог. — В степи?..

Джамбон оглянулся и многозначительно прошептал:

— Среди нас дама.

С восходом солнца двинулись в путь два автомобиля. Грания сидела, опустив голову, стараясь не встречаться взглядом с Висковским, зато Телятников чувствовал себя превосходно.

* * *

На следующий день трава постепенно уступила мертвому пространству, мелкому гравию, и Джамбон, заведя на горизонте осыпающиеся бугры, похожие на горбы лежащих верблюдов, провозгласил:

— Прощайтесь, друзья, с благодатными травами. Конец Цао-ди! Древние китайцы, — разъяснил он, — называли страну монголов Цао-ди — Травяная земля.

Голые, потрескавшиеся плиты отсвечивают на солнце, искрятся волнистые песчаные дюны. Но вот пейзаж резко переменился, и камни затерялись в глубоких сыпучих песках. Неподвижные пышные белые облака, словно изнывая от зноя, стояли над желтыми барханами. Час от часу путь становился трудней. И в жаре, достигавшей шестидесяти градусов, все выходили из застрявшего в дюнах автомобиля. Телятников оставлял свой «додж» и помогал Висковскому подталкивать тяжелый «бьюик». Джамбон в таких случаях выскакивал на ходу и, не выпуская из руки трости и сжимая маленькие кулаки, надув щеки, изо всех сил толкал и толкал машину.

В течение четырех дней путешественники, против ожидания, успешно проехали четыреста пятьдесят километров.

Однажды перед заходом солнца профессор, пытливо изучавший карту, внезапно приказал Ли Чану свернуть на

восток. Висковский не возражал, терпеливо ожидая разъяснения причины отклонения с пути. В сумерках среди песков показались каменные валуны.

— Любезный мой друг, вы простите старика, — сказал Джамбон, — но было бы неслыханным преступлением не посетить мировых памятников...

Джамбон, виновато пряча глаза, слез с машины и отправился к камням. Висковский и Телятников последовали за ним. Как и следовало ожидать, на камнях оказались древние надписи.

— Бичик! Письмена! — восхищенно воскликнул профессор.

На этот раз и Висковский с Телятниковым пришли в изумление. По гладким глыбам камней извивались настолько четкие письма, что, глядя на них, казалось, будто вчера их высек острый резец.

— Здесь в 1624 году, — объявил Джамбон, — князь и поэт Цокто-Тайчи диктовал свои мысли, настроения, и слова его выбили на камнях. Он вспоминал воспитавшую его женщину Холовуту и, из далекого похода выражая ей свои чувства, повелел на века надписать на камнях следующее. — И Джамбон с пафосом прочел то, что было вырезано на камнях: — «В год белой курицы, осенью 21-го числа первой осенней луны, Цокто-Тайчи выехал на своем могущественном коне на гору, что на северной стороне Церлика, Хангайского хребта. Он поднялся на вершину и стал обозревать... Посмотрел на восток и опечалился и, плача, произнес...»

Взволнованный Джамбон про себя пробормотал слова, обращенные к Холовуте, и тихо закончил:

— «Говоря, он заплакал, и его слова запомнили и записали через четыре года, в год мыши, 18-го числа новой луны, Паж Данчин и Богатырь Хаен, и на скале высекли...

Паж Данчин и Богатырь Хаен, — все более и более воодушевляясь, читал профессор, — в ознаменование славы Хана высекли эту надпись спустя 464 года после рождения Чингис-хана. Год рождения Чингис-хана — год водяной лошади...

В великий белый день, — закончил Джамбон, — на скале, подобной яшме, они написали слова Цокто-Тайчи!»

Так множество раз во время путешествия профессор приказывал своему верному Ли Чану сворачивать в сторону и находил старинные памятники, надгробия, курганы. Многие узнали его спутники из того, что до сих пор было неизвестно.

Так, на одном из курганов профессор насчитал восемнадцать высоких камней.

— На этом месте, — объяснил он, — похоронен могущественный воинственный хан. Он покориł восемнадцать подобных себе ханов и князей!

Не прошло и двух дней, как Телятников окончательно покориł старика-ученого. Найдя старинное, полузасыпанное песками надгробие, профессор, не смея задерживать машины, с искренним вздохом уселся на свое место, решая Ли Чану ехать дальше.

— Алмасские горы зовут нас, — сказал он, — иначе я бы здесь провел не менее трех дней и ночей и до конца своих дней запечатлел бы эти чудесные памятники.

— Уважаемый профессор, — воскликнул из своего «доджика» Телятников, — если вам угодно, вы эти гробницы будете всегда иметь под рукой!

— Как так? — нахмурился Джамбон. — Я ценю ваше остроумие, милый юноша, но... будьте снисходительны к старику, который видит пленительные изваяния в последний раз в жизни.

— Вовсе нет! Вы их будете видеть каждый день. Я нащелкаю вам сколько угодно этих Чингис-ханов!

И Телятников во всех видах заснял надгробье.

Джамбон был вне себя от радости.

— Какое счастье, — сказал он Висковскому, — что к нам присоединился этот обаятельный молодой человек!

С течением времени Висковский должен был примириться с присутствием кинооператора. Веселый Телятников в самые тяжелые минуты путешествия своей беспечностью поднимал настроение, охотно помогал вытаскивать «бьюик» из песков; его же маленький «додж» ни разу

не застревал. Но Граня сильно беспокоила геолога. Чувствуя какую-то непонятную симпатию к молчаливой девушке, Висковский принимал это чувство за жалость и досадовал на себя.

Сестра Телятникова ничем не давала знать о себе, и чем тише она себя вела, тем более ее поведение вызывало досаду у геолога.

Желтая пустыня встретила путешественников нестерпимым зноем. В лицо веяло духотой и сильным, сухим жаром раскаленных песков. Под солнцем пустыни Граня быстро загорела, и на смуглом лице ее голубые глаза засветились еще более восхитительным блеском, волосы стали ослепительно золотыми. И старый Джамбон и замкнутый Ли Чан с восхищением смотрели на девушку, точно видя ее впервые. Вполне естественно, что и Висковский заметил эту перемену и часто ловил себя на том, что он невольно следит за машиной Телятникова. В таких случаях выдержанный, «каменный», как называл его оператор, геолог вскипал злобой. Однажды, не вытерпев, он, против воли и что совсем было не в его характере, съязвил. Поравнявшись с машиной Телятникова, он крикнул Гране:

— Загорели?

В ответ Граня приветливо улыбнулась.

— Вы ошиблись, — громко произнес Висковский, — ваше место в Гаграх, на пляже!..

С тех пор Граня избегала какого бы то ни было общения с суровым геологом. Она помогала Ли Чану у костра, стелила постель Джамбону, отчего растроганный и смущенный профессор терял дар речи и около получаса церемонно раскланивался. Она заряжала брату кассеты и после всего от одного взгляда Висковского чувствовала себя лишним человеком.

Впоследствии Граня чистосердечно признавалась, какое истинно радостное облегчение ощутила она, когда брат ее принял новое решение. Это было на седьмой день путешествия.

Утром седьмого дня, проснувшись первым, Телятников взобрался на самый высокий бугор, осмотрелся по сторонам и убедился, что дальше стелются бесконечные пески.

— До свиданья, товарищи, — объявил он, спустившись в палатку. — Мне стало скучно, я уезжаю. Как раз нам хватит бензина на обратный путь.

— Не смею задерживать, — с сожалением сказал профессор, — но мне лично очень жаль расставаться с вами. Кроме того... я не мыслю, как это вы будете один пробираться семь дней...

— Н-да! — впервые омрачился беззаботный кинооператор. — Я немного перехватил. Еды, воды и бензина у нас хватит, но довольно скучно одним возвращаться. Клянусь, я думал, что вы скоро закончите поездку. Не повернуть ли нам всем вместе, а?

— Я вас предупреждал, — сурово напомнил Висковский. — Надо было думать раньше.

— Утрясется, — беспечно тряхнув головой, рассмеялся Телятников. — Я буду газовать день и ночь. Куда вам сообщать о моих рекордах?

Уныло, не спеша путешественники пили чай. Старый ученый печально молчал, а Висковский, стараясь подавить в себе симпатию к Телятникову, пытался сохранить спокойное безразличие.

— Я вас немного провожу, — к удовольствию профессора, предложил кинооператор. — Для хорошего шофера десять километров не крюк.

И снова двинулись на автомобилях по пескам.

— Стоп! — закричал Телятников, вылетая вперед. — На горизонте озеро.

За барханами сверкала голубая вода.

— Недаром я поехал вас провожать! — ликовал Телятников. — Искушаюсь — и на попятную.

— Мираж, — сквозь зубы произнес китаец, — нет воды.

— Как хотите, я съезжу. Граня, вынь свой купальный костюм. Ты сейчас сможешь побить всесоюзный рекорд!

Кинооператор пустил машину на полный ход, но еще раньше, чем он возвратился, Висковский и Джамбон убедились в правоте слов Ли Чана. Мираж быстро рассеялся...

Медленно тащился «доджик» обратно, как вдруг на востоке опять блеснула синяя гладь воды.

Ли Чан, не спрашивая разрешения, уверенно свернул к озеру, но когда «бьюик» уже подъезжал к самой воде, он гневным движением повернул руль.

— Безумный! — воскликнул Джамбон. — Мы изнемогаем от зноя... Мы будем купаться...

— Нет!

— Но ведь это не мираж?

— Нет... Не мираж...

— Бедняга, твой разум испарился от солнечного жара! Вперед!

— Слушаюсь.

Автомобили подъехали к берегу, и все, за исключением Ли Чана, оцепенели от изумления: перед ними лежали искристые пласты каменной кристаллической соли.

— Пойдите, пойдите, — вытаскивая аппарат, закричал Телятников, — пятнадцать минут! Я должен заснять это место. Очень, очень смешно!

Пустыня, омрачившая наших спутников безрадостными сюрпризами, вскоре вознаградила их захватывающим приключением. Едва Телятников успел заснять озеро, за буграми поднялись столбы песка, и в нарастающем гуле, как при землетрясении, задрожала почва под ногами. Ли Чан, выхватив из-под брезента ружье, торопливо уселся за руль, и автомобиль понесся за дымным облаком песчаной пыли.

— Дзерены! — догадался Джамбон. — Антилопы!

Гул, топот тысяч ног огласили мертвое пространство. За тучами пыли мелькали сотни и сотни светложелтых антилоп. Они точно проносились по воздуху, и, казалось, в пустыне бушевал самум. Левой рукой придерживая руль, Телятников мчался впереди и стрелял из револьвера. Он мешал Ли Чану, и раненные им животные, высоко подскакивая в воздухе, бежали с еще большей быстротой.

— Не стреляйте! — надрывался Джамбон. — Не смей!

Расстреляв все патроны, Телятников отстал. Тогда Ли Чан, на мгновение отпустив руль, сделал два выстрела подряд и сразу сел. Минуту спустя он остановил машину. На песке лежали две антилопы, вытянув тонкие белые ноги.

Тысячи желтых антилоп ринулись через бугры и вихрем неслись к горизонту. Они летели, почти не касаясь почвы, и стадо умчалось в густой пелене сметенного песка.

— В чем дело? Я попадал, я видел, как они подбрасывались вверх, — недоумевал Телятников. — Ли Чан, это твои антилопы?

Китаец поднял убитое животное и показал на маленькую, чуть заметную рану:

— Надо стрелять сбоку... В сердце.

— О жесточайший из тиранов! — неистовствовал профессор, топая ногами. — Как ты смел убить благороднейшее животное — красу степей и пустынь!

Ли Чан, смущенно пряча лицо, привязывал антилоп к задку автомобиля.

— У нас будет свежее мясо, — покорным шепотом просил он прощенья. — Нам очень нужно свежее мясо.

Трое мужчин хлопотали у машин. Граня отошла в сторону и задумчиво побрела по пескам. Змеистые кусты саксаула напоминали ей о деревьях. Вспоминая российское лето, она с грустью осматривалась вокруг и незаметно шла дальше и дальше, как будто за буграми должны были находиться зеленые прохладные рощи, ручьи и реки.

Неожиданно в двух шагах, под самыми ногами, раздалось тихое ворчанье, словно в песке возились щенята. Граня изумленно остановилась и в самом деле увидела двух слепых, неуклюжих щенят. «Откуда они появились?» Радостно недоумевая, склонилась она над ними, и вдруг перед ее глазами на песок упала густая лохматая тень. Приглушенное яростное рычанье послышалось позади. Граня обернулась... и замерла.

Огромная серая волчица с ощеренными клыками и вздыбленной шерстью приготовилась к прыжку. Со злобным воем она присела и кинулась на девушку. В этот мо-

мент прогремел выстрел. Волчица грузно, точно с воздуха, упала к ногам Грани. Ошеломленная девушка посмотрела туда, откуда раздался выстрел, и заметила быстро удалявшегося Висковского. С равнодушным, холодным видом спрятав наган, он, даже не посмотрев на Граню, зашагал обратно. Не отдавая себе отчета в случившемся, Граня подхватила волчат и побежала к автомобилям.

— Что за выстрел? — услышала она вопрос Джамбона.

— Пустяки, — ответил Висковский: — волк. Очевидно, этот волк пригнал стадо. Отныне он уже не станет тревожить пугливых антилоп!..

Ночью, на привале, китаец занялся приготовлением нового блюда. Кинооператор больше не напоминал об отъезде. Охота увлекла его, и он с нетерпением ждал завтрашнего дня, поклявшись не возвращаться без антилопы.

Ли Чан на огромном блюде преподнес отдыхающим путникам горячее мясо.

— Какая нежность! — восхитился профессор, попробовав антилопы. — Какой дивный аромат! Поистине, Ли Чан, ты искуснейший из кулинаров! В тебя переселился дух императорских поваров древнейших династий хань и цинь.

В облаке скрылась луна. Польщенный Ли Чан устанавливал майхан. Телятников, закусив губу, заряжал револьвер, профессор дремал, ожидая зова слуги. Висковский, задумавшись, сидел над дневником. В легком ветре слышались глухие звуки, и засыпающий профессор, качая головой, путая слова, бормотал:

— Ночные голоса... По преданиям, то стонут убитые Чингис-ханом воины... Но это ветер разносит гудение камней... Вздутые почвы... Осыпающиеся пески...

Ли Чан внезапно вздрогнул, выпустил полотенце, и майхан упал.

— Кто-то идет, — вытянул голову Телятников. Висковский захлопнул дневник. Он также услышал шаги. Ли Чан подбежал к автомобилю и зажег фары.

В ослепительном свете прожекторов стояли две черные бесформенные фигуры людей.

ГДЕ КИНООПЕРАТОР?

С минуту длилось напряженное молчание. Двое пришельцев, заслонив руками лицо от света фар, стояли, не двигаясь с места, и Висковский успел разглядеть темные комбинезоны. К нему, как к самому ближайшему, шагнул первый, огромного роста мужчина. Пораженные путешественники слышали немецкую речь.

— Guten Abend! Mit wem hab ich die Ehre in der Wüste Bekanntschaft zu machen? Flieger Krüger, — представился он. — Das ist mein Mechaniker Mayer*. (Добрый вечер! С кем имею честь познакомиться в пустыне? Пилот Крюгер. А это мой бортмеханик Майер.)

— Милости прошу, — засуетившись, пригласил профессор, припоминая немецкие слова. — Какая приятная неожиданность!

— Я вижу больше неприятностей в нашем происшествии, — сказал летчик, присаживаясь к огню. — Вынужденная посадка. Неделию мы сидели в песках и вчера доели последний бисквит.

— Ли Чан! — взволнованно крикнул Джамбон. — Скорей, скорей неси свою чудесную антилопу!

— Вы европейцы? — отворачиваясь от Джамбона, осведомился у Висковского пилот. — Осмелюсь спросить, откуда вы?

— Из Ленинграда, — в один голос произнесли геолог и Телятников, — из СССР.

Удивленно вскинув глаза, пилот потер маленькие усы и, как эхо, задумчиво повторил:

— Из Ленинграда... из СССР...

— Геноссен! — обычным своим тоном воскликнул Телятников (это было единственное известное ему немецкое слово). — Нажимайте, геноссен, на мясо.

* Дальнейший разговор даем в переводе Висковского, отлично владеющего немецким языком.

Китаец принес блюдо жареного мяса и, наклонившись к Джамбону, что-то прошептал.

— Ночь, — пожал плечами ученый, — какая может быть охота?

— Аргали... Близко горы, тут водятся аргали.

— Но у нас гости. Нужно достойно принять.

— Майхан я поставил. Чай горячий. Мясо подал. Я скоро вернусь.

— Ступай, ступай, неистовый зверобой.

— Кушайте, — пододвинул Висковский мясо гостям. — Позднее вы нам расскажете о своих приключениях

— Я это сделаю сейчас, — отрезая мясо, сказал Крюгер. — У нас нет времени задерживаться. Мы... туристы. Неделю назад вылетев из... (он назвал маньчжурский город), мы попали в бурю и, избегая урагана, потеряв ориентацию, сожгли все горючее. На этом кончается наша несложная история. Аппарат наш не более чем в полутора километрах отсюда. Из-за песчаных холмов вы не могли нас видеть, мы же слышали гул автомобиля и явились на огонь вашего костра. Сейчас меня главным образом интересует, сколько бензину вы сможете уделить нам для продолжения полета. Наш старый «BMW» будет превосходно работать даже на автомобильном бензине.

Со вниманием выслушал Висковский короткий рассказ пилота, и с самого начала ему не понравился его холодный и несколько требовательный тон,

— Не может быть сомнения, — поспешил заявить профессор, — мы поделимся с вами.

— Но вряд ли, — обдумывая каждое слово, сказал Висковский, — вас устроит пара десятков литров.

— Сколько у вас горючего? — отрывисто спросил Крюгер. — Каков ваш запас?

— Ничтожно мал, — сдерживая накапливающее раздражение, сказал Висковский и, к ужасу профессора, добавил: — Прошу простить, но меня удивляет ваша манера разговаривать: вы как будто приказываете...

— Неделя в безвыходном положении... — пробормотал летчик, опуская глаза. — Извините меня... Поймите состояние.... нервы...

— Остается один выход, — заметил Телятников, когда Висковский перевел ему происшедший разговор: — геносен поедут со мной. Полный газ — и через три-четыре дня мы на становище. Они закупают бензин, и машины доставляют им горючее к самолету.

С душевной благодарностью Висковский принял совет кинооператора и перевел его предложения немцам.

— Нет, это невозможно! — прежним тоном возразил пилот. — Есть другой выход. У вас, по-видимому, достаточно продовольствия. Вы одалживаете нам все свое горючее, мы улетаем и через сутки на самолетах вернем вам бензин.

Джамбон растерянно молчал. Уклоняясь от дальнейшего разговора, Висковский сказал:

— Отложим разрешение нашей задачи до утра.

— Доброй ночи, — поднялся пилот и, вытянувшись по-военному, щелкнул каблуками. — Итак, до утра. Идемте, Майер.

— Куда вы? — протянул руки ученый. — Отдохните на кошмах. Располагайте нами...

— Нет, нам нужно быть у машины.

— Я с вами, — вскочил Телятников. — Скажите им, Висковский, я хочу посмотреть самолет. Завтра я сниму замечательную встречу автомобиля с аэропланом в пустыне.

— В высшей степени рад, — вновь щелкнул каблуками пилот, — самолет близко.

— Русалка, неси кассеты, — приказал оператор сестре, — завтра генеральный съемочный день.

Пилоты ушли с Телятниковым и Граней, в это же время возвратился Ли Чан и незаметно присел к огню.

— Ну, что тебе дала ночь? — укоризненно сказал профессор. — Я отпустил тебя, надеясь, что ты действительно принесешь аргали для туристов.

— Они не туристы... — еле слышно промолвил китаец. — Я был у самолета. Они фотографируют... для карты...

— Ты был у самолета! — поразился Висковский. — Ты видел?..

— Я был... Я видел...

— Как ты посмел? — возмутился профессор. — Ли Чан, я не узнаю тебя!

Разгневанный профессор ушел в майхан. Висковский остался у костра записывать в дневник необычайную встречу. Он писал около двух часов, и уже рассветало, когда он вдруг оторвался от тетради, вспомнив про Телятникова. Отчего он так долго не возвращается? Продолжительное отсутствие кинооператора встревожило геолога. Он, сам себе не признаваясь, успел полюбить весельчака. Висковский положил дневник и поднялся на бугор. Два летчика со свертками в руках шли к нему навстречу.

— Где кинооператор? — с тяжелым предчувствием, едва не закричав, спросил Висковский. — Почему он не с вами? Где девушка?

— Он... видите ли... — подходя вплотную, сказал Крюгер, — он пожелал остаться...

— Где Телятников? — крикнул геолог.

Но в ту же минуту летчик ударом кулака сбил его с ног. Схватив за руки, он навалился на него всем телом. Бортмеханик завязал ему рот платком и, вытянув из-за пазухи веревки, скрутил геологу руки за спину. Огромный Крюгер, не выпуская Висковского, шепотом командовал:

— Ноги... Держи ноги.

Новый удар по голове, и Висковский потерял сознание.

В забытьи он услышал, как мимо проехал автомобиль. Неизвестно, сколько времени прошло с момента нападения. Когда же Висковский открыл глаза и перевернулся на спину, высоко в солнечном небе к востоку летел сверкающий «юнкерс».

Не задерживая внимания читателя на первом приключении экспедиции Висковского и Джамбона, мы сразу расскажем, как Ли Чан освободил профессора, потом геолога и Телятникова.

Оглушив и связав геолога, летчики, подкравшись к палатке, накинулись на спящего ученого и, угрожая револьвером прибежавшему на помощь Ли Чану, связали обоих и уехали на «бьюике» к самолету.

Джамбон, лежа на опрокинутом майхане, стонал, наблюдая, как Ли Чан, переворачиваясь с боку на бок, силится развязать руки. Но это ему не удавалось, и китаец оставил тщетные и безнадежные попытки. Вставало солнце. Ли Чан затих. Джамбону показалась подозрительной тишина; напрягая силы, он чуть приподнялся и увидел китайца уже в другом месте — он переполз к пеплу костра. Ли Чан сидел, откинувшись назад; он широко раскрыл глаза и закусил губы. Лицо его сильно побледнело, напряглись скулы и подергивался подбородок.

Прошло немного времени, и растянувшийся на полотне Джамбон ощутил на своем лице чье-то прикосновение. Ли Чан стаскивал с его губ платок, затем развязал руки и ноги.

— Каким чудом ты сумел скинуть путы, Ли Чан? Кому мы обязаны...

Китаец, печально улыбаясь, показал Джамбону обожженные руки с обрывками перегоревших веревок.

Ли Чан с Джамбоном нашли и освободили Висковского, и трое измученных людей отправились отыскивать кинооператора. Им очень быстро удалось обнаружить Телятникова: он лежал возле пустого «бьюика», среди разбросанных жестяных банок.

Но где Граня? Висковский первый заметил отсутствие сестры кинооператора. Связанный Телятников с платком на губах яростно замычал при виде Джамбона и геолога. Он попытался приподняться, но тотчас лишился чувств. Пятно засохшей крови покрывало его лицо. Опустившийся на колени Ли Чан показал Джамбону рану на голове

оператора. Очевидно, его ударили тупым предметом или рукояткой револьвера. Полчаса ушло на то, чтобы привести Телятникова в сознание. Придя в себя, Андрей оглянулся и мучительно простонал.

— Где ваша сестра? — вскричал Висковский. — Что здесь произошло? Грания... где она?

Лицо Телятникова стало неузнаваемым. Слезы ярости потекли из глаз, и он протянул руку к небу.

— Они оглушили меня, — задыхаясь, сказал он, — я ничего не видел... Они похитили ее...

— Разбойники! — вскричал профессор, вздымая руки.

Он вытянулся на носках, точно намереваясь кого-то схватить, и затрясся от негодования.

— Подлые пираты пустыни! — едва не рыдая, воскликнул он. — Похитить юную, беззащитную девушку! О-о-о, нет такой кары...

— «Геноссен», вероятно, фашисты, — глухо произнес Телятников. — Это фашистские трюки.

— Фашисты? — переспросил Джамбон. — Скажите, Висковский, это те субъекты, про которых вы мне рассказывали? Но ведь они хунхузы?

— Профессор, — горестно усмехнулся Телятников, — вероятно, первый раз в жизни вы делаете запоздалое открытие.

— Надо признаться, — рассматривая свои руки со следами веревок, сказал Джамбон, — на старости лет мне довольно тяжело дается курс политических наук.

* * *

Спеша закончить первый эпизод, мы опускаем многие подробности этого дня, переживания и разговоры путешественников, очутившихся в отчаянном положении. Пилоты забрали весь бензин, и взамен горючего на песке валялись тюки ненужного хлама. Летчики бросили и свои парашюты. В «бьюике» остались ящики с продовольст-

вием, но состояние людей, застрявших в глубине пустыни, не могло считаться благополучным.

Приведем короткую запись из походного дневника Висковского, которую он сделал в этот день:

«Положение отчаянное. Мне даже не хочется думать о том, что мы остались без воды и лишены возможности продолжать путь или вернуться обратно. Наша маленькая экспедиция обречена на гибель, если не случится какого-либо чуда. Однако нужно идти вперед. Пешком, но вперед, вперед! Алмасские горы близко. Возможно, там есть вода, и мы получим возможность... Но Граня, Граня!.. Бедная девушка! С какими целями увезли ее воздушные бандиты? Как нам спасти ее? Я сейчас ничего не соображаю... Как я был суров с ней, и как я сейчас в этом раскаиваюсь! Виноват этот экспансивный Телятников. Зачем он поехал за нами? Но время ли сейчас осуждать его? Бедняга, тяжело переживает несчастье. Надо поддержать его... Нет, лучше не писать. Я чувствую, что теряю последнюю выдержку...»

В «додже» Телятникова, откуда пилоты также забрали почти весь запас, сохранилось еще полбака горючего, и путешественникам приходилось решать неразрешимое: как спастись. В полдень, несколько остыв от гнева и возмущения, занявшись остатками вчерашней антилопы, друзья не заметили, как Ли Чан с забинтованными руками взял свое ружье и отправился на охоту. Но он немедленно явился из-за бархана и громко объявил:

— Горы! Пятьдесят километров — горы!

Джамбон порывисто обнял Висковского:

— Горы! Наши горы!

— Пятьдесят километров?..

— В таком случае, едем, — подхватил Телятников. — У гор, наверно, есть вода и звери. Полбака нам вполне хватит.

С горестью друзья покинули «бьюик», Ли Чан перегрузил на «додж» продовольствие и захватил оставленные немецкими пилотами мешки. Экспедиция тронулась в путь.

Алмасские горы черными скалами поднимались к облакам. Переваливая через бугры, к закату солнца «додж», не доехав ста метров до пропасти, сжег весь бензин, и пут-

ники, стараясь не глядеть друг на друга, сошли с машины и уселись на камнях.

Ли Чан, против обыкновения, не притронулся к ящикам; он не стал разводить костра и не снимал с машины майхана. Китаец, не выходя из-за руля, выпрямившись, сидел в автомобиле и не отрываясь глядел на горы. Очнувшись от раздумья, Висковский посмотрел в ту сторону, куда глядел Ли Чан, и невольно закрыл глаза. Он не верил, он боялся, что сейчас мираж растает в воздухе. Легкая рука профессора легла на его плечо, и проникновенным, тихим голосом, словно сдерживая рыдание, Джамбон спросил:

— Отчего, отчего вы молчите, мой молодой друг Висковский? Вы же видите... Видите дым на горе... Висковский, там горят костры...

Раскрыв глаза, Висковский вновь убедился: из ущелий Алмасских гор к гаснувшему небу тянулся дым.

НА ДНЕ ПРОПАСТИ

Мы оставили четырех друзей у пропасти легендарных Алмасских гор, где при свете последних лучей закатного солнца они увидели дым загадочных костров. Джамбон крепко обнял Висковского и, как ребенок прижимаясь своей седой головой к плечу молодого геолога, тяжело дыша от волнения, восторженно смотрел на мрачные скалы и тихо повторял:

— Горы... Наши горы!

Далекий, чуть слышный рокот потока доносился из глубины пропасти. Казалось, где-то мчался грохочущий поезд, и больше никаких звуков не раздавалось в тишине. Высоко в небе парили орлы, и легкий синий дым на глазах исчезал в наступающей темноте.

Мираж! Пустыня научила путешественников отличать видения природы от действительности. Висковский знал, что мираж обычно возникает в полдень, когда солнце в зе-

ните, а сейчас поздний вечер и скоро яркие отблески заката погаснут на острых вершинах. Пламенем зажглись пики скал и быстро потухли. В густой темноте скрылись горы, и Висковский очнулся, только когда увидел свою колышущуюся тень на песке. Ли Чан, первым заметивший дым в горах, уже успел разжечь костер из досок порожних ящиков. Профессор, расположившись на кошке, поджал под себя ноги и задумчиво раскачивался, держась за носки ботинок. Один лишь Телятников не понимал, чем так поражены профессор с геологом.

— В горах люди, — заключил он, — и очень кстати. Однако, если это племя из породы вчерашних «геноссен», я предпочел бы сейчас же открыть стрельбу, прежде чем они придут к нам справиться о бензине. Горючего у нас нет, что же касается законов гостеприимства, то я готов хоть сейчас их встретить приличным образом.

И, вспоминая пилотов, кинооператор подкинул на ладони револьвер.

Не слыша отклика на свои слова, он искренне возмутился:

— В чем дело? Да вы, никак, окаменели? По-моему, самое удивительное уже произошло. Отчего вы молчите? Правда, этот дым очень эффектен...

— О, Телятников! — вскинув руки, горячо воскликнул ученый. — Знаете ли вы, представляете ли, свидетелем какого исторического события являемся мы в этот момент? Можете ли вы вообразить, кто находится в этих горах... Обнимаем, мой юный друг, от всей души поздравляю вас! Вы первый кинооператор на нашей земле, который снимет неведомых людей!!!

— Русалка... — горестно прошептал Телятников. — Если бы я знал, что там я найду свою Русалку!

Джамбон, устыдившись своей горячности, обнял кинооператора и прижался щетинистой щекой к его голове:

— Милый юноша... поверьте, я разделяю вашу печаль. Это общее наше горе, но... но мы накануне мирового открытия!..

И Джамбон рассказал Андрею историю и легенды Алмасских гор. Потрясенный Телятников пришел в восторг. Он был вне себя от радости, но спустя немного времени, опять вспомнив о Гране, не выдержал раздирающей муки. Скрипнув зубами, он пошел в пески. Проходя мимо машины, он заметил Висковского. Молодой геолог, по обыкновению, писал дневник. У ног его лежали волчата — волчата Грани. Он задумчиво гладил зверят и не заметил кинооператора.

Опустив руки, медленным шагом Телятников побрел в темноту.

* * *

У самого края пропасти, при огне костра, Висковский в эту ночь исписал почти всю тетрадь:

«Уснули. Наконец я один! Джамбон удалился в свой «дворец пышности и чистоты», как он называет палатку. Успокоился немного и бедняга Телятников. Только сейчас узнав от профессора о цели нашего похода, он вне себя от радости принялся готовить, заряжать свой аппарат и научил Ли Чана, как подавать ему объективы во время съемки. Он развернул перед умиленным Джамбоном потрясающие картины сенсации, какую вызовет на экране появление фильма об алмасах. Пусть забавляется, бедняга... Я также счастлив — цель как будто достигнута, но тревожные мысли об исчезновении Грани все более и более отравляют радость.

Горят костры. Не верится, но горы обитаемы! В ущельях гор существует жизнь. По-прежнему, как меня предупреждал Джамбон, остается неразрешимым вопрос, как мы попадем к этим исполинским скалам. На пути бездонная пропасть. При первом взгляде на Алмасские горы любой геолог найдет подтверждение новой теории, доказывающей, что в Центральной Азии еще не закончился процесс горообразования. Очевидно, эта область подвержена час-

тым землетрясениям. Пропасть, над которой я сейчас пишу дневник, есть не более как титаническая трещина, возникшая в результате одного из таких катастрофических землетрясений. Пропасть не менее тысячи метров глубины. Скалы расщеплены, и по линиям гор здесь резче, чем где бы то ни было, видно, что надвиговые явления продолжаются. Вот где глазам геолога старой Европы дается величайшее наглядное пособие! Завтра мне предстоит сделать массу открытий. Огромное значение будет иметь хотя бы беглое, примитивное, описание гор. Край, куда мы так легко (!) проникли, в сущности географическое белое пятно. Ни на какой карте не обозначено, кому принадлежит эта большая пустынная территория между Монголией и Китаем.

Итак, до завтра. С рассветом мы двинемся на разведку, Вот где пригодится аппарат Телятникова. Чего бы не отдал каждый геолог, чтобы очутиться на моем месте... Но интересно, кто бы согласился остаться в пустыне без средств передвижения, в безвыходном положении, в каком нахожусь я с моими замечательными товарищами! Как мы будем возвращаться обратно? Охота, возможно, спасет от голода, но без бензина мы погибли. Впрочем, разумно ли сейчас терзаться мыслями о будущем, когда оживает мрачная легенда старины и в таинственных, диких горах вьется дым? Даже сейчас, при воспоминании того, что мы видели, холод пробегает по телу. Ли Чан и Джамбон смотрели на горы, значит виденное мною не галлюцинация... Дым поднимался к небу, и теперь нельзя не верить: в горах жи...»

На полуслове обрывается дневник Висковского, и оставшиеся в тетради страницы ничем не заполнены.

Кто же помешал геологу завершить описание прошедшего дня, вследствие чего мы лишаемся в дальнейшем возможности цитировать документы путешествия?

Но прежде мы последуем за несчастным Телятниковым. Мучительно страдая, ничего не видя перед собой, он идет по пескам, и далеко позади остался чуть заметный огонек костра. И вдруг он остановился. Тихие звуки одно-

тонной песни слышались впереди. Не веря себе, он согнулся, дрожь пробежала по его телу, и механически он сделал несколько шагов.

Тусклый свет луны проскользнул по барханам. Песок как будто зашевелился. И вот рядом, за бугром, снова слышалась песня. Тонкий женский голос... Телятников ускорил шаг — теперь не могло быть сомнения, женский голос звучал близко, и кинооператор, не отдавая себе отчета, побежал. Все ближе и ближе звучала странная песня. Одним махом взлетев на бугор, Телятников замер. Перед ним стояла хрупкая китайка.

Тучи разошлись, и при свете луны в двух шагах от себя он увидел китайскую девушку. Нисколько не смутившись от появления Телятникова, точно она его ждала, китайка, не переставая петь, не двигаясь с места, улыбнулась. Как зачарованный, кинооператор подошел к девушке и взял ее за руку.

— Кто ты? — изумленно спросил он.

В одно мгновение лицо китайки преобразилось. Изогнувшись, она отскочила в сторону. В воздухе взвился легкий канат, и опутанный с головы до ног Телятников не успел раскрыть рта, как она сильным рывком свалила его на песок.

...По рассказу самого Висковского мы продолжим хронику экспедиции и с его слов передадим все, что произошло после того, как дневник с оборванной фразой упал на песок,

«Увлечшись записями, захваченный переживаниями дня, — сообщает геолог, — я ничего не слышал вокруг себя. Давно уснули мои товарищи, никто не мешал моим занятиям. Как вдруг возле автомобиля, находившегося в каких-нибудь десяти метрах, внезапно что-то упало, точно с машины свалился тяжелый мешок. Я хотел вскочить, но уже было поздно: длинное и широкое темное покрывало упало на мою голову, чьи-то руки опутали меня толстой веревкой, — в секунду я превратился в мумию, однако ноги оставались свободными. Сильным рывком меня поставили на ноги и, толкнув в спину, заставили идти. И я пошел с

завязанной головой, не видя дороги, не зная, куда меня ведут. Руки стиснуты по бокам. Я часто спотыкался, теряя равновесие, но в ту же минуту меня поддерживали и, держа за конец веревки, опять заставляли идти быстрым шагом. Спустя некоторое время я почувствовал, как пески исчезли, из-под ног потянуло сырой прохладой. Толчком в грудь мне безмолвно приказали лечь на спину, и я съехал вниз, ударяясь головой об острые мелкие камни. Спуск на спине продолжался с четверть часа; я слышал, как рядом со мной ползли люди и под ними осыпались камни. Не менее двадцати человек сопровождали меня. Я слышал их шепот и прерывистое дыхание. Наконец ноги уперлись во что-то твердое, я встал и пошел, как конь на поводу. В одном месте я нерешительно остановился; мягкая почва закачалась, я едва не упал, но сразу же понял, что иду по плетенному из веревок мосту. Зыбкий мост качался, внизу шумела вода. Снова спуск, и мы пошли по вырубленным в камне ступеням, потом левым плечом я ощутил шершавую каменную стену. Необъяснимое внутреннее чувство самосохранения заставляло меня без всякого предупреждения идти, прижимаясь к камню. Я как будто знал, что справа — пропасть.

Около часу я плелся на поводу. Еще толчок — и я падаю на холодную, твердую землю. Под приглушенный говор меня привязали к чьей-то горячей спине. Шум шагов, люди уходят, с моей головы стаскивают покрывало, и, оцепенев, я вижу себя на дне пропасти.

Черные отвесные скалы врезаются в светлеющее небо. В горной теснине нет никого, кроме привязанных спинами друг к другу Джамбона и Ли Чана. По хрипу за моей спиной узнаю, что сам я связан с Телятниковым. Кинооператор лежал молча, не двигая ни одним мускулом.

Ясно помню: первое, что бросилось мне в глаза, был клочок свежей травы. Я с изумлением смотрел на пробивающуюся из-под камней зелень. Голубой свет в тумане утра заполнил узкое ущелье, и на вершинах засветилось лиловое солнце. Невиданная красота рассвета на миг заставила забыть о случившемся. Неожиданность нападения,

вероятно, настолько ошеломила нас, что мы словно онемели.

— Барабан прозвучал, — сказал профессор, и я с дрожью подумал, не сошел ли он с ума.

— Какой барабан? — крикнул я, стараясь разглядеть его лицо. — Что вы слышите?

— Утро, — вздохнул профессор. — Горы напоминают мне башни древних китайских городов. Со сторожевых башен барабанным боем оповещали население о наступлении дня и ночи.

Шаги. Медленные, неторопливые шаги. Из-за огромного валуна появились два китайца с винтовками в руках. Седоусый старик, раскачиваясь из стороны в сторону, держал винтовку наперевес. Его синяя ватная куртка была крестнакрест перевита лентами патронов. В широких шароварах, перехваченных белым полотняным поясом, он чем-то напоминал запорожцев. В двух шагах позади него шагал юноша в распахнутой кожаной тужурке, обутый в высокие желтые шнурованные сапоги.

Два китайца уселись на корточки и уставились на нас в упор с ярко выраженной во взгляде ненавистью. Не произнося ни слова, они положили на землю винтовки, вынули длинные трубки и, не спуская с нас глаз, набили их табаком. Второй китаец, молодой парень, высек огниво, подал его старику, но тот не принял огня. Он бросил трубку и схватил винтовку. Приставив дуло к моей груди, напирая на меня всей своей тяжестью, он разразился злобным проклятием» *.

Навсегда Висковский запомнил его пронзительный, неистовый голос. Старик, осыпая пленников яростной руганью, грозил каждую секунду выстрелить, и Ли Чан отчаянно закричал:

— Послушай нас, узнай, кто мы!

— Молчи, продажный раб! — взмахнул винтовкой старик. — Нам хорошо известно, зачем вы, как волки, шны-

* Разговор, происходивший в ущелье, переводили Ли Чан и Джамбон.

ряете по пустыне и, как змеи, ползете к горам. Смерть вам, ничтожные, трусливые негодяи!

— Старик, перед тобой ученые люди! — прокричал Ли Чан. — Они изучают камни и землю.

— Разбойники! — гневно воскликнул профессор. — Мы мирные путешественники, слуги науки! Возьмите в автомобиле сумку, в ней все мои деньги. Берите их — это все, что вам нужно...

— Не сомневайся, — усмехнулся старик. — Деньги мы возьмем, но вам не откупиться. Деньги! — вскипая злобой, подскочил он на месте и рванул куртку, ударяя себя кулаком по голой груди. — Проклятые ваши деньги! Из-за денег вы стреляете в нас пушками, стреляете из огненных повозок, преследуете на железных автомобилях и летаете на аэропланах. Деньги! Двадцать тысяч долларов вы назначили за седую голову Лю Ин-сина. Но прежде он двумя пулями уничтожит четырех собак. Деньги! Как звери, с сыновьями и женщинами, нашими женами, живем мы в ущельях. Но, но... — злорадно закончил китаец, — напрасно рыщете вокруг! Никогда вы не узнаете ход в наши горы. Смотрите, глядите на них в последний раз.

— Клянусь памятью отца моего, слушай меня, Ли Чана слушай, почтенный! Это ученые люди. Двое — из СССР. Русские молодые ученые!.. Висковский, Телятников, — спросил Ли Чан, — у вас есть в автомобиле документы, паспорта?

— Безусловно есть, — откликнулся Телятников и, верный себе при самых невероятных обстоятельствах, добавил: — Переведи им, пожалуйста, Ли Чан: если сюда без пропуска вход воспрещен, я готов хоть сейчас покинуть это место...

— Девять дней назад, — с неостывающей злобой перебил старик, — мы захватили два автомобиля с русскими и японцами. Деньги объединяют вас — японцев, немцев и русских. Они гнались за нами с пулеметом. Нанятые немецкие офицеры летают над нами и бросают бомбы. Но нет силы, которая могла бы нас уничтожить. Мы истребим всех врагов! Пусть ваши души отнесут им мои слова.

Старик, назвавшийся Лю Ин-сином, щелкнул затвором и приказал молодому китайцу:

— Прислони их к скале. Две пули на четырех.

Старик прицелился в геолога, но задержался.

— Не стреляй, остановись! — раздалось несколько голосов, и со скалы посыпались люди с походными сумками из автомобиля путешественников.

У одного из них Висковский заметил в руках свой заграничный паспорт. Блеснул золотой герб. Запыхавшийся человек сунул паспорт Лю Ин-сину, и старик, перекинув винтовку через плечо, выслушал обступивших его китайцев. Он осмотрел вещи. Ему подали второй паспорт в красном переплете. Лю Ин-син повернулся к пленникам и горестно промолвил:

— В остаток дней моей жизни я бы никогда не простил себе величайшего из грехов!

С этими словами он пошел к Висковскому, острым криком ножом перерезал веревки. Молодой китаец освободил Джамбона с Ли Чаном.

Склонившись до земли, сложив на груди ладони, Лю Ин-син тихо промолвил;

— Братья... Простите негодного старика...

В УЩЕЛЬЕ АЛМАССКИХ ГОР

В ту ночь, когда Висковский в Ленинграде, на набережной Невы, передавал нам свой необычайный рассказ, он взял с нас слово, что при опубликовании хроники путешествия в очерках будет пропущен ряд моментов, которые невольно могут причинить вред отряду китайских партизан, нашедших убежище в тайниках Желтой пустыни.

Седоусый предводитель взобрался на высокий камень — осколок разбитой скалы, поднял руку и в наступившей тишине произнес следующую взволнованную, торжественную речь:

— Братья, смелые воины, и жены, матери наших детей! Солнце наступающего дня приносит нам счастье, ибо вы видите перед собой людей из Страны Отрады, которой мы провозглашаем «тысячу лет»!

— Тысячу лет! — взбрасывая над головами винтовки, сверкнув саблями, подхватили партизаны. — Да здравствует Советский Союз!

— Преследуют нас, травят, морят голодом империалисты, но по горам и рекам с победными боями идут красные войска советского Китая. Мы помогаем нашим братьям. Врагам никогда не узнать прохода в нашу крепость, мы неуловимы и доживем до радостного дня встречи с могучей красной армией. Она, как сокрушительный поток, движется из Цзянси; девятью провинциями владеет красная армия, и сейчас наше знамя поднято над цветущими землями Гуйчжоу, Сычуани, Сикана и Ганьсу. Советскому Китаю тысячи лет!

Со скалы с приветом и речами выступило еще несколько человек. От лица путешественников отвечал Висковский. К его изумлению, на камень вскарабкался Джамбон и, вытянув трость, попросил слова.

— Люди гор! — растроганно начал профессор. — Позвольте мне называть вас братьями — тем именем, каким почтили вы меня и которого я недостоин. Пятнадцать столетий прошло с тех пор, как перестала существовать династия Цинь, по имени которой ваша родина, воспетая поэтами — «Земля цветов», «Страна земледелия и вежливости», — названа Китаем. Разбирая документы полутора тысяч лет, ученый знает, какие страдания во все века переносил народ под игом императоров, мандаринов, феодалов, ростовщиков.

Братья партизаны, вы боретесь против вековых угнетателей. Я верю: вы завершите историю счастливой победы, и слава ваших воинов затмит блеск памяти Чингисхана.

Родина моя, Монголия, с помощью народов СССР, стала свободным государством. Но я... я лично был всегда далек от политики, не боролся и не страдал. В эти минуты я уз-

нал больше, чем за всю жизнь, и хотя немного шагов осталось мне до берега реки забвения, всю свою жизнь я готов отдать вам и подобным вам!

Партизаны с почетом повели гостей в Долину Горного Потока. В шуме бурного водопада девушки на углях жарили мясо, и в огромных чанах кипело варево. Издалека доносилось конское ржание.

— Почтенный Лю Ин-син, — сказал Джамбон, — мы счастливы праздновать радостный день нашей встречи, но сейчас я должен рассказать тебе о великом горе, постигшем нас в пути.

Старый китаец молча выслушал подробный рассказ профессора о случившемся. Вместо ответа Лю Ин-син взял Джамбона под руку, сделал знак, чтобы и остальные путешественники следовали за ним. Лю Ин-син провел их на вершину скалы и, отдав приказание своему сыну, протянул руку по направлению к пустыне.

Молодой китаец, сын вождя партизан, усевшись на корточки, установил барабан и, по взмаху руки отца, забил отрывистую дробь.

— Смотрите, — сказал Лю Ин-син, — пустыня живет!

Как только сын старика перестал бить в барабан, вдали раздалась точно такая же сигнальная дробь. Эхо прозвучало в горах.

Солнце склонилось к закату. Сумерки заволокли горы.

— Пустыня живет! — гордо и торжественно повторил Лю Ин-син. — Смотрите, всюду есть наши люди.

В наступившей темноте далеко в пустыне сверкнул огонь. Когда огонь потух, Лю Ин-син убежденно сказал:

— В самом скором времени мы получим известие о вашей девушке... Я не могу открыть вам наши тайны, но сейчас, когда мы стоим с вами на этой скале, огненные сигналы перелетают пустыню. Через час наши люди в первом городе на краю пустыни все разузнают. Первый гонец, который прискачет в ущелье, привезет нам вести. О, мы сильны, мы сильнее, чем думают и знают о нас наши враги — японцы. Каждая песчинка в пустыне живет!..

С этими словами Лю Ин-син стал спускаться со скалы. Внизу пламенели костры, и в плясках кружились молодые китайцы. Джамбон перевел друзьям то, что сказал ему старик.

Обрадованный Телятников тотчас вспомнил о своем аппарате.

— Ли Чан, — спохватился он, — кто будет пировать, а кто и работать! Попроси товарищей доставить аппарат и мешки с кассетами. С этой минуты ты можешь считать себя на службе Союзкинохроники.

Ли Чан перевел просьбу кинооператора. Оказалось, что на рассвете партизаны перенесли весь груз из автомобиля в ущелье. Телятников кинулся к своим мешкам, вытащил кассеты и в ужасе опустил на землю.

— Ли Чан, — скрипнув зубами, простонал кинооператор, — они раскрыли кассеты!.. Пленка засвечена. Скорей, скорей, пусть принесут аппарат! Он заряжен... Хотя что-нибудь...

Ли Чан перекинулся с партизанами парой фраз и смущенно пожал плечами:

— Они говорят... Они думали, что это новый пулемет, и... открыли аппарат.

— Засвечена... вся пленка засвечена! — схватился за голову Телятников.

Джамбон между тем, усевшись на цыновке и придвинувшись вплотную к Лю Ин-сину, настойчивым шепотом допытывался:

— Слыхали ли вы про алмасов? Скажите, не встречали ли в горах какие-либо замечательные надгробья, изваяния, начертания или следы неведомых людей?

— Позовите Хэ Мо-чана, — вместо ответа распорядился предводитель партизан, — пусть он придет ко мне.

Два человека, посланные Лю Ин-сином, привели дряхлого старика. Седая коса, завитая в пучок, украшала его голову, с плеч свисало теплое одеяло, и на ногах топорились сапоги из волчьего меха.

— Хэ Мо-чан, — громко сказал предводитель, указывая на Джамбона, — большой человек перед тобой. Когда придет

час, я позову тебя, и ты проведешь этого человека в Долину Смерти и Пещеру Снов.

Старик склонил набок голову, длинным, изогнутым ногтем мизинца поцарапал в ухе и, еле шевеля губами, покорно произнес:

— Син (ладно). Повинуюсь.

СЕМЬ ДНЕЙ

В ущелье угасли костры. Ли Чан, как это было в прежние дни, установил майхан; профессор и Висковский улеглись спать. Один лишь Телятников остался сидеть на камнях. Убедившись, что все уснули, он осмотрелся по сторонам, заглянул в палатку и, облегченно вздохнув, решительно зашагал по ущелью.

— Они где-нибудь близко, — бормотал он про себя. — Чудесная девушка, я ее найду.

Карабкаясь по камням, перелезая через высокие валуны, Телятников шел вперед, как будто ему давно была известна дорога. Временами на пути ему попадались сторожевые партизаны. Они приветливо махали ему руками, беспрепятственно пропускали и удивленно глядели ему вслед.

В каменных пещерах спали люди, у очагов женщины укачивали детей, и Телятников, извиняясь и прижимая руки к груди, знаками расспрашивал их, очевидно надеясь, что его поймут.

— Молодая девушка, — показывал он, — она еще так ловко, как ковбой, орудует канатом. Где она? Где она живет?

Китайки не понимали его и участливо качали головами.

После часа розысков наш кинооператор, потеряв надежду найти девушку, хотел уже было вернуться обратно, как вдруг услышал шум за перевалом. Минута — и он увидел широкую долину. Множество девушек на конях скакали по озаренной луной долине. Изогнувшись, прижав го-

ловы к гривам коней, они с пиками скакали по кругу. Посреди круга, следя за ними, гарцевала вчерашняя китаянка.

Она сделала знак — и вот все всадницы взметнули копья. Деревянный щит стоял прислоненный к камню. Всадницы выхватили из-за спины лук и стрелы. Знак — и тучи стрел, пронесаясь по воздуху, впились в щит.

— Браво! — не вытерпев, восторженно забил в ладоши Телятников, — Браво, амазонки!

Мгновенно в долине наступила тишина. Девушки сбились толпой. Молодая китаянка, командовавшая этим удивительным отрядом, изумленно подняла голову и увидела кинооператора. Шутя она погрозила ему плетью. Но разве это могло остановить пылкого Телятникова! Он мигом скатился вниз, подбежал к ней и схватил за стремяна. Со смехом и испуганными криками ускакали девушки.

Китаянка была заметно раздосадована. Она что-то сказала кинооператору, но он ее не понял. Тогда она, тронув коня, взмахнула лассо. И опять, как вчера, Телятников, связанный, рухнул на землю.

— Оставьте, — взмолился он, — оставьте ваши трюки... Нельзя же повторяться.

Жалобный тон, с каким Телятников промолвил эти слова, по-видимому, тронул девушку. Проворно соскочив с коня, она подбежала к пленнику, развязала петлю и усадила рядом с собой.

— Спасибо, — поблагодарил Телятников. — Как тебя зовут? — осведомился он. — Я хочу знать твое имя, чудесная девушка.

Улыбаясь, китаянка молчала.

— Меня, — указал на себя оператор, — зовут Андрей Телятников. — Андрей, — повторил он. — Андрюша... Меня — Андрюша.

— Ан... Ан... — с трудом повторила девушка.

— Андрей... Андрюша. А тебя?

И девушка поняла.

— Лю, — ответила она и, устыдившись, закрыла рукавом лицо.

— Великолечно! Вот мы и начинаем стовариваться. Хочешь, я увезу тебя в Ленинград, в Москву?

— Москау... Москау, — вздрогнув, вскочила на ноги китаянка. — Москау.

— Москва!.. Да, это наша столица.

— Москау, — мечтательно произнесла китаянка.

И так до зари они просидели на камнях. Нужно ли было им знать язык друг друга?

Восторженный Телятников говорил без умолку. На восходе солнца, взявшись за руки, они шли по горам, и только испуганный крик Джамбона заставил Телятникова побежать к палатке.

— Что бы это могло значить? — дергаясь от волнения и показывая Висковскому обрывок бумаги, едва не кричал Джамбон. — Слушайте, я прочту вам эту записку. Я нашел ее у изголовья. О, Ли Чан, как ты посмел!

С трясущимися губами профессор начал читать:

— «Дорогой мой господин и благодетель! Я на время покидаю вас. Умоляю, не пытайтесь узнавать, куда я скрылся. Где бы вы ни были, я к вам вернусь. Если вы уедете из Алмасских гор, я все равно скоро буду с вами. Тысяча лет благоденствия. Преданный вам ваш до забвения Ли Чан»... Куда он скрылся? — с горечью воскликнул Джамбон.

— Успокойся, ученый, — послышался голос позади. Все обернулись и увидели Лю Ин-сина.

— Он вернется. Он покинул тебя, но... так надо...

Не смея расспрашивать вождя партизан, Джамбон умолк.

Взошло солнце, и два человека, покинувшие горы, в этот момент были далеко в пустыне.

* * *

Ли Чан и сын вождя партизан Ван Дзе-лян на конях пересекали пески. Они ехали без припасов и воды. К вечеру Ван Дзе-лян, остановив коня, сложив руки, крикнул,

подражая реву барса. И ближний бугор зашевелился. Раступились и упали кусты саксаула. Человеческая голова вынырнула из песков.

— Нам дадут воду и свежих коней, — спокойно сказал Ван Дзе-лян. — Привет, друзья! — крикнул он. — Привет вам от старого Лю Ин-сина!

По целому ряду соображений нам не следует описывать путешествия двух китайцев — Ли Чана и сына вождя партизан.

«Пустыня живет», — вспомнил Ли Чан слова Лю Ин-сина, и он убедился, что всюду в тайниках песков существуют посты партизан. По зову Ван Дзе-ляна в песках и камнях, в зарослях саксаула, из-за курганов появлялись люди. Молодой китаец передавал им привет вожака горных воинов, и глаза людей пустыни загорались радостью. Они выносили им холодную воду, сушеное мясо и меняли коней. Каким образом они существовали в знойных песках, для Ли Чана осталось тайной. Он думал лишь о цели путешествия. Однажды, к концу четвертого дня пути, им повстречался стремительный всадник.

По обычаю степей и пустынь, встречный человек должен был остановиться, но этот всадник, не обратив внимания на наших путников, промчался мимо.

— Гонец, — объяснил Ван Дзе-лян. — Он скачет к Лю Ин-сину. Он в два раза быстрее нас совершит этот путь.

...На исходе шестого дня кончилась пустыня. На горизонте в тумане засквозили силуэты домов небольшого города.

Ван Дзе-лян соскочил с коня:

— Отсюда ночью мы пойдем пешком... Ночью нам принесут одежду, и мы станем неузнаваемы.

ЧТО ПРИВЕЗ ГОНЕЦ

Джамбон никак не мог привыкнуть к отсутствию Ли Чана. Он часто жаловался, как ребенок, растерянно оглядывался по сторонам, точно что-то забыв или потеряв, и

Висковский насколько мог старался рассеять грусть и печаль старого ученого.

Ночами Телятников осторожно покидал ущелье и только на заре возвращался к палатке.

На шестой день жизни в ущелье Алмасских гор наших друзей настигло потрясающее несчастье, перед которым все минувшие переживания — нападение фашистских пилотов и похищение Грани — показались им ничтожными.

Удары протяжного гонга раскатами эха пронеслись по ущелью. Со всех сторон сбежались партизаны, на скалу вышел Лю Ин-син. Рядом с ним стоял прискакавший гонец.

С почтительным поклоном гонец передал старику тяжелую кожаную сумку.

— Братя, слушайте вести, — провозгласил Лю Ин-син, вынимая из сумки пакеты и свертки бумаг. — Сейчас нам станет известным, что происходит в мире.

Из сумки выпало несколько газет на японском, китайском и английском языках. Подошедший вместе с Джамбоном Висковский поднял газеты и хотел передать их Лю Ин-сину, как вдруг ему показалось, что туман застилает ему глаза. Он покачнулся, приблизил газету к самым глазам и, ошеломленный, схватился за сердце:

— Профессор, смотрите, не сошел ли я с ума?

Джамбон взглянул на газету и вскрикнул. Подбежавший Телятников, не понимая, что случилось, тоже заглянул в газету и, побледнев, во все горло закричал:

— Русалка! Сестра! Граня!

На первой странице газеты был напечатан портрет Грани. В расшитом японском кимоно Граня улыбалась, и над портретом чернели огромные буквы заголовка:

«Она счастлива, что вырвалась от большевиков».

— «...что вырвалась от большевиков»... — прочел Висковский.

— Вы издеваетесь надо мной! — вскричал Телятников, вырывая из рук Висковского газету. — Этого не может быть! Но... но... кимоно... Она улыбается!..

Схватившись за голову, Телятников упал на колени. Он смотрел на портрет, переворачивал, теребил газету и скрежетал зубами, беспомощно обращаясь к Висковскому

— Газета выходит в трех изданиях, — сказал Джамбон. — Смотрите, всюду ее портреты и одна и та же заметка. — И Джамбон прочел: — «Вырвавшаяся из СССР молодая спортсменка Г. Телятникова переживает сейчас самые счастливые часы пребывания за пределами страны большевиков. Стоит взглянуть на портрет, чтобы понять ее искреннюю радость...»

— Довольно! — в ужасе перебил Телятников. — Я не вынесу!... Грания... неужели это она?

— Да, это ваша сестра, — гневно подтвердил Висковский. — Это она!

В отчаянии Телятников на мельчайшие куски разорвал газету и бессмысленно осмотрелся вокруг.

В суровом молчании стояли партизаны. Они не понимали, но чувствовали, что произошло несчастье.

Закрыв глаза, Телятников согнулся, точно под ударом, но потом, опомнившись, он с трудом поднялся на ноги и, не глядя на геолога, холодно спросил его:

— Я не расслышал: вы, кажется, что-то сказали?

— Я сказал, — ответил Висковский, — что это ваша сестра...

Телятников гордо вскинул голову:

— В таком случае, вы ошибаетесь: я не знаю ее! Подлая предательница не может быть моей сестрой!

* * *

— Горе, великое горе! — беспрерывно твердил в этот день Джамбон. — Сколько несчастий! Где мой Ли Чан?

Ночью Висковский пришел к твердому решению покинуть ущелье и сообщил об этом Джамбону.

— Но Ли Чан... — простонал ученый. — Как быть?..

— Остается верить ему, он ведь написал...

— Совершенно верно,— согласился Джамбон.— Я еще не имел случая разочароваться в верности моего Ли Чана. Да, да, мы поедем...

Глубокой ночью Висковский услышал голос Телятникова.

Невдалеке от палатки кинооператор с кем-то разговаривал.

— Лю, — говорил Телятников, — ты... ты никогда не будешь изменницей... Но она... она! Лю, я сойду с ума!..

Голос Телятникова оборвался, и геолог услышал тяжелые рыдания.

...На следующий день осунувшиеся, истосковавшие путешественники, сообщив Лю Ин-сину о своих намерениях, стали собираться в дорогу.

— Почтеннейший Лю Ин-син, — отведя вождя партизан в сторону, робко сказал Джамбон, — вспомни, я просил тебя разыскать мне таинственных...

— То, что обещал Лю Ин-син, нерушимо, как камни гор... Позовите Хэ Мо-чана, — ударив в ладоши, сказал старик.

Немедленно на его зов явился древний Хэ Мо-чан, которого ученый видел в первый день прибытия в ущелье.

— Хэ Мо-чан, — с необыкновенным уважением произнес Лю Ин-син, — ему сто сорок лет. Он дед наших дедов. Он знает все тайны гор, он провел нас в эти недоступные ущелья. Ему известны все тайны,— повторил Лю Ин-син и, возвысив голос, обратился к старику: — Хэ Мо-чан! Настал час, ты проведешь ученого в Долину Смерти и Пещеру Снов.

— Син. Повинуюсь, — сказал Хэ Мо-чан. Ноги его дрожали в мохнатых сапогах из волчьего меха.

Джамбон, казавшийся подростком в сравнении со стариком, взяв под руку «деда дедов», удалился с ним по тропе.

Два или три часа отсутствовал ученый. Вернувшись один, без Хэ Мо-чана, он прямо прошел к Висковскому.

— Не волнуйтесь, мой друг, — задышавшись, промолвил он, вынимая из внутреннего кармана пиджака хрупкий, точно

фарфоровый, свиток. — Поддержите меня, я теряю силы... Когда мы выберемся отсюда... Я дал клятву... Только тогда я смогу рассказать вам... Висковский, мой дорогой юный друг, в наших руках тайна алмасов...

* * *

В полдень Лю Ин-син приказал ударить в гонг. Опять собрался весь народ, и предводитель партизан объявил:

— Братья, прощайтесь. Высокие гости наши, увы, не могут более оставаться в ущелье. Завтра мы выступаем в поход. Пора снаряжаться, и сейчас как раз время проводить их в путь. Не беспокойтесь, — сообщил он Висковскому, — машина, на которой вы счастливо прибыли к нам, приготовлена. Два автомобиля японцев, подбитых нами, были нагружены большим запасом бензина. Все в вашем распоряжении, все перенесено в вашу машину. Бочки наполнены водой.

Под грохот барабанов, как на параде, выстроились партизаны, и четверо друзей попрощались с обитателями Алмасских гор.

— Я должен просить прощенья, — застенчиво, но твердо сказал Лю Ин-син, — глубокие обстоятельства вынуждают... Придется завязать вам глаза...

Туго завязан черный платок, и снова, как ночью, под ногами колышется плетеный мост. Висковский поднимается по веревочной лестнице, ползет по обрыву. Постепенно затихает шум потока, легкий ветер повеял в лицо. Песок.

— Я не беру с вас слова, — пожал ему руку Лю Ин-син, — вы откроете глаза через полчаса. Прощайте... Вы скоро услышите о нас.

Когда Висковский снял повязку, никого из партизан уже не было и в сыпучих песках потонули, пропали следы.

— В путь, в путь, — заторопил Джамбон, — домой! У меня большая работа. Дни и ночи отныне я стану расшифровывать древние рукописи. Бедные наши друзья, — скон-

фузился профессор, перехватив взгляд Висковского, — как тяжело расставаться с ними!..

— Следовало бы чем-нибудь отблагодарить товарищей, — предложил Телятников. — Съемку сорвали, но они отличные ребята! Оставим им эти мешки, — указал он на имущество немецких пилотов.

— Превосходно! — согласился Висковский. — Парашюты очень кстати. Материя пригодится партизанам, но хотелось бы более существенное.

— На старт! — самому себе скомандовал кинооператор. — Как говорят капитаны, полный вперед!

Телятников дал три протяжных гудка в честь братской встречи, и «додж» тронулся.

В МАНЬЧЖУРСКОМ ГОРОДЕ Н.

У самой границы пустыни расположен город Н. Низкое каменное белое здание станции находится в километре от города. Пыльная степь, базар, и за ним одноэтажные деревянные строения, окруженные заборами лавчонки с шестами, украшенными лентами, мастерские, в которых чинят велосипеды и граммофоны. Пестрая афиша единственного кино, вывеска с намалеванной танцующей парой и звуки радиолы зовут в местный дансинг. Китайские нищие в рубищах бродят вокруг, поднимая пыль босыми ногами. Переулок публичных домов. И в конце городка — миниатюрная и пышная кумирня. И это все, что можно увидеть в городе Н. Его бы можно было назвать поселком, если бы вблизи не находились угольные копи, а рядом с ними — недавно построенные казармы. За хижинами и полуразрушенными фанзами простирается аэродром, куда опустился самолет пилота Крюгера.

В конце нашей истории читателю станет понятным, откуда мы узнали публикуемые подробности. Поэтому, не задерживаясь на объяснениях, мы объединим все известные нам факты и последовательно передадим, что случи-

лось в тот день, когда из прибывшего самолета вынесли связанную Граню.

Японский полковник встречал самолет. Крюгер, отдав рапорт, указал на девушку. Полковник с благодарностью пожал ему руку, и девушку на автомобиле отвезли в единственный в городе двухэтажный каменный дом вблизи вокзала.

Граня очутилась в темной комнате. Узкая тахта, маленький стол и табуреты стояли у стен. Девушку мучила жажда. Увидев графин и чашку, она напилась воды и через несколько минут уснула непробудным сном. Несомненно, в воду были прибавлены сонные капли. В тяжелом сне Граня не могла слышать, кто входил в комнату. Проснувшись, она заметила пробивающийся сквозь шторы солнечный свет, хотела встать, но... кто-то во время сна снял с нее платье. Ничего не сознавая, с болью в голове, припоминая события минувшего дня, Граня, натянув одеяло, поднялась и отдернула штору. Решетка на окне напомнила ей, где она находится. На табурете лежал сверток одежды. Это было цветистое, расшитое кимоно. Что оставалось делать Гране? Она решила, если понадобится, разбить двери, но во что бы то ни стало выйти отсюда. И она надела то, что ей попало под руку. Короткое кимоно забавно сидело на ней. Взглянув в зеркало, Граня изумленно улыбнулась, но в ту же секунду отчаянный гнев охватил ее. Толкнув дверь и убедившись, что она заперта, Граня стала бить по двери кулаками, затем схватила табуретку, разбила окно, но за окном была чугунная решетка...

Могла ли девушка знать, что в короткий миг, когда она надела кимоно, находившийся за стеной, специально дежуривший фотограф снял ее и случайную улыбку. Остальное дополнила ретушь. Так в газетах появилась фотография пленницы, советской девушки-спортсменки, с клеветнической заметкой.

Не прошло и пяти минут, как на поднятый Граней шум и грохот дверь растворилась, и в комнату вошла старуха в длинном шелестящем шелковом платье.

— Проснулись, голубушка? — приторно ласковым голосом, как ни в чем не бывало, на чистом русском языке спросила старуха. — О боже, какая вы красавица!

— Где я? — кинулась к женщине Граня. — Кто вы?

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогая, вам будет очень хорошо...

— Я прошу ответить!..

— С удовольствием представляюсь вам. Будемте знакомы. Я русская княгиня Анна Дмитриевна Крутицкая... Надеюсь, мы станем с вами друзьями.

— Княгиня?..

— Княгиня, — поклонилась старуха. — Как вас зовут, моя...

— Княгиня? — вскрикнула ошеломленная Граня. — Где же я? Что происходит?

— Милочка моя, я вам все разъясню. Вы в маньчжурском городе Н. Город находится под покровительством японского военного отряда... Они очень приветливы, и поверьте...

— Княгиня!.. Японцы... — все еще ничего не соображая, растирая виски, пыталась прийти в себя Граня. И, вдруг догадавшись, воскликнула: — Но вы... вы эмигрантка?!

— Эмигрантка, — опустив глаза, сказала Крутицкая. — Вам известно, в силу каких причин, милая моя...

— Не смейте так называть меня! — разъярилась Граня. — Я комсомолка, и никаких...

— О, что с вами? Повремените...

Но Граня уже не слушала ее. В каком-то беспамятстве она оттолкнула старуху и сломя голову кинулась по лестнице вниз. На крик княгини внизу выскочили военные, Среди них Граня узнала пилота Крюгера. Несколько человек в военной форме, обвитые портупеями, тотчас окружили ее.

Случись Гране на минуту раньше быть в зале, откуда они выбежали, она бы услышала разговор, который самым близким образом касался ее, брата и советских путешественников.

Пилот Крюгер заканчивал свое донесение.

— Превосходно! — заключил полковник. — Девушка вряд ли сможет дать нам какие-либо серьезные сведения. Но, во всяком случае, она нам расскажет о цели их экспедиции. Четверо остались в песках. Как вы говорите, у них нет горючего и воды. Если мы отправим самолеты, мы возьмем их голыми руками. Вы, господин Крюгер, проводите машины в пустыню.

— Я готов... Я могу точно указать местонахождение и координаты.

— А сейчас, — сказал полковник, — нам нужно заняться воспитанием этой комсомолки. Хорошо, если бы она написала письмо своим... Было бы гораздо легче...

— Господин полковник, — вставил один из офицеров, — если она действительно комсомолка, будет очень трудно...

— Ерунда! — перебил полковник. — Разве вы не знаете женщин? Наряды, тряпки, развлечения — и она будет наша.

Крик княгини прервал заседание штаба.

Попавшись в руки военным, Граня на секунду смирилась.

— Немедленно, — потребовала она, — верните меня к брату!

— Сколько пыли! — улыбнулся полковник. — Положительно, она восхитительна. Крюгер, вы были в плену у русских, вы же знаете русский язык, объяснитесь с этой чарующей...

— Барышня, — подыскивая слова, начал Крюгер, — я имею честь...

Голос Крюгера вывел Граню из себя:

— Негодяй! Это вы увезли меня?.. Я... я... убью вас!

И, схватив с перил лестницы вазу, Граня бросила ее в пилота. Крюгер вовремя присел, иначе бы он не остался в живых.

— Убрать! — вскричал полковник.

И адъютант, скрутив Гране руки, повел ее наверх и закрыл дверь.

Два дня Грания пролежала в комнате за решеткой. Она не подпускала к себе Крутицкую, отказывалась от еды и уже раздумывала о способе самоубийства,

Ночью в конце четвертого дня Грания услышала в темноте звук, как будто под дверью возилась мышь. Включив свет, она заметила под дверью просунувшийся клочок бумаги.

Записка! Грания быстро прочла десять строк, написанных кривыми печатными русскими буквами. Провокация или...

В записке она прочла следующее:

«Ради Вашего спасенья, ради Вашего брата действуйте так, как советуют Вам друзья. У Вас здесь есть друзья, и они спасут Вас. Сделайте вид, как будто вы образумились. Ничего не говорите с окружающими и не показывайте возмущения, иначе Вас отправят в тюрьму, откуда спасти Вас будет труднее. Да здравствует Москва! Записку уничтожьте.

Друзья».

Без конца Грания перечитывала записку и решила: «Если это провокация, какой риск?.. Я все равно буду молчать. Под пыткой я не произнесу ни одного слова...»

Когда наутро в комнату нерешительно вошла Крутицкая, Грания была спокойна.

— Распорядитесь принести мне еду.

Старуха необычайно обрадовалась:

— Голубушка, вы не представляете, какие радости ждут вас!..

В сопровождении Крутицкой Граню посетила портниха. На следующий день под охраной трех офицеров ее вывели на автомобиле на прогулку в степь. В комнате поставили «виктролу», а еще через день Крутицкая явилась с огромными картонками нарядов, Грания покорно и безразлично примеряла роскошные платья.

— Дорогая, — как бы невзначай, спросила ее бывшая княгиня, — может быть, вы хотите побеседовать с господи-

ном полковником? Он принимает такое участие... Клянусь, вы очаровали всех!

— Нет, — ответила Грания, — я подожду еще несколько дней.

— Приготовьтесь, на днях вам предстоит познакомиться с местным обществом, — сообщила Крутицкая. — Хотя они азиаты, тем не менее это в высшей степени культурные и галантные люди. Они так трогательно заботятся о нас...

— Что будет на днях?

— Бал и ваш выход в свет, — улыбнулась Крутицкая. — К вашей золотой головке чудесно пойдет голубое платье. Вы всех покорите.

Бессонную ночь и еще один мучительный день провела Грания. В самых смелых и фантастических мечтах могла ли она вообразить, что случится с ней грядущей ночью?

Вечером с помощью камеристки Крутицкая одевала Гранию. пышное голубое платье, бледные розы. Глядя на себя в зеркало, Грания, не узнавая себя, чувствовала, что она теряет силы.

«Что со мной? К чему этот маскарад?» — про себя рассуждала она, еле сдерживаясь, чтобы не отшвырнуть ползавшую вокруг нее с булавками во рту Крутицкую.

* * *

Оркестр играл штраусовский вальс. Грания вслед за Крутицкой медленно спускалась по лестнице в зал, где уже собралось множество военных. При ярком свете всюду сверкали золото, ордена, мундиры. Вдоль стен, как на сцене оперы, обмахиваясь веерами, сидели русские дамы-эмигрантки. Молодые японки в европейских платьях кружились по залу.

Задержав Гранию на ступеньке, Крутицкая, взяв ее под руку и отведя в сторону, к вазе с цветами, поставленной вместо разбитой, указала вниз:

— Милочка, на сегодняшнем балу вы встретите самое изысканное общество, какое можно было видеть только на придворных балах Санкт-Петербурга. Посмотрите: с краю сидит княгиня Заржицкая, первая красавица Петербурга. Однажды покойный государь...

Взглянув туда, куда ей указывала Крутицкая, Граня едва не расхохоталась. «Первой красавице Петербурга», желтой, седой, сморщенной старухе с острым подбородком, было не менее шестидесяти лет.

— У колонны, — продолжала Крутицкая, — вы видите примадонну императорских театров Несветинскую. Ее улыбка пленяла всю столицу...

И опять Граня еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Как ни тяжело было ей, но невозможно было без смеха смотреть на эту кунсткамеру сморщенных и сгорбленных, тощих фигур.

Наконец, спустившись вниз, Крутицкая представила Граню обществу. Последним к ней подошел Крюгер. Осторожно пилот предложил ей руку и был смущен, когда Граня приняла ее.

Стараясь ничем не выказывать своего отвращения, Граня молча ходила с Крюгером по залу и терпеливо слушала его сбивчивую речь. Нетрудно было заметить, что все окружающие, занятые разговорами или танцами, с любопытством следили за этой парой. Внезапно сквозь грохот музыки Граня отчетливо расслышала гул самолетов.

Крюгер, поклонившись, своим ломаным языком сказал:

— Завтра вы будете иметь колоссальное удовольствие видеть и обнять своя брат...

— Каким образом? — встрепелась Граня. — Самолеты летят...

— Нах пустыня... Вы догадывайсь правильно...

— За братом и...

— Все четвером будет здесь. Они вылетают на базу, через час я будет лететь и догонять их у гор, чтобы показать место... Разрешите вальс.

Лихорадочно раздумывая над словами Крюгера, Граня автоматически закружилась в вальсе,

И вдруг знакомая тень упала на стекло раскрытого окна. Граня покачнулась и, стиснув губы, сдержала крик.

В окне промелькнуло лицо Ли Чана.

— Вам плохо? — остановился Крюгер. — Разрешите пройти в парк.

— Да, да, на воздух... — сжимая его руки, попросила Граня.

Польщенный Крюгер, бросив на полковника многозначительный взгляд, что-то сказал ему на ходу и объяснил Гране:

— Чудесный, дивни парк! Я сказал, и никто не будет мешать наша прогулка вдвоем.

В темной аллее, важно шагая об руку с Граней, Крюгер рассуждал:

— Я понимаю, вы очень скучаете за родина. Я сам полный печаль оставил фатерланд и служу у японский воздушный флот. Будет время, я вернусь мой любимый...

Он не закончил фразы. Тени метнулись из-под кустов. Чьи-то сильные, цепкие руки сдавили его горло и закрыли рот. Граня отшатнулась, но в тот же миг увидела перед собой лицо... лицо Ли Чана.

— Молчите! — быстро предупредил ее китаец.

Спустя три минуты по степной дороге мчался автомобиль. Незнакомый человек сидел за рулем — и рядом с ним замирающая от радости и неизвестности Граня. Позади сидели Ли Чан и молодой китаец. Держа за руки Крюгера, они не сводили с него револьверов.

Холодным, бесстрастным голосом человек за рулем, не оборачиваясь, отрывисто говорил Крюгеру:

— Поймите, нам терять нечего. Если вы издадите малейший звук, в ту же секунду пристрелят вас. Повинуйтесь, и вам сохранят жизнь. Нет смысла быть пристреленным — ведь вы служите за деньги. Помните: если нас схватят, вы тотчас будете убиты. Нам нечего терять!

С полного хода автомобиль остановился у ворот аэродрома.

— Помните! — повторил человек у руля.

А Ли Чан и Ван Дзе-лян приставили к бокам Крюгера дула револьверов.

В темноте подошел часовой.

— Это я, пилот Крюгер, — сказал немец и назвал пароль.

Ворота раскрылись. Автомобиль помчался в конец аэродрома.

— Где ваш самолет?

— К полету все готово?

— Да, — прохрипел Крюгер, — все готово. Нет бортмеханика.

— Справимся.

И человек, управлявший автомобилем, выскочил из машины.

В темноте чернел самолет.

Под двумя револьверами, Крюгер занял свое место в пилотской кабине. Ли Чан передал Гране револьвер, и она села на место бортмеханика. Неизвестный завел пропеллер. В грохоте мотора Граня услышала:

— Да здравствует Москва!

Самолет понесся по полю. Автомобиль выехал за ворота и скрылся в облаках пыли.

Всходило солнце, когда Крюгер под угрозой трех револьверов поднялся за облака.

— Уберите, — попросил он Граню. — Пусть они уберут оружие. Если захотят, они меня будут убить... Спросите, куда лететь.

— В пустыню, к Алмасским горам, — приказал Ли Чан.

— Помните, — прокричала воодушевившаяся Граня, — помните, что вам сказали. Если вы предадите нас — мы погибнем, но прежде вы будете убиты. Вперед!

— Алмасские горы, я понимаю, — закивал Крюгер. — Я дорожу своя жизнь.

В лучах солнца нового дня самолет летел над пустыней. К удивлению Грани, Крюгер стал совершенно спокоен. «Уж не задумал ли он предательство?» — подумала она. Но Крюгер летел к Алмасским горам. Иная причина давала ему возможность быть спокойным за свою судьбу.

Итак, самолет — над пустыней, а в другом конце, среди песчаных барханов, двигался автомобиль с тремя советскими путешественниками.

«АЛМАС!.. АЛМАС!..»

Пустыня. Тишина. Нежная рябь на песчаных холмах и сияющее до боли в глазах яркое синее небо. Медленно двигался автомобиль, словно не решаясь расставаться с горами, и путники, скованные щемящим и томительным чувством, хранили молчание.

Тяжело вздыхая, ученый наконец перестал смотреть на скалы и обратился к геологу:

— Наступило время, друг мой, раскрыть вам тайну алмасов, поведать о том, что я видел в Долине Смерти и в Пещере Снов. Но прежде я приведу небольшую историческую справку. В одном из маньчжурских городов... Но вы не слушаете меня?..

— Остановитесь! — встревоженно приказал Висковский. — Мне кажется... летят самолеты!..

И действительно, три самолета, по виду бомбардировщики, появились с востока и через несколько минут закружили над автомобилем.

— Несомненно, за нами, — убежденно сказал Висковский. — Едем обратно! Посмотрим.

С самолетов заметили маневр «доджа», и тотчас все три бомбардировщика тоже повернули к горам.

— Ясно... Все понятно, — решил Висковский. — Продолжайте ехать. Старайтесь как можно дальше отъехать от гор. Я остаюсь.

— Один? Я не позволю,— запротестовал профессор, — покинуть одного! Никогда...

— Нет времени для споров, — повелительно прервал его геолог, — гоните сейчас же изо всех сил. Я должен остаться!

Джамбон, как огорченный ребенок, обиженно моргая глазами, по-детски раскрыл рот и уже не мог говорить. Он лишь умоляюще протягивал руки, надеясь задержать геолога.

— Бесценный друг, — бормотал он дрожащими губами, — сделайте милость, объясните, что вы задумали? Вы погубите себя!

— Я остаюсь, — легко отстраняя руки ученого, категорически повторил Висковский. — Успокойтесь и поезжайте, иначе вы погубите всех нас... Так нужно.

— Я догадываюсь, — вмешался в разговор нахмурившийся Телятников. — Если необходимо, оставайтесь. — Кинооператор вынул револьвер и добавил: — Будьте спокойны, в случае чего я от вашего имени...

— Спрячьтесь, немедленно спрячьтесь в машину! Постарайтесь лишь оттянуть время часа на два-три, больше ничего от вас не требуется. Никакой стрельбы.

— Но если «геноссен»...

— Тем более... Ни в коем случае.. Пусть делают с вами что хотят. Главное — оттяните время.

— Есть! Заговорим! Можете не сомневаться — вы же знаете мой замкнутый характер.

И автомобиль с недоумевающим, растерянным Джамбоном помчался вперед. Самолеты бреющим полетом понеслись вслед за «доджем». Висковский лег на горячий песок и лежал недвижимо до тех пор, пока окончательно не затих рев моторов, Внимательно прислушавшись, не возвращаются ли самолеты, Висковский убедился, что пилоты его не заметили, и только тогда он побежал к горам. Не более чем через час он был у пропасти.

Изнывая от усталости и жажды, геолог опустился на землю.

— Лю Ин-син! — сложив рупором ладони, закричал он, свесившись над пропастью. — Лю Ин-син! — Крик прозвучал слабо в пустынном пространстве, и Висковский потерял надежду, что его услышат.

Дым, еще недавно тянувшийся из ущелий, исчез. Геолог понял: партизаны заметили аэропланы и погасили огни. Тогда он принялся бросать в пропасть камни. Тяжелые камни, падая, точно таяли в воздухе, беззвучно пропадая в бездне.

«Очутившись в одиночестве, — рассказывает Висковский, вспоминая настоящий эпизод, — и не слыша ответа на свои крики, я чуть было не раскаялся в том, что покинул автомобиль. Один в песках! Один в таинственных, безлюдных песках пустыни, за пределами Монголии, в краю, который никому не принадлежит! Я был песчинкой на колоссальном географическом «белом пятне». «Что, если, — подумал я, — никто не откликнется? Сумею ли я добраться до нашей машины и спастись?» И я безостановочно бросал камни в пропасть...»

Рука наткнулась на теплые упругие мешки. Вскочив на ноги, Висковский сосредоточенно уставился на запакованные парашюты, и, не зная еще, что предпринять, обдумывая возникшую мысль, он почти бессознательно поднял второй мешок и отстегнул пряжки — на песок выпал спутанный ремнями твердый зеленый брезентовый ранец. Держа в руках предмет, похожий на автомобильную подушку, Висковский напряженно вспоминал. Он никогда не прыгал с парашютом. Он не успел. В прошлом году весной он посетил только один раз аэроклуб. В Ленинград приехал работавший два года на Колыме товарищ; три дня веселился с ним Висковский, разъезжая по дачам знакомых, пропустил два урока, и его перевели во вторую очередь. Затем экстренная экспедиция в Казахстан. С какой ненавистью сейчас он вспоминал граммофон в лесу, где они, хоча, танцевали, спотыкаясь о пни!

Что же объяснял инструктор? К чему этот ранец и пряжки? Закрыв глаза, Висковский представил лужайку, на которой собрались будущие парашютисты, и даже вспомнил

лицо инструктора. Застыв в напряжении, боясь шелохнуться, геолог механически вскинул ранец за спину и щелкнул карабинами, которые туго вошли в алюминиевые пряжки. Опиасанный диковинной упряжью, Висковский шагнул к обрыву. Он нерешительно посмотрел на большую квадратную рукоятку. Вытяжное кольцо? На секунду ему показалось невероятным, почему этот квадрат называют «кольцом». Но это несомненно вытяжное кольцо. Отойдя назад, Висковский, вцепившись в рукоятку, разбежался и прыгнул в пропасть,

«Я думал, — рассказывал нам геолог, — что разорвется сердце, так вдруг стеснило грудь; я задохнулся, в глазах перевернулись небо и скалы. Я падал, как подстреленная птица, и, сильно дернув рукоятку, не верил, что парашют раскроется. Может показаться бессмысленным, но в ушах у меня ясно прошипел граммофон, тот граммофон, что играл в лесу... Длинное полотнище выскользнуло из-за спины, и над головой распахнулся огромный купол. Рывок меня отбрасывает в сторону. Никогда в жизни я так не торжествовал, как в ту секунду. Когда натянулись стропы, мне показалось, что по ним в руки мои переливается необычайная, могучая сила...»

Плавно раскачивались черные скалы. Висковский быстро опустился в мрачную теснину. Отстегнув парашют, геолог оглянулся по сторонам. Под отвесной скалой, в диком, первобытном мире, закрывая небо, в темноте сбились острые валуны высотой в три человеческих роста.

— Лю Ин-син! — как и прежде, закричал Висковский и, не слыша ответа, пополз на четвереньках.

Ноги застревали в расщелинах, острые камни ранили, раздирая руки. Геолог упорно переползал через валуны, и вскоре скалы раздвинулись.

Перед Висковским раскрылась широкая, светлая долина. Обрадованный геолог сделал движение, намереваясь бежать, но остался в прежнем положении. Станный вид поразил его: кости, груды костей и человеческих черепов лежали на земле, а вдалеке долина, казалось, была покрыта глубоким снегом. Не зная, идти ли дальше или искать

другого пути, Висковский повернулся и невольно отпрянул назад. У подножия горы, в пещере, горела свеча. В следующую минуту из пещеры вышел сторбленный человек. Покрывало на плечах, серые мохнатые сапоги... И сразу Висковский узнал старика.

— Хэ Мо-чан!.. Где Лю Ин-син? — порывисто спросил геолог. — Проведи меня.

Вместо ответа Хэ Мо-чан приложил палец к губам и, указывая на пещеру, где горела свеча, приказал молчать. Но Висковскому некогда было раздумывать над словами старика. Надеясь кого-либо застать, помимо Хэ Мо-чана, он убежал в пещеру... и отпрянул назад.

На соломенной цыновке у плоского камня при свете восковой свечи, сторбившись, сидел необычайный человек. Обросший волосами, в мохнатых шкурах, он был похож на дикого зверя. Услышав шум шагов, он повернулся и в страхе очерил рот. В дрожащей его руке дергалась кисть, которой он до того что-то писал на распростертом по камню пергаменте. В ужасе страшный человек отбежал вглубь пещеры.

Крепкие, жилистые руки схватили Висковского и заставили выйти из пещеры.

Смертельно испуганный Хэ Мо-чан, глотая воздух, разводил руками и, задыхаясь, повторял:

— Алмас!.. Ам-моно... Алмас!..

С горы торопливо спускался Лю Ин-син.

ДВА ПЛЕННИКА

Оставим геолога в долине — судьба его больше не вызывает беспокойства — и поспешим в пустыню, к автомобилю, который, вопреки приказанию Висковского, вместо того чтобы развить предельную скорость, в самом непродолжительном времени замедлил ход, потом безнадежно остановился. Самолеты, снижаясь, пошли на посадку, и «додж», быстрый, проворный «додж» Телятникова, стоял

как вкопанный у песчаного бугра. В радиаторе вскипела вода.

Три самолета сели не далее чем в ста метрах от «доджа», и спустя пять минут Телятников оповестил Джамбона:

— Идут. Семь или восемь человек. Профессор, как быть? Что вы им сегодня предложите взамен чудесной антилопы?

Восемь одинаково одетых в комбинезоны спутников окружили автомобиль. Из среды прибывших на самолетах людей вперед вышел коренастый, низкого роста человек в военной куртке. Скуластое лицо японца вежливо улыбалось, и на превосходном русском языке, любезно раскланявшись, он поздоровался с нашими путешественниками. Он превосходно владел чужим ему языком, только немного запинался на букве «л», выговаривая ее почти как «р».

— Не станем представляться друг другу, я командир этого небольшого отряда. Очевидно, — сказал он, — вы догадываетесь о нашей цели.

— Нисколько, — столь же учтиво ответил Телятников. — Может быть, господин Крюгер прислал с вами одолженный им бензин?

Довольный собой, Телятников был рад случаю изумить летчиков дипломатическими способностями. Заговорив, он не мог удержаться, чтобы полностью не развернуть перед ними своего блестящего дара.

— Я восхищен, — продолжал он, припоминая читанные им интервью, — я потрясен искусством господина Крюгера, сумевшего улететь на простом бензине! Я заключаю, что он предпочитает старые конструкции или является изобретателем моторов, работающих на тяжелом топливе.

— О, вы как раз затронули центральную тему! Пилот воспользовался всем вашим запасом. Не будете ли вы столь любезными осведомить нас, откуда вы достали бензин в пустыне?

— Предусмотрительность, — нагло рассмеялся в лицо незнакомцу Телятников. — Я всегда имею обыкновение брать с собой лишние талоны, и у ближайшей колонки...

— Довольно, — перебил маленький командир. — Вы были у бандитов!

— Бандиты? — запальчиво бросил Джамбон. — Бандиты обычно нападают на мирных путешественников, обирают и оставляют на голодную смерть.

— Бандиты, — как бы не слыша слов Джамбона, повысил тон командир, — в течение года скрываются в горах. Нам это доподлинно известно. Вы были у них. Вы нам составите услугу и укажете ход!

— О чем речь? — с нескрываемым притворством переспросил кинооператор. — Мы совершали прогулку по пустыне и никого, кроме Крюгера и животных, не встречали.

— Партизаны! Нас интересуют партизаны!

Джамбон, не давая Телятникову ответить, шагнул к командиру и высокомерно-резко заявил:

— Я был... я был у партизан. Что вам угодно?

— Я в высшей степени рад вашей искренности...

— Что вам угодно, спрашиваю я!

— Укажите нам...

— С завязанными глазами, — перебил командира профессор, — с закрытыми глазами нас провели в ущелье, но... но если бы я видел ход, клянусь честью, я все равно не сказал бы вам!

Джамбон гордо выпрямился, не подозревая, какие последствия будут иметь его слова.

Не меняя выражения лица, человек в военной куртке снова задал вопрос кинооператору:

— Где ваши остальные спутники?

— Сколько сейчас времени? — вместо того чтобы ответить, в свою очередь спросил Телятников. — Не откажите сказать, который час?

— Семнадцать часов шесть минут, — удивленно посмотрел на часы военный. — Почему это вас интересует?

— Я боюсь, не опоздал ли наш друг на футбол. Начало ровно в пять. Вы любите футбол?

— Предупреждаю вас, молодой человек, — заметно раздражаясь, пригрозил командир пилотов, — дело серьезнее,

чем вы предполагаете. Упорство вынудит нас прибегнуть к репрессиям... Немедленно отвечайте: сколько вы видели партизан, сколько у них коней, каково состояние вооружения и запасов продовольствия? Даю вам слово, что вы будете неприкосновенны и свободны, если ответите на вопросы.

— В таком случае, можете сейчас же распрощаться с нами. Вы ничего не узнаете.

— Я уверен в обратном...

— Напрасно, — делаясь серьезным, уверил Телятников.

— Напрасно задерживаете и себя и нас.

— Ответите, повторяю вам, ответите! Предлагаю первый вопрос. Подумайте. Будет поздно.

— Полковник или кто вы там по чину, не упускайте из виду главного обстоятельства: перед вами гражданин СССР.

— Каждый ответит за себя, — промолвил командир и сделал знак сопровождавшим его пилотам.

Кинооператор, с минуты на минуту ожидая нападения, предусмотрительно прислонился к автомобилю. Пилоты, выслушав непонятный кинооператору приказ, направились к «доджу», и, лишь только они приблизились, Телятников сорвал с машины массивный штатив:

— Разойдитесь! У меня еще три ноги.

Отскочив назад, Телятников тотчас раскаялся в своей ошибке. Летчики захватили Джамбона и потащили его за собой. В ярости вспыльчивый кинооператор, забыв наставления Висковского, ринулся на помощь ученому. И мог ли он поступить иначе? Налетев на пилотов, Телятников с размаху ударил штативом первого попавшегося под руку, затем, уже не разбирая, кружа над головой тяжелым треножником, как легкой бамбуковой палкой бил кого попало. Сшибая противников с ног, нанося страшные удары, кинооператор во весь голос орал:

— Подходите! Получите! Я покажу вам непревзойденные американские кадры!

Выстрел прогремел над ухом. Маленький командир, опустив револьвер, как ни в чем не бывало хладнокровно заметил:

— Превосходные удары. Bravo! Bravo! Однако таким образом вы не спасетесь. Советую вам, сдавайтесь.

Спокойный голос полковника заставил Телятникова опомниться. Четыре человека поднимались с песка.

— Положите штатив.

— Смешной малютка! — двинулся к нему Телятников.

Незаметно подкравшись сзади, летчик, приемом джиуджитсу дернув его за руку, опрокинул на спину.

— Смеется последний, кажется так говорит ваша русская пословица? Займемся стариком, — сказал военный, — он скорее всех расскажет.

Сдерживая стоны, хромая, избитые Телятниковым люди обступили Джамбона.

— Гамак! — приказал командир. — Извините, господин профессор, но мы вынуждены применить свои средства.

Летчики сняли с автомобиля толстые шести и воткнули их глубоко в песок. Привязав руки профессора к двум шестам и ноги к штативу, они вырыли под ним песок и сложили для костра доски ящика. Джамбон повис в воздухе.

— К сожалению, в походной обстановке мы не можем устроить более усовершенствованный гамак. Но вам так прохладно. Я прикажу зажечь огонь.

— Ли Чан, — простонал ученый, — где ты, мой Ли Чан? Знай, — с трудом выговаривая слова, промолвил он, — когда четыреста с лишним лет назад Колумб открыл Америку, на одном из островов матросы увидели подвешенные на сваях сетки. То были постели дикарей. Аборигены называли их гамаками. Первое индейское слово, которое усвоили моряки, было «гамак». Сейчас я слышу его из уст современных людоедов...

* * *

Над пустыней летел самолет Крюгера. В четыре часа дня Ван Дзе-лян увидел горы и жестом указал немецкому

пилоту направление. Не прошло и двух часов, как Ли Чан, молодой китаец и Грания увидели автомобиль. Но... радость их миготом сменила тревога. Невдалеке от автомобиля стояли три самолета.

— Я ни в чем не повинен, — скрывая улыбку, сказал Крюгер, — они полетели на своя инициатива, они должен был ждать меня и пришел первый к ваш брат...

Ли Чан, дотронувшись до локтя Грани, знаком попросил ее, чтобы она приказала Крюгеру пойти на посадку.

Крюгер охотно выполнил это поручение. Самолет, покружив над ровной площадкой, сел в трех километрах от автомобиля Телятникова. Два китайца, крепко связав Крюгера, бросили его на песок и вместе с Граней побежали к автомобилю...

Что же происходило с Джамбоном и Телятниковым?

Пытка продолжалась.

— Господин профессор, мне горестно прибегать к крайним мерам. Я жду... — несколько раз повторил полковник.

— Крепитесь, профессор! — крикнул Телятников. — Помните, вас называли братом.

— Ли Чан... Мой бедный Ли Чан, — закрыв глаза, обрывающимся голосом сказал Джамбон, — помнишь тонконогих дзеренов? Никогда не трогай нежных антилоп и... и... без пощады, без сожаления уничтожай этих зверей...

— Отменю, моментально отменю приказ. Дайте слово... — как бы жалея старика, попросил командир, — или сейчас зажгут...

Не закончив фразы, командир умолк. Вздогнув, летчики побросали доски ящиков.

Гул самолета! Пораженный командир тревожно поднял голову, но тотчас успокоился:

— О, да ведь это Крюгер! Обождем немного — может быть, вы станете сговорчивей со старым приятелем. Вот он идет на посадку.

С полчаса полковник выжидал.

— Однако странно, — пробормотал он. — Почему Крюгер не опустился рядом с нашими самолетами?.. Нечего терять время, — немного погодя решил он. — Разложить огонь!

Крюгер придет в разгар великолепного зрелища. Развести огонь под гамаком.

Пилоты кинулись с досками ящиков к профессору.

— О, мой Ли Чан! — вскричал Джамбон. — Ты не увидишь моей кончины, Ли Чан!

— Я здесь, мой старый господин! — раздался голос Ли Чана из-за бугра, и через секунду он сам появился на вершине. — Я здесь, Джам... — И с револьвером в руках он ринулся вниз.

— Взять! — взревел полковник. — Взять их!

Следом за Ли Чаном бежали Граня и Ван Дзе-лян. Граня подбежала к связанному брату.

— Русалка! — ликующе закричал Телятников. — Ты?

— Дай твои руки!

Внезапно лицо Телятникова перекошилось. К ужасу сестры, он крикнул:

— Отойди! Не смей прикасаться! Иди к ним, ты им... сестра и подруга. Не смей, я честный гражданин Советского Союза!

— Что с тобой, Андрей?

Возле связанного Джамбона происходила жестокая борьба. Два китайца, перебегая с места на место, отстреливались от японских пилотов.

— Метко стреляй, мой Ли Чан! — торжествующе кричал Джамбон, качаясь на вытянутых руках. — Уничтожай хищников!

Неизвестно, чем бы кончилась неравная борьба, как вдруг за барханами послышались глухие звуки, точно из гор надвигался гром дальней грозы.

За холмами взметнулись тучи песка. В неудержимом урагане, в разрастающемся гуле донеслись протяжные крики, и люди в комбинезонах вместе с начальником, не задумываясь, помчались к самолетам,

Грохот выстрелов, топот коней, и с криком, стоя на стременах, проскакали всадники.

Мимо промелькнули пики, лицо Лю Ин-сина, тонкая фигура Лю, и Телятников услышал голос Висковского:

— Держитесь, друзья!

КОНЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

и

ТАЙНА АЛМАСОВ

(Вместо эпилога)

Конец приключений... Однако, прежде чем приступить к эпилогу, мы должны, как на экране кино, представить утро следующего дня в пустыне.

Яркое, жгучее солнце, волнистые песчаные барханы. Два автомобиля готовы в путь, и все пассажиры на местах. Гудки, ликующие протяжные гудки. Толпа всадников, окружавших автомобили, взмахивает нагайками и уносится к горам.

Старый Лю Ин-син выхватывает из-за спины винтовку, и три раза стреляет в воздух, затем и он скачет за умчавшимися друзьями. На минуту у автомобиля остается Лю. Она, печально улыбаясь, смотрит на Телятникова и, качая головой, тихо произносит:

— Москау!..

И все сидящие в автомобилях, как бы сговорившись, рассеянно смотрят в сторону. Висковский, спохватившись, лезет в мешок и выволакивает двух волчат.

— Я сохранил для вас, — говорит он Гране.

А Телятников страдающе оглядывает свой беспомощный «додж».

— Лю, — говорит он, — у меня не осталось даже твоей фотографии. Но... но я никогда не забуду тебя...

— Москау, — отвечает Лю.

— Увидимся ли мы?

И опять Лю повторяет:

— Москау.

Но вот, встрепенувшись, словно сбрасывая печаль, китаянка взмахивает нагайкой, конь взвизгивает на дыбы, девушка запекает песню, ту самую песню, на звуки которой, как зачарованный, так недавно лунной ночью шел по

пустыне Андрей. И она исчезает вслед за ускакавшими всадниками.

Гудок. «Бьюик», наполненный бензином японских самолетов, медленно трогается с места. В «додже» — один Телятников. Он нехотя поворачивает руль, едет за товарищами, но все время оборачивается и смотрит на горы...

В заключение приведем отрывок из последнего письма, полученного нами от Висковского:

«Ознакомившись с рукописью очерков, сделанных вами по моему рассказу и дневникам, — пишет он, — я благодарю вас за то, что вы соблюли все условия, поставленные мной, и пропустили ряд моментов, какие сейчас не могут быть опубликованы.

Совершенно правильно поступили вы, не задерживая внимания читателя на обратном нашем пути. Он закончился благополучно, свидетельством чему служит наша встреча в Ленинграде. Излишним было бы рассказывать, как поступили партизаны с воздушными налетчиками. То личное дело Лю Ин-сина и его товарищей.

...Легенда об алмазах, оказывается, имеет свое твердое основание. Джамбон, получивший в Пещере Снов многовековой пергаментный свиток, сейчас занят расшифровкой исторической записи — своего рода летописи одного маньчжурского селения. Передаю ее, как слышал от Джамбона. Не помню названия города, но оно приведено во «Всеобщей географии» Элизе Реклю. Много сотен лет назад правитель Китая соорудил возле этого города гигантскую крепостную стену. В проломе древней стены и сейчас существует маленький храм, знаменитый по легенде, получившей широкую известность во всем Китае. В страшных мучениях крестьяне, превращенные в рабов, годами возводили вал и стены. Одна крестьянка, принеся мужу обед, нашла его труп между телами умерших. Она разбила себе голову о камни, и стена обрушилась. На храме, построенном в честь женщины, похороненной рядом с мужем, высечена надпись: «Эта женщина всегда будет чтиться в памяти людей, а император Цзинь достоин вечного проклятия».

В старинной рукописи приводятся описания крестьянских волнений в том районе, откуда исходит легенда. Одно из селений, трудившееся на постройке крепостных стен, взбунтовалось и целиком ушло в горы. Предводитель восставших провел их в недоступные ущелья. Возможно, с годами они одичали и, выходя в пустыню в звериных шкурах, своим видом пугали кочевников. Историю горных людей написал сам вожак, которого селяне похоронили в пещере Долины Смерти. Профессор видел почетный памятник, высеченный из камня, и в гробнице лежал этот пергаментный свиток.

Одного из последних алмасов в Пещере Снов видел профессор Джамбон, а затем и я. Это он показал партизанам ход в недоступные, загадочные ущелья. Во всяком случае, из-под пера профессора выйдет изумительный труд.

Джамбон, быстро оправившийся от переживаний, собирался приехать отдыхать в СССР, в Крым.

С Телятниковым я, к сожалению, не встречаюсь. Он получил выговор на фабрике за опоздание и отрабатывает утраченное время непрерывными командировками. Зимой я проведу в Ленинграде». Далее следуют дела личного порядка. Но что для нас осталось совершенно непонятным — это последние строки письма, вернее приписка:

«Граня шлет вам привет. Если будете в Ленинграде и зайдете ко мне, она будет очень рада принять вас. В случае моего отсутствия (командировка или экспедиция) она вам скажет, где я нахожусь».

Итак, прощаемся с четырьмя путешественниками из Желтой пустыни, а тому, кто взял на себя приятный труд передать их приключения, остается самое легкое — дописать одно только слово: «к о н е ц».

Москва, 1935.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Михаил Константинович Розенфельд, автор этой книги, на протяжении более пятнадцати лет был сотрудником «Комсомольской правды». Он пришел работать в «Комсомолку» в дни основания газеты, весной 1925 года, когда ему было девятнадцать лет, и связал с ней всю свою жизнь.

Розенфельд был корреспондентом отдела информации, репортером. Редакция поручала ему самые разнообразные задания. Вначале это была хроника столичного дня, отчеты о спортивных состязаниях. Потом, еще в 1925 и 1926 годах, вместе с международными делегациями рабочей молодежи он объездил многие города страны, побывал на Украине, в Грузии, на Урале, в родном Ленинграде, где учился и вошел в жизнь. Он не только знакомил иностранных друзей с родной страной, но и сам знакомился с ней, постигал ее широкие планы, пафос великого индустриального строительства, развертывавшегося повсюду. Постепенно у него вырабатывался свой «журналистский почерк», стремительный и вместе с тем экономный и выразительный. Его заметки (даже если они и не имели подписи) всегда можно было узнать. Он писал репортаж со съездов и конференций, его голос не раз слышали москвичи во время передач с Красной площади. Редакция посылала его участвовать в автопробегах и испытании аэросаней, летать на опытных аэростатах.

Он много путешествовал. Вспоминается большая, красочно оформленная карта, составленная ко дню десятилетнего юбилея «Комсомольской правды». На ней были обозначены маршруты сухопутных путешествий, плаваний и полетов специальных корреспондентов газеты. Маршруты Михаила Розенфельда из края в край пересекали всю страну. Соединенные в одну линию, они могли несколько раз опоясать земной шар.

Журналистика, работа в газете были его призванием, потребностью его непоседливой, живой и энергичной на-

туры. В нем никогда не угасал беспокойный интерес ко всему новому, что совершалось в стране. Возвращаясь из очередной поездки, он часами мог восторженно и увлекательно рассказывать о людях, с которыми познакомился, о разнообразных случаях и приключениях, которые всегда сопутствовали ему в пути. Блестящий рассказчик, он старался и на страницах газеты говорить с читателями так, чтобы читатель сам переживал вместе с автором взволновавшие его события. С каждым годом его все больше увлекали темы о смелых и находчивых людях, преодолевающих неожиданное и необычное. И вместе с тем ему уже становилось тесно на газетном листе.

Первые его книги — «В песках Кара-Кума» и «Клад пустыни Кара-Кум» — были хроникой интереснейшей экспедиции академика А. Е. Ферсмана и геолога Д. И. Щербакова летом 1929 года в безводные «Черные пески» Туркмении. Розенфельд сопровождал экспедицию.

Летом 1930 года по приглашению правительства Монгольской Народной Республики в Монголию выехала экспедиция Академии наук СССР. С одной из групп экспедиции Розенфельд за два месяца пересек всю Монголию с востока на запад. Он жадно наблюдал, как пробиваются ростки нового в жизни этой страны, которую в то время, четверть века назад, не без основания считали страной-загадкой. На привалах в степи, на снежных перевалах Гобийского Алтая, в песках монгольских пустынь он вел дневник. Записи о виденном чередовались с документами, справками, выписками из книг. А видел он многое: и зловещие храмовые праздники буддийских лам, и составление первого договора на социалистическое соревнование в монгольском колхозе, и эпитафии Чингисхана на замшелых камнях, которые разыскал престарелый профессор, и организацию ревсомольцами первого в Монголии детского сада. Потом из этих записей, помимо интереснейших газетных очерков, родилась новая книга — хроника путешествия: «На автомобиле по Монголии».

Задания и поездки следовали одна за другой. В 1932 году Розенфельд дважды ездил в Среднюю Азию, на аф-

ганскую границу, в Вахшскую долину. Затем летал на первом советском дирижабле. Осень 1932 года он встретил на Ленских золотых приисках, весну 1933 года — в составе спасательной экспедиции у берегов Шпицбергена, где потерпел аварию ледокольный пароход «Малыгин» (эта экспедиция описана в его книге «Ледяные ночи»).

Осенью 1933 года Розенфельд побывал на подъеме парохода «Садко» в Кандалакшском заливе, весной следующего, 1934 года ушел в кругосветное плавание на ледоколе «Красин», спешившем из Ленинграда через Панамский канал на Чукотку для участия в операциях по спасению челюскинцев.

В этих плаваниях и путешествиях у Михаила Розенфельда окончательно сложились планы нескольких новых книг для детей и юношества. Он избрал для себя жанр приключенческой литературы.

«Ущелье алмасов» — первая его приключенческая повесть.

Она была издана в 1936 году. Конечно, на картах и в справочниках читатели не найдут ни Алмасских гор, ни самих алмасов. Но, прочитав книгу, веришь, что все описанное в ней было в действительности или, во всяком случае, могло быть. Многие картины природы и люди, описанные в книге, запомнились Розенфельду со времени его путешествия по Монголии в 1930 году.

В 1937 году была издана вторая приключенческая повесть Розенфельда — «Морская тайна».

Увлекательный рассказ о тайной японской базе «Крепость синего солнца», приключениях смелого штурмана Головина, веселого и мужественного боцмана Бакуты и амурской рыбачки Нины Самариной с удовольствием читают не только юные, но подчас и взрослые читатели.

Конечно, обе эти повести не лишены недостатков. Далеко не все поступки героев оправданы. Но при всем этом глубокое знание жизни и талант позволили автору создать интересные и запоминающиеся книги,

В первые дни Великой Отечественной войны, оставив работу над новыми темами, новыми занимательными при-

ключениями, М. К. Розенфельд ушел на фронт. В 1942 году он пал смертью храбрых в боях с врагом на Харьковском направлении. Фашистская пуля сразила его в самом начале большого творческого пути.

М. Черненко

Геннадий Старков

БРАТ ГУЛИ-БЪЯБОНА

Рис. В. Васильева

Дорогой «Уральский следопыт»! Посылаю вам блокнот в кожаном переплете. Думаю, что сейчас, в связи со всеобщим вниманием к проблеме «снежного человека», небезынтересно будет опубликовать эту находку — записки студента Виктора Трофимова.

Блокнот попал ко мне следующим образом.

Во время разгрома японских империалистов в Северо-Восточном Китае, осенью 1945 года, наша танковая бригада, прорываясь в тыл противнику, остановилась в городке Лубей. Экипажу нашей машины пришлось заночевать у доктора тибетской медицины — восьмидесятилетнего китайца. Звали его, кажется, Хваном. Он принял нас приветливо, радушно, мы быстро стали друзьями. И поздно вечером старик, порывшись в своих бумагах, дал мне этот блокнот. В нем все написано по-русски. Но тогда мы уже валились с ног от усталости, и я не стал читать, да а был неважный, а почерк мелкий.

Наутро танки помчались дальше, а блокнот так и остался у меня. Недавно, перебирая свои старые солдатские пожитки, валяющиеся с войны в чулане, я отыскал это сочинение студента Виктора Трофимова. Надпись

по-китайски на внутренней стороне обложки блокнота сделана, по-видимому, самим доктором Хваном. Мой приятель, инженер Чжан Фа-цай, практикующийся на нашем заводе, перевел ее. Она гласит:

«Эту тетрадь подобрал в горах Каракорум, в районе Чогори, буддийский монах из монастыря, что стоит в верховьях реки Яркенд. Куплена у него мною на базаре в городе Рума, когда я гхал аз Кашгара в Хотан».

Вот все, что я могу сообщить об этой фантастической находке.

*Геннадий Старков.
18. 10. 1958 г.*

ОТ РЕДАКЦИИ:

«Снежный человек» действительно волнует умы многих ученых земного шара. В некоторых тибетских монастырях хранятся скальпы какого-то животного, пока еще неизвестного науке. Многочисленны легенды о нем, бытующие среди населения Центральной Азии и прилегающие районов. В горах Тибета, на Гималаях, на Памире многие путешественники и исследователи не раз обнаруживали следы доселе нигде не встречающегося живого существа. Были сведения и о том, что его якобы видели издали.

Сейчас в тех краях работает несколько экспедиций разных стран, в печати постоянно публикуются сообщения, связанные со «снежным человеком». В Академии наук СССР создана специальная комиссия по изучению проблемы «снежного человека».

Какое счастье держать в руках карандаш и писать на бумаге в мелкую клетку! Обыкновенный карандаш! Дорогой мой, как ты попал к мистеру Кэнту? Полуистертые золотистые русские буквы — «Ф-ка им. Сакко и Ванцетти» — на твоей грани звучат для меня будоражащей музыкой. А блокнот! Это бумага, на которую я могу нанести человеческие слова, мысли. Человеческие мысли! Это почти невероятно!.. Гм!.. Невероятно для студента, израсходовавшего на лекциях в университете не один десяток тетрадей и никогда не признававшего карандашей, только самопишущую ручку? Кто бы мог подумать, что карандаш для меня будет высшим наслаждением? И я сейчас пишу, бережно используя каждый миллиметр твердого грифеля.

Впрочем, если я буду все этак душекопательно излагать, то мне не хватит места рассказать и половины того, что произошло. Буду предельно краток. Жаль, что на филологическом факультете не преподавали специальный предмет краткость.

Итак, по порядку.

Наша группа альпинистов, состоящая из старшекурсников почти всех уральских вузов, начала восхождение на южную безымянную вершину Сарыкольского хребта. Все мы поклонники величественного и загадочного Памира, и это был не первый наш маршрут.

На привалах мы спорили, как назовем вершину, когда форсируем ее.

Памир, мой родной, Памир! Гигантская высокогорная пустыня, оледенелые хребты, роскошные луга бухарского тарана, черная зелень приземистых зарослей терескена по сухим шлейфам и склонам гор! Здесь удивительно изумрудны березовые рощи, как у нас на Урале, и густы таинственные тугаи вдоль русел бесчисленных рек, сплошные джунгли ивы, облепихи, боярышника. Я каждый учебный год бредил тобою, Памир, во сне, ждал летних каникул, мечтал завоевать тебя. Я воображал себя Сюань-Цза-

ном и Марко Поло, считал себя последователем Федченко и Мушкетова, учеником Северцева и Ошанина, Иванова, Корженевского и Наливкина.

Я мечтал покорить тебя, Памир, и вот я у тебя в плену. Уже год или больше? Отпустишь ли ты меня? А, может быть, я сейчас вовсе и не на Памире? Гденибудь в Каракорумах или на Гиндукуше? В Афганистане, в Китае, в Тибете, в Индии? Нет, нет, нет и нет! Я на родном Памире, в родной стране!

Тьфу, черт! Эта дикая жизнь с гули-бьябонами и особенно, конечно, встреча с экспедицией проклятого мистера Кэнта, наверное, помрачили мой ум. Надо стараться излагать все как можно последовательнее. Логика! Эх, балда ты, Витька, по логике получал всегда только тройку.

Но, давай, товарищ Трофимов, без лирических отступлений. Ты пишешь для науки, а не для студенческой вечеринки, не для сероглазой Танечки Комаровой. (Вот посмотрела бы она сейчас на меня — с этакой бородищей, почти голый, настоящий аламас! Ей очень нравился фильм «Уще-лье аламасов»).

Сарыкольский хребет — граница Советского Союза с Китаем — идет с севера на юг, чуть отклоняясь на восток, потом круто заворачивает на запад и уходит в соседний Афганистан. На этом повороте мы и занимались исследованием сравнительно невысоких, чуть больше пяти тысяч метров, безымянных вершин.

Сейчас уже не представляю, как я тогда сорвался в ущелье. Помню, что на привале я смешил ребят: изображал, как у нас в Свердловске студентки-медики танцуют фокс-трот, и, видимо, оступился. Сколько я летел вниз, потеряв сознание после первого же удара о снежный наст между каких-то скал, неизвестно. Как долго я лежал в беспмятстве и где, тоже неизвестно.

Помню, мы шли солнечным тихим днем, а очнулся я в полусумраке под бешеное завывание пурги, очнулся от того, что меня за плечи кто-то встряхивал.

2

Сначала я подумал, что это какой-то человек. Чуть раскосые глаза под сильно нависшим лбом глядели по-дружески, толстые губы расплылись в доброжелательной улыбке. Но длинные толстые лапы, обросшие шерстью, мех на острой, точно киль, груди, а также плоская волосатая морда, конусообразная макушка, косматые плечи, начинающиеся от самых ушей, подсказали, что это животное. И, главное, был сильный-сильный запах зверя. (К нему я теперь привык и не замечаю, потому что, наверное, и от меня уже пахнет точно так же).

Я закрыл глаза. Возможно, от страха. Над моим лицом раздавалось почти человеческое дыхание. Конечно, я не сразу сообразил, что передо мною гули-бьябон, как его называют киргизы, или голуб-яван, как принято именовать его в нашей литературе. В некоторых сообщениях о нем еще употребляется термин йети. А мистер Кэнт, проклятый мистер Кэнт, о котором речь впереди, говорил «сноу-мэн», что означает по-русски «снежный человек».

— Бу, бу, фиу, фиу, — раздавалось надо мной попеременно с ласковым урчанием.

Я долго подавлял в себе страх. Никакому животному нельзя показывать, что боишься его. И я, вероятно, первый человек, что так близко встретился с этим таинственным обитателем неприступных горных вершин, полулегендарным живым существом. По моей смелости гули-бьябон будет судить о смелости других наших людей. Здесь, у самого поднебесья, смелость, наверное, не последнее мерило при знакомстве.

«Витька! — сказал я себе. — Где наша не пропадала! Ты прославишься на весь Советский Союз, внесешь ценный

вклад в науку! Возьми себя в руки. Ты же не какой-нибудь неграмотный шерп — житель Гималаев, или суеверный лепча из Дарджилинга. Ты почти ученый муж, а кроме того, альпинист, физкультурник и постоянный подписчик «Всемирного следопыта».

Я заставил себя открыть глаза и постарался изобразить на своей физиономии спокойствие и дружелюбие.

— Бу? — спросил меня гули-бьябон.

В звуке его хриплого и немного визгливого голоса явно слышался вопрос. Но что ему ответить? Я, очевидно, весьма растерянно улыбался, припоминая все читанное об обезьянах. На память не пришло ни одного обезьяньего словечка.

Впрочем, все слова обезьяньего языка — чистейшая выдумка писателей. С животными надо разговаривать по-человечески: любое из них поймет смысловую интонацию в речи, оттенки чувства в человеческом голосе.

— Дорогой ты мой, гули-бьябончик! — тихо и, как мог, понежнее сказал я. — Ну, давай знакомиться, давай будем друзьями. Меня зовут Витя. Понимаешь? Ви-тя. Ви-и-тя-а!

Он оторвал свои лапищи от моих плеч и продолжал сидеть на корточках против меня. Я поднялся и тоже сел, вытянув затекшие ноги.

— Ви-тя... Ви-тя... — повторил я, похлопав себя по груди. Подать ему сразу руку я побоялся.

Он долго смотрел на меня изучающими, умными, совершенно человеческими глазами. Сидя на корточках, он упирался, широко расставив руки, костяшками полусогнутых пальцев в землю. Большие пальцы на ногах, толстые, мохнатые и корявые, тоже оттопыривались в стороны, и

весь гули-бьябон походил на огромную обезьяну. Я ждал, что он сейчас дружелюбно хрюкнет, как это делают гориллы в зоопарке после вкусного угощения. Но он опять произнес свое «бу», и опять это был какой-то непонятный для меня вопрос.

Свет в пещере, проникавший снаружи, где бушевала метель, был слабым, мы сидели за небольшим поворотом стены, и гули-бьябон оказывался больше в тени, нежели я. Но я отчетливо видел, как его зоркие, настороженно добрые глаза прощупывают меня как диковинку, рассматривают мою альпинистскую куртку, подбитую цигейкой, мои ботинки с шипами, блестящую пряжку пояса.

Вдруг он подпрыгнул на корточках, подавшись назад, к самой стене пещеры, и сел на камень, сел совсем по-интеллигентному — вот-вот закинет ногу на ногу и охватит колени руками. Мы продолжали изучающе смотреть друг на друга, и я разглядел, что шерсть на нем недлинная, негустая, черно-рыжая, и сквозь нее просвечивает темная кожа,

Я не переставал улыбаться, конечно, наверное, натянуто. Гули-бьябон поднес руку к своему лицу (именно — «руку» и к «лицу»: слова «лапа» и «морда» к нему никак не применимы) и почесал толстыми короткими пальцами с закрученными ногтями небритую щеку (она действительно производит впечатление небритой). Почесал так, словно задумался: «Что же делать с этим несчастным альпинистом? И зачем это я приволок его сюда, в пещеру?»

А что же делать мне?

Я прикинул: гули-бьябон, бесспорно, раза в два-три сильнее меня и может сотворить со мною все, что ему заблагорассудится. Не ждать же, что придет ему в голову. Я поспешил подняться на ноги, чтобы снова попытаться объяснить.

— Витя. Понимаешь, Витей меня зовут,— сказал я, показывая на себя и шагнув к нему.

Но он на это лишь промычал что-то невнятно сердитое и, не вставая, протянул ручищу, опустил мне на плечо и придавил меня снова к земле.

— У-у, черт! — приседая, выругался я и пошарил вокруг, ища палку повесомее. Вся пещера была устлана тонкими обломками деревьев. И я, наверное, показал бы ему превосходство человека, умеющего владеть простейшим оружием: под руку подвернулась хорошая дубинка.

А гули-бьябон в этот миг засмеялся. Смех напоминал человеческий отдаленно, но все-таки это был смех.

— Чо, чо, чо!.. — закричал он весело и стал колотить себя кулаками в грудь.

— Значит, тебя зовут Чо? — спросил я, оставив свою дубинку.

— Чо! — опять засмеялся гули-бьябон.

Но я заметил, как он, не трогаясь с места, вытянул ногу и наступил на дубинку. И тут он умолк в ожидании.

Я встал и, глядя ему прямо в глаза, чтобы успокоить его, покладистым жестом чуть-чуть протянул к нему руку:

— Чо-о! Чо-о!.. Дорогой мой Чо!.. — Мне очень хотелось объясниться, подружиться с ним. Желание стукнуть его было мимолетным и, пожалуй, совершенно не свойственным мне. Я быстро схватил палку и вышвырнул ее из пещеры. А ему сказал ласково: — Тебя зовут Чо, а меня Витя. Витя! — И, показывая то на него, то на себя, я несколько раз повторил: — Чо — Витя, Чо — Витя, Чо — Витя.

И какова же была моя радость, когда гули-бьябон понял, засмеялся и тоже начал тыкать куцой пятерней то себя, то меня.

— Чо — Вить, Чо — Вить, — произнес он. Только Чо у него звучало с прицокиванием, а вместо Вить, получалось Уить. Почти как свист.

— Договорились!.. — И я, как старому другу, пожал ему пальцы, они очень грубые, мозолистые, как потрескавшаяся пятка. — Теперь мы знакомы.

Милый Чо! Мог ли я предполагать, знакомясь с тобой, что ты будешь верным и преданным другом, что ты, спасая меня, отдашь свою жизнь? Сейчас, когда я описываю свои приключения, в глазах все время стоит стреляющий в упор из парабеллума Кэнт, ты, бросающийся на него, шесть разрывных пуль в твоём могучем теле...

Впрочем, надо спокойно все изложить по порядку. Итак, мы в пещере, первое знакомство.

— Вить-Вить-Вить,— продолжал присвистывать Чо, покачивая головой и глядя на меня приветливо, как на долгожданного гостя.

А меня пробрал озноб. То ли от мороза, который начал донимать меня, то ли от всех волнений, хорошо пока окончившихся. Я стал дрожать, я замерз. И, показывая ему, как глухонемому, сколь можно выразительнее, что мне холодно, я спросил:

— Как ты живешь тут на таком морозе? Найти бы где-нибудь пещеру потеплее. А? Эта же пурга, наверное, надолго? — Я после каждой фразы спохватывался, что он меня не понимает, и жестами старался объяснить значение своих слов.

Но Чо, внимательно слушая, сидел неподвижно. И, наконец, по-видимому, ухватил мысль о пурге и холоде. Он вскочил, замахал руками, повернулся к выходу из пещеры и заговорил быстро:

— Чо-Вить-бу-фыр-ку-хы-ю-у...

Такой набор односложных слов!..Тогда я их еще не понимал. Чо как бы бранил летящий со свистом мимо пещеры снег. Он начал отчаянно отталкивать его, бить, то кулаками, то ладонями, толкать коленями, пинать. Он вошел в раж и не мог остановиться.

На всю жизнь мне запомнится эта жуткая картина. Я в пещере. зуб на зуб не попадает от холода, не только от страха. А на выходе — дико пляшущий, рычащий, кричащий, ругающийся на неведомом гортанном языке гулибьябон Чо. В безудержном и злом танце он то подпрыгивал, то садился наземь и дергался, опираясь на руки. Затем снова вскакивал и махал руками, будто дрался со всеми миллионами мчащихся мимо снежинок и сбивал на лету всякую из них, которую вихрями заносило в пещеру.

А за снежной кутерьмой, за пеленой пурги ничего не было видно.

— Чо! Чо!— кричал я, тщетно пытаясь остановить его буйные телодвижения.

Но мои истощные призывы только возбуждали его, и он неистовствовал еще больше.

3

Лишь тогда, когда Чо выдохся, обессиленный, он подошел ко мне, и я понял, зачем ему нужны были эти невообразимые пляски. Ондохнул на меня горячим запахом зверя. Пот струился с него, как с хлопкороба в ашхабадскую жару, и весь он излучал тепло. Согрелся. Мне даже показалось, что в пещере стало не так холодно.

— Не-е-ет! — все-таки сказал я. Но сказал по-дружески, уважая его обычай. Он же не виноват, что находится на такой низкой ступени человеческой культуры. — Это, брат,

самый примитивный способ повышать температуру в остывающем организме. Что? Не понимаешь? Тьфу, черт! Я все время упускаю, что не умеешь говорить по-нашему. Сейчас увидишь!..

Пока он танцевал, согреваясь, я вспомнил про спички. Потряс перед его носом заветным коробком и приготовился поразить его настолько, чтобы окончательно снискать доверие и уважение. Нож, спички и кусочек шоколада — вот все, что оказалось при мне из мира цивилизации, все, чем я решил распорядиться с наибольшим толком.

Я начал собирать в кучу обломки хвороста, палки, сучья, которые кто-то специально натаскал в пещеру. Вроде как бы священнодействуя перед гули-бьябоном, сидящим на камне и с любопытством следящим за каждым моим движением, я с чувством, с толком, с расстановкой ломал старые голые и сухие ветки и по всем туристским правилам сооружал костер. Потом вытащил нож и, хотя в этом не было никакой необходимости, настрогал лучины. Просто хотелось похвастаться

Чо заинтересовался блестящим складнем и нацелился схватить его. Но я быстро сложил лезвие, нож щелкнул, и Чо отдернул руку.

— Это, брат, такая штука, — объяснил я, — что можно и порезаться.

— Гу! Гу! Гу! — пробурчал ничего не уразумевший Чо и часто-часто закивал головой, хлопая себя ладонью по колену.

— Чего? — спросил я.

— Гу! Гу! — снова произнес Чо с испугом, с тревогой, вытягивая толстые губы и устремляя глаза на мою ногу.

Я посмотрел на штаны. По колену полз огромный, с ручные часы величиной паук, бархатисто-черный, брюхо почти шарообразное с ярко-красным пятном на конце. Я немного растерялся. Кара-курт! Самый ядовитый паук! Причем, это была самка, укус ее смертелен. Наверное, я потревожил ее, сооружая костер.

Мне многого стоило, чтобы не испугаться в присутствии Чо. Я снова раскрыл нож и осторожно кончиком лез-

вия сбросил с себя кара-керта. Паук упал к ногам гули-бьябона. Бедный Чо в ужасе всхрипнул, как обезумевший буйвол, только как-то визгливо, и вскочил на камень с легкостью обезьяны, задрожав всем своим волосатым телом. Но мне удалось одним легким ударом ножа перерезать самку кара-курта. Брюшко ее мгновенно спало, а голова с ножками немного пошевелилась и замерла.

Чо все это видел. Он медленно спустился с камня, наклонился над уничтоженным кара-куртом, по-звериному обнюхал его. Затем ковырнул пальцем, убедился, что опасности больше нет, и, улыбаясь, уставился на меня взглядом, полным восхищения.

— Бох! Бох! — выкрикнул он, звонко размыкая шлепающие губы при звуке «б».

Это было первое слово на гули-бьябонском языке, которое я усвоил. Оно означает по-нашему «молодец», «парень- гвоздь» или что-то одобрительное в этом роде.

Я поблагодарил Чо за комплимент и снова потряс коробком спичек в руке. Он прислушался и выжидательно замер. «Ну,— думаю, — сейчас ты, брат, удивишься!» У меня даже сердце заколотилось от волнения. Как мой новый антропоидный, человекоподобный друг среагирует на огонь? Ведь все животные боятся пламени... Что станет делать мой гули-бьябон Чо? Сорвется с места и убежит, оставит меня одного в этой пещере, где я буду пережидать пургу, пережду, а потом еще неизвестно как буду пробираться к своим? В пустынно диких горах очень хорошо понимаешь беду, трагедию одиночества и ценишь любого товарища, пусть даже это не совсем человек.

— Ты не бойся, дружище Чо, — сказал я, вынув спичку, и почувствовал, что голос у меня робкий, неуверенный. — Сейчас зажгу огонь. Понимаешь? Тепло будет. Не понимаешь? Тепло!.. Вот этот холод!.. — Тут я стал усиленно помогать себе мимикой, жестами, энергичными движениями. Я так изощрялся, что, наверное, перещеголял актеров театра пантомимы. — Холод! Бр-р! Вот этот холод сейчас и фу-у, улетит. Понимаешь, улетит. Птица крыльями машет,

понимаешь? Улетит! Тепло будет. Хорошо будет. У-у-уф! Хорошо! Понимаешь?..

Трясущейся рукой я чиркнул спичкой и показал дрожащий в пальцах огонек.

Как я был обескуражен! Чо заулыбался, хлопнул себя по бокам, и, когда я, не рассчитав, уронил спичку, и она погасла, он так огорчился, ну, прямо ребенок, у которого отняли любимую игрушку. Вот- вот заплачет.

Я чиркнул другой спичкой и запалил костер! Надо отдать должное моим туристским навыкам: костер я сложил вполне квалифицированно — пламя сразу охватило все сучья и весело заколыхалось над ними. В воздухе пахло дымком тамариска. Примечательный аромат! Никакая другая древесина, горя, не дает такого прият-

ного дыма, как кусты тамариска.

Чо радостно заерзал на месте, еще раз похлопал себя по бедрам и придвинулся боком к огню, с наслаждением вдыхая запах дымка.

— Бох! Бох!... — удовлетворенно зачмокал он.

Гули-бьябон не животное, не зверь, он не боится горящего пламени, знает, что возле него можно погреться. Но почему же он не научился зажигать огонь, а только собирает валежник тамариска? Топлива в пещере, если тратить экономно, не меньше, чем на сутки. Я протягивал руки над костром. Чо тоже пробовал делать так, как я. И он совсем немного побаивался, еще не умея рассчитать расстояния до пламени, чтоб не обжечься.

— Как же так? — спросил я у Чо, теперь уже храбро и свободно придвинувшись к нему. — Огонь ты знаешь, а человек ты совсем дикий.

— Бох, бох,— ответил он и начал гладить меня по спине.

Хотя я и не сомневался, что он ласкает меня, все-таки пришлось отвлечь его от таких нежных чувств: рука у него слишком тяжелая. Я вытащил из кармана шоколадку, развернул у него на глазах, разломил пополам, сунул себе в рот и ему. Мой Чо зажмурился от удовольствия, зачмокал, зачавкал и — увы! — стал так гладить меня, что я испугался за целостность своего хребта. С огромным усилием отвел его руку в сторону.

На дворе — если считать высокогорный пустынный Памир двором нашей пещеры — темно. Свистел ветер. Мы обнялись и долго сидели у костра, я помаленьку подбрасывал в огонь.

Но о чем говорить с моим Чо? О том, когда ожидать окончания пурги? О том, как я буду выбираться отсюда и много ли мне придется идти? Как долго я пробуду с моим новым другом вместе?

Обо всем этом думалось грустно-грустно.

Я призывал себе в помощь все мое мужество и волю, чтобы не впасть в уныние. Я даже потихоньку запел «Легко на сердце от песни веселой». И мой Чо с любопытством бесцеремонно заглядывал мне в рот, слушая. Песня для него, пожалуй, оказалась самым удивительным во мне.

Это, помню, раззадорило меня, и я спел ему уральскую частушку:

Милый, чо, да, милый, чо!
Милый, чокаешь почо?
Милый чокает: — А чо?
Если чокну, ну, так чо?

До сих пор не знаю, что именно больше нравилось моему Чо: мелодия этой частушки, или содержание.

Аппетит приходит во время еды. После жалкого кусочка шоколада мне стало понятно, что я голоден в сто раз больше, чем в университете за день до стипендии. Я сказал об этом возможными способами: вдавливал руками и без того провалившийся живот, совал себе в рот пальцы щепотью. Чо в ответ тоже что-то говорил, но мы не смогли столковаться.

Тогда я вышел из пещеры. Пурги уже как ни бывало, стояла тихая звездная ночь. Подмораживало, несмотря на то, что днем в этих краях при солнце можно купаться. Я быстрехонько сориентировался по звездам, где северо-запад, куда мне потом нужно двигаться, чтобы попасть к своим товарищам-альпинистам, которые, конечно, считают меня погибшим, да так погибшим, что и трупа не нашлось.

Чо вышел за мною на полусогнутых ногах. Тоже поглядел на звезды. А потом принялся потихоньку заталкивать меня обратно в пещеру: дескать, возвращайся поддерживать огонь. Я подчинился: ну, куда пойдешь в этакую темень?

А Чо исчез. Я сидел у костра и думал, что со мной еще может случиться. Хотелось есть. Тамарисковый дым спокойно и плавно поднимался вверх, к своду пещеры, и пыльным хвостом тянулся к выходу. Стояла тишина.

Не знаю, сколько времени я провел в одиночестве, позевывая и подремывая, подбрасывая сучья в костер. Для меня было совершенно ясно, что дождусь утра и отправлюсь на северо-запад. Судя по очертаниям гор вокруг, я находился где-то среди вершин. Значит, мне надо спускаться-

ся в долину, там я, несомненно, встречу людей и вернусь к своим.

Лишь два обстоятельства путали мои мысли. Прежде всего, пустой желудок. Хватит ли у меня сил добраться до человеческого жилья? Но это сомнение я энергично отбрасывал. А вот второе, то, что я еще мало познакомился с гули-бья боном, совсем не изучил его, останавливало меня. Может быть, задержаться? Ведь мое подробное сообщение, возможно, заинтересует наших ученых.

Засыпая у костра, я видел себя в аудитории университета, делающим доклад о наблюдениях за антропоидным существом — гули-бьябоном. Я заканчивал свою речь какими-то важными подробностями, и мне аплодировали.

Будет ли когда-нибудь такое?

Проснулся я от прикосновения жестких волос к моей щеке. Костер почти погас, только тлеющие угли чадили чуть-чуть, и первое, что я сделал, — подбросил сучьев. В пещеру проникал неверный свет раннего утра, вспыхнувшее пламя багрово озарило свод и стены, и в этом смешанном освещении я не сразу разобрал, кто со мной.

Двое. Один — мой Чо, сидящий напротив на камне. А рядом? Положив мне голову на плечо, справа сидел другой гули-бьябон. К немалому своему смущению, я понял, что это гули-бьябон женского пола, а отпрянул. Столь неожиданно было ее соседство.

— А-а! А-а! — закричал Чо, увидев, что я проснулся. Он показывал рукой на мою соседку, с гордостью знакомил меня: — А-а! А-а!

Она в точности, как женщина, поправила длинную прядь волос, упавшую ей на лицо, — завела ее за ухо и улыбнулась мне. Лицо ее отличалось от физиономии Чо только тем, что было почти без растительности. Сидела она, поджав под себя ноги, упираясь левой рукой в землю, а правой подала мне какого-то зверька с разбитой головой.

Я взял. Сперва посчитал, что это выпотрошенный заяц. Но нет! Размеры меньше, а мех подлиннее, уши намного короче. Но, как у зайца, задние ноги несколько больше передних, и так же мал хвост. Только потом, через много

дней, от проклятого мистера Кэнта я узнал название: пищуха. Это самая первая еда гули-бьябонов. Пищухи живут в россыпях крупных камней, питаются травой, на зиму заготавливают запасы сена — прячут его в щелях между камнями.

Тогда мне было не до названия. Я в какие-нибудь пять минут, изумляя Аа и Чо, освежевал тушку, словно всю жизнь только и занимался обдиранием шкурок. Затем кое-как испек куски мяса на углях и съел. Хороший завтрак!

Пока я все это прожевывал, мои гули-бьябоны с почтением поглядывали и молчали, принюхиваясь к запаху жареного мяса. Возможно, они ждали, что я предложу им по кусочку, но я оказался безнадежным эгоистом. Впрочем, они, по-видимому, были сыты, или сказалась их завидная выдержка. Позже я не раз убеждался, что гули-бьябон может довольно спокойно переносить длительный голод, а потом так обильно поест, что завалится спать на целые сутки, а то и двое.

Позавтракав, я поблагодарил Аа, применяя, кроме слов, язык пантомимы. Она в ответ положила голову мне на плечо и нежно потерлась о меня. Чо восторженно хлопал себя по бедрам и все что-то говорил и говорил. Наверное, воздавал славу еде. Ведь еда — единственная радость в их жизни.

Потом Аа угостила меня куском белой глины. Я не сразу сообразил, зачем она мне подает мягкий ком, жирноватый на ощупь. Гули-бьябоны увидели мое недоумение, Чо оживился и начал уговаривать меня поесть. Односложных слов его я не понимал, но по тону любой безошибочно определил бы, что он меня уговаривает. Для убедительности Чо сам отщепил кусочек и сунул себе в рот, жмурясь от наслаждения, словно взял шоколадку.

Известно, что в Иране употребляют в пищу особую сладкую глину. Нивхи на Сахалине делали прежде кушанье из смеси каолина и оленьего молока. В Италии есть блюдо — пшеницу смешивают с нежным мергелем. Я из вежливости тоже попробовал принесенного гули-бьябонами лакомства. Прямо скажем, не очень. Глина приторная, прилипает к языку. А, главное, ешь ее с полным сознанием, что она не питательна, не усваивается. Я лишь сделал вид, что мне понравилось.

— Итак, прощайте, мои дорогие гули- бьябоны Чо и Аа! Большое спасибо вам за гостеприимство, за то, что спасли меня, выбрали где-то, укрыли от пурги, затем накормили, — с такой речью я обратился к своим диким друзьям, вставая и собираясь в путь-дорогу. — Пожелайте мне счастливо и быстро отыскать своих!

Я говорил все это, отлично сознавая, что меня не понимают. Я отчаянно размахивал руками, корчил всевозможные рожи, чтобы объяснить смысл слов. И мой Чо догадался о расставании, а может, просто почувствовал его. Я притронулся к его мохнатой богатырской руке, пожав ее посильнее, и заглянул ему в глаза. Чо плакал.

Конечно, может быть, дым утасающего костра ел ему глаза, когда он встал во весь рост. Но мне показалось, что это слезы предстоящей разлуки. Они текли по морщинам,

огибая выпуклый огорченный рот. И я увидел, что Чо — пожилой, если не старый, гули-бьябон, что жидкие брови его почти седые. Позади меня стояла такая же большая и такая же пожилая Аа. Она прикладывала волосатую руку к глазам. Ну, женщины всегда более чувствительны!..

— Прощай, мой друг Чо!

Я двинулся из пещеры. Над горами уже взошло солнце и зарумянило окрестные снега, скалы, камни, ледники вдали. Мертво-пустынные величественные вершины окружали меня. Ни облачка в небе. Холодно-голубое, без единой птицы, оно лишь подтверждало отсутствие жизни вокруг. Камень, камень, снег и камень! Я никогда прежде не бывал один в горах среди вечной мерзлоты — в таком ледяном безлюдье, и мне захотелось вернуться к моим почти чело-векам Чо и Аа. Но я упрямо заставил себя пойти на северо-запад, не оглядываясь.

С каждым шагом, хоть воздух был прозрачным, чистым, свежим, хоть солнце начинало живительно припекать, я все больше и больше ощущал, что я один. Один неизвестно на сколько километров пути! И силы мои от этого начали таять.

Но тут на мое плечо легла волосатая ручища. За цоканьем своих ботинок я не слышал, как Чо тащился за мной. Как я был ему благодарен, когда мы пошли вдвоем! Я гладил его твердый огромный бицепс под мягкой шерстью. А обернувшись затем, увидел, что и Аа плетется сзади.

Они провожали меня.

5

Но не суждено мне было попасть к людям.

Мы шли почти весь день. И, то ли я плохо ориентировался по солнцу, то ли, огибая неприступные скалы, мы теряли прямолинейное направление, до вечера не показывалось никакой долины. А я рассчитывал, что нахожусь

где-то неподалеку от альпинистского лагеря. Тогда я еще не знал, как далеко мог отнести меня гули-бьябон.

Чо и Аа были со мною. Они передвигались в горах лучше всякого альпиниста, хотя и не носили ботинок с шипами. Я без альпенштока часто оказывался в затруднительном положении, и гули-бьябоны выручали меня — подсаживали, подтягивали за руки и молча шли за мною, иногда чуть опережая, иногда приотставая.

К вечеру я освоил чудесный способ передвижения по снежным склонам. Чо садился и, приподняв ноги и руля руками, ловко скатывался вниз. Я несся за ним по проямой борозде, — чрезвычайно быстрый спуск километра два в минуту, не меньше. Аа, так же привычно, как и Чо, пользовалась этим способом.

К вечеру я понял, что иду, не зная, куда. Где я свалился в ущелье? Где мы делали восхождение? Где альпинистский лагерь? Конечно, если бы в то время я умел хорошо объясняться по-гули-бьябонски, то Чо показал бы мне кратчайший маршрут. Но мы были друг для друга еще почти глухонемыми.

Чо иногда издавал дикий рев: не то недовольство мною, — дескать, куда, Витька, тебя несет нелегкая? — не то он проверял, есть ли кто-нибудь за ближайшей скалой. Аа отвечала ему резким свистом, звучавшим успокаивающе: пусть, мол, идет парень, какое наше дело. Я несколько раз ловил себя на том, что наблюдаю за ними и задумываюсь над тем, в каких родственных связях они находятся. Муж и жена? Брат и сестра?

Я до сих пор не знаю этого. Но товарищами друг для друга они были самыми верными. Когда Чо, раненный на смерть, облапил стрелявшего в нас Кэнта, и оба они сорвались с отвесной скалы в пропасть, сколько мук претерпела Аа, чтобы достать Чо, вынести на вершину и замуровать в камнях...

Но об этом — после.

На закате у Чо в руках оказались две убитые пищухи, и мы остановились, сделали привал. Аа мгновенно выпотрошила добычу голыми руками. Причем разрывала она брю-

хо у пищухи так ровно и аккуратно, словно, вместо ногтей, у нее на пальцах — лезвия бритвы.

Мы с аппетитом поужинали. Без соли сырое, хотя и нежное, как у кролика, мясо пищухи не вкусно, но я не без удовольствия вспоминал, как у нас на Урале, когда стряпают пельмени, любят намазывать на хлеб толстый слой только что нарубленного сырого фарша.

После непрерывного, почти без отдыха, перехода по голым горам я вдруг уснул мертвецким сном. Я был достаточно натренированным, закаленным альпинистом, да и от рождения я не хилый, но таких длительных пеших путешествий, от восхода до заката, по кручам, по скалам, по камням, до этого дня мне переносить не приходилось. Ветки опустились как-то сами собой, все тело обмякло в изнеможении, и я проспал всю ночь напролет до рассвета, наверное, и не пошевелившись.

Проснулся я в объятиях Аа. Проснулся от холода, замерзла спина. Я дрожал мелкой дрожью, и Аа прижимала меня к своему горячему телу, стараясь обогреть.

Я сразу вскочил на ноги: мне было очень неловко, что меня, словно младенца, прижимают к груди. Чтобы согреться, я стал делать самую интенсивную гимнастику. Аа продолжала лежать в расщелине между камней и, по-человечьи позевывая, сладко подремывала. По всему, ей было совсем не холодно, а мне мороз пощипывал уши.

В душе я погордился, что мой организм крепок, вынослив, не боится ни простуды, ни переохлаждения, привычен к резким изменениям температуры дня и ночи. Но я все-таки, помню, пожалел, что встал рано. Можно бы поспать еще. Мягкая шерсть Аа, ее горячая кровь хорошо грели меня, надо было просто перевернуться на другой бок. Ведь сколько мне идти еще — неизвестно. А при таких нагрузках следует больше спать и усиленной питаться.

В последующие ночи я так и делал — дрых в объятиях Аа или Чо, а то, еще лучше, между ними, как между двумя печками, до тех пор, пока они сами не подымались. Тем-

пература тела у гули-бьябонов явно выше температуры человеческого организма. Если у волков нормальная — тридцать восемь градусов, то у Чо — не меньше тридцати девяти, а у Аа, пожалуй, и все сорок.

И как много они едят! Пока я согревался спортивной зарядкой по нормативам ГТО II ступени, Аа встала и убила двух пищух. Сделала она это с ловкостью, которой позавидовал бы любой мальчишка, самый заядлый игрок в бабки. Взяв камень, она сначала на вид лениво и безразлично оглядывалась вокруг. Заприметив среди скал неосторожного зверька, которого я, например, тогда еще совершенно не умел различать, она кидала в него камень. Бросок на пятнадцать — двадцать метров получался резким, отрывистым и чрезвычайно сильным. Попадание на редкость снайперское, причем точно в голову пищухи.

А в это время на вершине недалней скалы раздался громкий протяжный крик нашего Чо. Он быстро спустился к нам, волоча за собой убитого архара. В этом диком баране не менее полуторасот килограммов живого веса, но Чо, приблизившись к нам, поднял его, как перышко, над головой, держа длинной вытянутой рукою за конец изогнутого рога.

Он бросил архара к моим ногам и приветствовал нас восторженным ревом: «Доброе утро».

Мне не надо было объяснять, что я должен делать. Я сел за работу: выпотрошил архара, освежевал, разрезал на куски. Аа и Чо, сидя рядом на корточках, с любопытством наблюдали, как в моих руках мелькает блестящее лезвие ножа. Я работал с увлечением, приятно иногда показать свое умение, свою ловкость. Мне очень хотелось, чтобы гули-бьябоны меня уважали. Я ведь их очень уважал. Что бы случилось со мною, если бы Чо не подобрал меня, когда я свалился в ущелье?

Но, когда мои мохнатые друзья стали слизывать с камней кровь архара, мне, с непривычки, стало не по себе. Они хватили камни и обсасывали их, жмурясь и урча от наслаждения. А потом даже опустились на четвереньки и пря-

мо по-собачьи начали языками подбирать баранью кровь с гнейсовой плиты, на которой я разделал тушу.

Я отошел в сторону, надеясь отыскать хоть немного топлива, чтобы не есть мясо сырым. Но разве найдешь что-нибудь в этой каменной пустыне, кроме льда, и снега, да нищих кустарничков караганы — жалкого подобия нашей желтой акации, да еще такой же мирикарии — медвежьей лапы, которую можно разжечь лишь осенью, когда на ней созреют плодики, содержащие воск. То ли дело у нас на Урале — кругом леса!

Осматривая окрестности, я заподозрил страшную вещь. Мне показалось, что мы находимся совсем в другом месте, не там, где накануне вечером я уснул. Дальнейшие события подтвердили это трагическое обстоятельство, усложнявшее мне возвращение к людям. Ночью мои милые гули-бьябоны спокойно взвалили меня, спящего, на плечи и по очереди несли.

Но куда? Где мы тогда находились? На сколько километров и в каком направлении унес меня Чо впервые, подобрав в ущелье и укрыв в пещере во время пурги? И куда меня потом перетаскивали?

С гнетущей тревогой, мрачный, я возвратился к своим мохнатым друзьям, которые пировали, пожирая архара. Не столько голод, сколько необходимость разумно поддерживать свои силы, заставила меня съесть несколько кусков мяса. И лишь нежная заботливость гули-бьябонов не давала угаснуть моей надежде на спасение. Аа и Чо наперебой подсовывали мне самое нежное баранье филе. Они, умницы, видели, что мои зубы — это зубы десятилетнего ребенка в сравнении с их мощными челюстями, в которых, как спички, расщеплялись толстые кости. С такими друзьями не пропадешь!

Я объелся. Как завзятый гули-бьябон, я поминутно хватал горстями снег, чтобы напиться. Пресная влага не утоляет жажды. Я длительное время мучился, пока не приспособился опять-таки по-гули-бьябоньи употреблять в пищу свежую кровь убитых животных и лизать солончаки.

После завтрака Аа и Чо долго не хотели идти дальше: оставался недоеденным архар и целых две пищухи. Мы уже начинали привыкать взаимно объясняться, и я с красноречием Цицерона и с жестикуляцией взбешенного глухонемого доказывал им, что надо двигаться вперед и вниз, в долину, которая угадывалась за грядой скал на горизонте. Аа и Чо показывали на добротные куски мяса, которые жалко оставлять грифам.

Я вспотел, пока уговорил, доказал, показал, что пищух и пару бараньих ног можно нести с собою. Я взял пищух, Аа и Чо — по окороку, и мы, наконец, двинулись. Гули-бьябоны поминутно оглядывались на остатки мяса, на которые сразу же налетел снежный гриф. (Кажется, точнее эта бурая голошея хищная птица с размахом крыльев больше, чем рост гули-бьябона, называется гималайским си-пом).

Жадный обжора Чо вернулся, отогнал грифа и взял с собой еще большой кусок мяса. Но через час или полтора ходьбы и Чо и Аа присели и съели все, что несли с собою. Мне ничего не оставалось, как отдать им на растерзание и обеих пищух и тоже второй раз позавтракать. Про запас.

Впрочем, полуденное солнце уже изрядно припекало, и наши мясные запасы могли бы очень скоро испортиться. Да и карабкаться по скалам со свободными руками было куда легче.

Легче! Я сейчас улыбаюсь про себя, вспоминая, каким беспомощным и слабеньким был я со значком альпиниста II ступени на груди — парень, считавшийся в университете атлетом и богатырем. В глазах гули-бьябонов я выглядел тогда, наверное, грудным ребенком, ползунком. Мне до сих

пор еще не довелось видеть гули-бьябоньего младенца, но он, в моем представлении, должен родиться сразу мастером спорта, чтобы передвигаться в этом царстве каменных глыб и сыпучих снегов, выжить и вырасти таким, как Чо, чтобы стать властелином этих бескрайних высокогорных просторов, на крыше мира, у поднебесья.

Сейчас, когда я пишу обо всем этом, я терзаюсь мыслью, что в те дни был недостаточно серьезным. В двадцать лет с небольшим вообще на мир смотришь безответственно легко. Вместо того, чтобы понастойчивей искать пути на северо-запад, я отвлекался изучением моих гули-бьябонов, старался постичь тайну их примитивного, односложного языка, наблюдал их привычки, образ жизни, учился метко бросать камни, перенимал умение ориентироваться, где обрыв, где сыпучие камни угрожают обвалом, где водятся вкусные пищухи.

Как я был наказан!

Сплошные горные массивы стали разделяться многочисленными широкими плоскодонными долинами и бессточными котловинами, которые заполнены рыхлыми геологическими отложениями. Мы спустились, наконец, в глубокую долину и несколько дней шли среди буйно зеленеющей сочной растительности. Мои гули-бьябоны набрасывались на разные травы и кустарники, даже грызли деревья, как зайцы, словно соскучились по витаминам. Я тоже, боясь заболеть цингой, старался есть побольше всяких ягод и зелени.

Несколько раз я разжигал костер, спички у меня кончались, и на последнем привале я решил пробыть подольше, поддерживая постоянный огонь. Не может быть, чтобы меня не искали, думал я. Если я буду постоянно находиться на одном месте, меня будет легче найти моим товарищам-альпинистам. И мне постоянно чудились то звуки человеческих голосов, то рокот самолета, то ржанье коней.

Аа и Чо все так же нежно заботились обо мне: кормили и холодными ночами согревали своим теплом. Но гули-бьябоны — безнадёжные бродяги. Я построил довольно

приличный шалаш, перед входом горел костер, и внутри было сравнительно тепло, но Чо и Аа никак не хотели жить под крышей. Когда я все-таки уговорил Чо расположиться в шалаше, он проковырял в стене дыру, высунул голову наружу, прислушиваясь, да так и провел всю ночь. Аа вообще ни разу не зашла в шалаш и спала рядом, как бы охраняя нас. И им никак не сиделось на месте — весь день они бродили, отлучаясь не только надолго, но и далеко.

А я сидел у костра, поддерживая огонь, стараясь, чтобы от костра поднималось как можно больше дыму.

И вот как-то под вечер я почувствовал, что на меня кто-то пристально смотрит. Я не испугался, а только подумал, что у меня появляются какие-то новые звериные способности: чутье. Или, может быть, я просто-напросто изнервничался?

Вскоре я заметил, как из-за деревьев за мною действительно следит пара любопытствующих и внимательных глаз. Говорят, уральцы обладают пониженным чувством воображения, фантазии (это из наших студенческих споров в университетском общежитии). Но я почему-то сразу представил себе, что это гули-бьябон, причем не Аа и не

Чо, а какой-то молодой экземпляр. Я крикнул по-дружески приветливо:

— Иди сюда, не бойся!

На их гули-бьябонском языке это звучит ужасно и русскими буквами не передашь.

Улыбаясь и протягивая мне пару убитых пищух, из зарослей поднялась еще более крупная, чем мои прежние мохнатые друзья, молодая гули-бьябонка. Она, по-видимому, была не только молодой, но и красивой на гули-бьябонский вкус: лицо чуть-чуть подернуто рыжим пушком, мех на всем теле гладкий, светлый, почти русский и блестящий, а выставляющийся вперед рот с красными губами полон крепких ослепительно-белых зубов.

Подошла она, как все гули-бьябоны, немного сгибая ножищи в коленях, как девчонка, впервые надевшая туфли на высоких каблуках. Опустилась рядом, настороженно оглядываясь по сторонам и рассматривая меня, словно ребенок удивительную игрушку. Я к тому времени уже имел, как говорится, счастье однажды лицезреть свою персону в зеркале небольшого озера и знал, что, обросший, грязный, вонючий, я похожу на настоящего гули-бьябоненка. Только шерсть на моей туристской куртке виднелась внутри, а не снаружи, что и было сразу замечено моей новой знакомой. Она потрогала цигейку и удовлетворенно хрюкнула.

«Э-э, да ты, матушка, совсем еще молода, коли хрюкаешь, подобно обезьяне, — подумал я. — Ну, давай посмотрим, чем ты отличаешься от других?»

Я принял ее подарок, быстро выпотрошил пищух. Гули-бьябонка была в восторге от ножа. Мы немедленно съели самые вкусные куски и довольно свободно объяснились. Ее звали Уа, и это произносилось почти как Вуа.

Рассматривая меня, она все время смеялась и трогала то мое плечо, то шею. Потом весело толкнула, и я едва не отлетел в сторону. Что я мог противопоставить силище этой богатырши? Я ткнул ее шипами альпинистских ботинок в бок, — она дернула меня за ногу, чуть не вырвав ее напроочь.

Тогда я слегка кольнул Уа ножом. Она отпрянула, потом стукнула меня по уху, а затем пыталась отнять у меня нож. Я сумел сделать вид, что выбросил его далеко на сторону, а сам незаметно спрятал в карман. В эту минуту вдаль раздался резкий свист моего Чо, я ответил ему в тон, сунув в рот четыре пальца. Тогда Уа неожиданно схватила меня в охапку и потащила прочь.

Я отчаянно сопротивлялся. Я кричал, что было мочи, призывая на помощь своего Чо. Я улучил момент, полез в карман за ножом, но его не оказалось: выпал, очевидно, когда меня хватали и подымали вверх ногами. Я пробовал душить свою похитительницу, но у гули-бьябонов совсем нет шеи, и руки мои скользили по гладкой шерсти. Я колотил ее кулаками, щипал ее, пытался бить ногами. Но ей все это было, как слону дробина, выражаясь студенческим жаргоном. Ноги мои она живо сжала мускулистой ручищей, да так, что я оказался висящим вниз головой у нее на плече.

Через несколько минут мы были уже на какой-то вершине, перевалили ее и двинулись дальше по какому-то хребту в обход зеленой долины, где мне почудилось, будто я заметил признаки человеческой жизни. Кровь прилиwała мне в голову, вот-вот, казалось, она хлынет у меня из ушей, из рта. Я боролся, выбиваясь из сил, старался как-нибудь приподнять свою гудящую голову. И вдруг у меня мелькнула жуткая мысль: а что, если Уа утащит меня за границу?

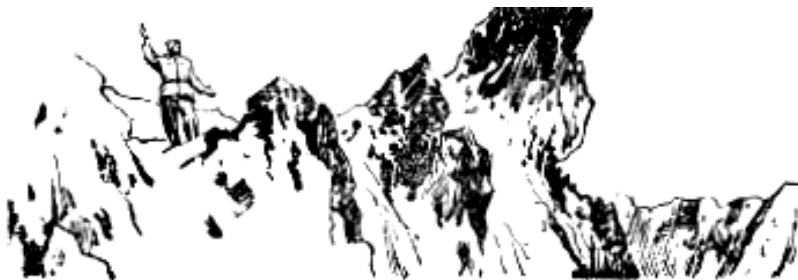
Для такой страшной мысли не было весомых оснований, я вообще не знал, где мы находимся. Но почему-то я почувствовал, что земля подо мною не наша, хотя вокруг, наверняка, на тысячу километров еще не ступала нога человека. Была ли это афганистанская земля или китайская, я объяснить не смог бы. Но вот не наша, и все! Нет, я не хочу оправдываться перед своими согражданами, которые, возможно, будут когда-нибудь читать эти записи. Я не смею выдавать себя за такого патриота, у которого так сверхъестественно развито шестое чувство — чувство родной земли. Нет! Но одна мысль о том, что меня могут переправить в другое государство, вызвала во мне ужас, от которого теряется сознание.

Я не знал, что меня ожидают впереди такие приключения, от которых я стал седым и, наверное, старым.

— Чо! Чо, дорогой брат мой! — уже не кричал, а шептал я тогда. И теперь всю жизнь я буду с благоговением проносить твоё имя. Чо, дорогой брат мой!..

7

Неоднажды я пытался спрятаться, когда Уа опускала меня на землю и отлучалась, оставляя одного. Я убегал куда-нибудь в сторону, чтобы избавиться от Уа. Но у нее был слух дикой серны, орлиное зрение и нюх овчарки. Каждый раз Уа быстро отыскивала меня, нисколько не сердилась, добродушно ворчала, очевидно, считая меня щенком-несмышленком, и кормила меня мясом добытой пищи. Она говорила мне «бох-бох» и другие комплименты, урчала и преданно терлась волосатой головою. А потом снова бесцеремонно сгребала меня в охапку, взваливала на богатырское плечо и несла дальше. Я даже приспособился и ехал на ней уже не вверх тормашками.

Я чувствовал и понимал ее хорошее отношение ко мне. Только один раз я получил от нее злую затрешину, от которой свалился замертво и долго был в беспамятстве.

Произошло это так. На пятый или шестой день Уа, как обычно, положила меня в укромное местечко между скал и отправилась за пищей. Я проклинал себя за то, что обронил свой нож при первом знакомстве с Уа. Можно было бы зарезать ее или хотя бы покончить с собой — до такого отчаяния я дошел, когда убедился, что утащен за границу. Мы двигались все время на юго-восток, и горные гребни становились все более и более оледенелыми, а в разломах известняка и кристаллических сланцев начинали попадаться горячие источники. Резко расчлененный рельеф, почти без ровных плато, глубокие узкие ущелья, вместо поперечных равнин, — все говорило о том, что я уже не на Памире. Где же? Если двигаться от Памира на юго-восток, то, насколько помнится, попадешь на Каракорум. Но это уже за граница!..

Все подтверждало мне, что я на Каракоруме — на хребте самого мощного в мире оледенения и втором в мире по высоте. И я твердо решил покончить с собой. Плутать, как гули-бьябон, среди пустынных скал и снегов у самого поднебесья, но на своей территории — еще куда ни шло: есть надежда на спасение. Родная земля, пусть голая, каменистая, вселяет эту надежду и укрепляет ее. А таскаться в таких условиях по заграницам!.. Честное слово, лучше умереть!..

Я выбрался из расщелины, где меня оставила Уа, и сердце мое сжалось от безнадежности. Солнце стояло высоко над снежнокаменными кручами, ясно показывая мне юг. Я взобрался на какую-то вершину и увидел, что горные кряжи справа, слева, впереди и позади меня четко протягивались на юго-восток, даже почти на восток. Нет, это уже не наша страна!..

Я попробовал разбить себе голову о скалу. Но то ли мой череп крепко скроен, то ли в отчаянии у меня не хватало сил, — я ударился несколько раз и лишь набил огромную шишку, потекла кровь, голова загудела, но я оставался живым. Тогда я вскочил и опрометью бросился вниз по снежному почти отвесному склону поперек хребта. Когда меня несли по этим местам, я заметил небольшую висячую долину и теперь подумал, что прыгну с нее вниз головой. В высокогорных областях, бывает, большой ледник, стекая по главной долине, углубляет ее быстрее, чем боковые менее мощные леднички — свои долинки, вот они и полукаются висячими над главной, как балконы. И высота вполне достаточная, чтобы разбиться в лепешку.

В несколько минут я скатился на несколько километров вниз испытанным гули-бьябонским способом, управляя руками, как рулями. Оглядываясь, остерегаясь, чтобы меня не нагнала Уа, я поднялся и побежал что было сил. Дальше склон был голый, без снега, но я уже бегал по скалам не хуже архара. Правда, шипы на моих ботинках поистерлись, и по льду я заскользил бы, но по камням мог соперничать даже с самими гули-бьябонами. Я очень боялся,

что выдохнусь, прежде чем вернется и начнет преследовать меня Уа, она-то могла ходить быстрыми шагами без усталости, и этот страх подгонял меня.

И надо же было, чтоб я упал! Спрыгивая с какой-то скалы, я не удержался на ногах, потому что уступ оказался оледенелым и покатым, и растянулся почти плашмя на острых камнях. Кое-как поднялся и снова упал — уже от боли в колене. Пришлось сесть отдышаться. Засучив штанину, поглядел: кожа ободрана до самой кости.

Альпинисту часто приходится быть в синяках, кроме того, я с мальчишества привык переносить любую боль, потому что в детстве был драчуном и забиякой. Но тут мне пришлось туго. Свербящая, ноющая и одновременно колющая боль в коленке, сама, помимо моей воли, выжимала из меня стоны, как я ни старался сдерживаться, прикусывая губы.

Разбитая нога вынудила ползти. Я изодрал в кровь руки, порвал куртку на груди, но упорно двигался вперед, торопясь и тупея от боли. Сказал бы мне с месяц назад кто-нибудь (даже Танечка, которая всегда подсмеивалась надо мной), что человек может упрямо ползти, преодолевая мучительную боль, упрямо ползти только для того, чтобы броситься вниз головой и разбиться, — я не поверил бы. А тогда я спешил и спешил, чтобы успеть умереть до того, как меня разыщет и настигнет Уа.

Не знаю, может быть, она меня и любила, эта молодая обросшая шерстью богатырша с блестящими желтыми глазами. Но ее материнская нежность, ее самозабвенное беспокойство о том, чтобы я был сыт и не замерзал морозными ночами, ее трогательная заботливость и ласковое облизывание языком так и не вызвали тогда во мне даже чувства симпатии. Я потом безжалостно помог убить ее. И только сейчас, когда описываю все это, я жалею дикую красавицу Уа. Наверное, можно было не уничтожать ее, а как-нибудь договориться жить в мире и согласии.

Я дополз до края обрыва и собрался с силами, чтобы кинуться вниз, и услышал над головою протяжный, громкий, гули-бьябонский, словно порыв урагана, свист. Я даже

выругался: успела все-таки найти меня противная Уа! Я свесил голову в пропасть, оставалось последнее движение, чтоб перевалить через край, и тут вдруг почувствовал, что это не Уа, что свистит мой старый Чо.

— Вить-Вить-Вить! — раздавался пронзительный свист.

Я поднял голову. Напротив меня, на другой горе, тоже на краю висячей долинки стоял Чо. Он махал мохнатыми ручищами и радостно подпрыгивал, хлопая себя по бедрам, рыжим, на солнце почти золотистым.

Мой родной Чо! Позабыв о боли, забыв о своем намерении умереть, я вскочил на ноги и заорал:

— Чо! Дружище! Иди сюда скорее!

8

Нас разделяло всего метров двести. Эх, если бы Чо или я умел летать! Под нами лежала глубокая долина, спуститься в которую не было возможности ни мне, ни ему. Мы стояли друг против друга, словно на гигантских каменно-мертвых коврах-самолетах, под нами плыли облака.

— Вить-Вить! — полукричал, полусвистел Чо и, показывая мне в сторону, быстро зашагал по краю висячей долинки.

До места, где ущелье смыкалось, было километров десять. Там виднелись крутые снежные склоны в ущелье и со стороны Чо и с моей. Можно быстро скатиться и встретиться.

Прикинув расстояние, я заковылял в ту же сторону, что и Чо. Он свистел, кричал, что-то бормотал. Я не мог разобрать смысла, но понимал, что мой Чо рад за меня, рад видеть меня живым, рад, что догнал меня. Он все время что-то показывал мне зажатое в левой руке, но я не разглядел.

— Где же Аа? — спросил я, сложив руки рупором у рта.

— Аа! Аа! Аа! Аа-а-а-а! — закричал он в ответ, остановившись и обернувшись назад.

Я понял, что Аа тоже где-то недалеко, и тоже начал звать ее, помогая старому Чо, и, как можно быстрее двигаясь вперед, чтобы поскорее сойтись со своим испытанным другом.

Интересно устроен человек! Не снежный, а настоящий, вроде меня. Всего несколько минут назад, казалось, ничто не могло бы меня остановить и отвратить от безумного решения — броситься вниз головой в пропасть. Почему? У меня не было другого выхода, мне не хотелось жить, хотя меня кормило, согревало и заботилось обо мне сильное человекоподобное существо — гули-бьябонка Уа, с которой явно не пропадешь в этом холодном льдисто-каменном хаосе безлюдных бесконечных гор.

Но появился Чо, такое же человекоподобное существо. Какой теперь открывался выход из трагического положения студента-альпиниста, попавшего с одним лишь комсомольским билетом в какую-то — неизвестно какую — страну? Никакого выхода! Чо ведь даже не смог бы объяснить мне, где я: в Китае, в Афганистане, в Индии или Непале? И что меня ждет впереди? Ничего не прояснялось после встречи с Чо.

Тем не менее, я ожил. Я шагал, забыв о сумасшедшей боли в разбитой ноге, не чувствуя, что хромаю, и не спуская глаз со своего Чо, который важно выступал по другую сторону пропасти. Я стал замечать окружающую жизнь. Я с наслаждением смотрел, как убегал в гору мощнорогий архар, как вскинулся и полетел, трусливо замахав крыльями, гигантский снежный сип, как вдали вперегонки бросилась наутек, завидя моего Чо, многочисленная стая красных волков. Эти красно-желтые пушистохвостые зверюги, поменьше наших уральских серых волков, видимо, дружно осаждали какую-нибудь парочку горных козлов. Но как только они заметили Чо, все столь же панически, сколь и сплоченно, ринулись напропалую подальше от него.

Да. Гули-бьябон в этих краях — царь зверей, владыка гор.

В те минуты я был так рад встрече со своим Чо, что даже не подумал: каково было бы мне, если б стая красных волков охотилась на этой стороне пропасти, где шел я. Впрочем, я, наверное, ни о чем не думал. Я спел своему Чо нашу уральскую частушку «Милый, чо, да милый, чо...» и, как мальчишка, впервые познавший эхо, бодро и беспечно кричал вместе с Чо, когда он время от времени останавливался и звал свою Аа:

— А-а-а! А-а-а!..

Эхо далеко разносило наши дружные голоса по горам, сверкавшим на солнце заснеженными гребнями и гранями льда, отшлифованного ветрами до голубизны.

Наши веселые крики тогда и принесли мне новые грустные приключения.

Нивесть откуда и совершенно неожиданно на меня налетела моя рыжешерстная похитительница Уа. Она догнала меня так ловко, что я не слышал ее шагов и обернулся лишь тогда, когда на моей спине оказалась ее косматая ручища. Я успел только увидеть, что она негодуя сузила в темные щелки свои желтые глаза, как это делают злые девчонки. В следующий момент я получил от нее затрепичу по уху и, наверное, грохнулся наземь, потеряв сознание. А может быть, и не успел упасть, как она подхватила меня, взвалила на плечи и потащила.

Что теперь сетовать и рассуждать! Возможно, не орали бы мы со старым Чо — Уа не успела бы отыскать меня. И Чо меня не отдал бы и прогнал ее. И молодая красавица Уа жила бы себе и жила. И тогда бы, возможно, мы не встретили экспедицию мистера Кэнта... Эх, если бы да кабы, да во рту росли грибы!

Я пришел в себя от обжигающего ветра, который колотил лицо, шею миллионами сухих, словно песок, снежинок. Уа несла меня сквозь буран и тяжело дышала. Я отвернулся

от ветра, пошевелился, кое-как натянул на голову капюшон, обхватил рукой свою владычицу за шею, вернее за то место, где должна быть шея, сунул пальцы поглубже в ее шерсть.

Уа почувствовала, что я жив, повернула ко мне румяное волосатое лицо, оскалила в приятельской улыбке свои крупные зубы, ласково поурчала и прибавила шагу. От нее пыхало жаром, и если б не сногсшибательный ветер, то над нами взвивались бы клубы пара. Ее голова, живот, бедра заиндевели, а на шерсти ниже колен висели крупные ледяные сосульки. Но она шла и шла, только ей одной ведомо, куда, потому что в трех шагах из-за мчащейся снежной пелены ничего не было видно.

Здесь, в горах, на крыше мира, вдали от морей, при резко континентальном климате, естественны и дневной нагрев, и ночное охлаждение почвы. Утрами всегда заморозки, а взойдет солнце, накалит каменные громады, и стоит теплынь градусов до двадцати. Но после заката все опять быстро остывает. И бывает такое резкое понижение температуры, что я закрываю уши. А ведь они у меня уральские, и до минус двадцати пяти, а то и до тридцати в Свердловске я никогда не опускал верх ушанки.

Неожиданное падение температуры здесь вызывает сумасшедшие ветры, прямо-таки уральские бураны и пургу. С той только разницей, что здесь не поймешь, то ли это снег из туч, которые опять-таки неизвестно где, наверху или внизу, то ли это снег сдувает с вершин, и поэтому он такой крупный и льдистый. А эта снежная буря была такая сильная и холодная, что я заподумывал: уж не пришла ли зима, может быть, Уа несет меня несколько месяцев?

Мы вошли (странно звучит «мы вошли», когда я лежу на загравке, и меня быстро несут — попробуй вырваться!) в неглубокую расщелину. Две отвесные каменные стены образовывали неширокий коридор, в который только сверху сыпался снег, и было сравнительно тихо.

Я сказал Уа, дескать, давай здесь остановимся.

— Чо, Чо! — ответила она, показывая рукой назад и пошла еще быстрее.

«Хорошо, — думаю, — значит, мой Чо идет за нами. Но откуда Уа это знает?» — тут же усомнился я. При всех самых высоких способностях чуть запахи, шорохи и еще черт знает что, едва ли можно в этакый снежный буран догонять по следу и, тем более, ощущать чье-то преследование.

«Выдумывает все эта Уа!» — решил я и впал было в самую настоящую меланхолию. Мне стало все равно, на все наплевать, будь что будет!

Однако мысли есть мысли. Думать — прекрасное свойство человека! Оно все время беспокоит тебя, напоминает о том, что ты жив, живешь, а отсюда появляются мысли: зачем и для чего живешь, и что ожидает тебя в будущем, и что ты сам можешь и должен сделать для своего будущего.

Я никогда не был пессимистом и не стал им здесь, в обществе гули-бьябонов. Среди них уныния не бывает. Может быть, потому что они не читали стихов Есенина, не учатся и не получают двоек, их не продергивают в стенной газете за плохое поведение — не знаю! Это сложный философский вопрос.

Но, во всяком случае, например, тоскливый свист неистового ветра и мрачная завеса калейдоскопически вертящегося перед глазами снега, которые могут нагнать на слабонервного человека полное отчаяние, — в гули-бьябоне пробуждают только энергию и упорство, прилив упрямых сил и неукротимую волю. В этом они похожи на наших альпинистов, туристов, геологов-разведчиков и вообще на всех тех, кто одержим страстью достичь намеченной цели.

Подставляя ветру и снегу лицо, я стал думать о своем научном сообщении в родном университете: «Человекоподобное существо — гули-бьябон».

Я увлекся и перестал замечать окружающее.

Я сделал твердый вывод, что гули-бьябоны не дикие животные, а люди, стоящие на самой первой ступени человеческого развития. У каждого из них есть зачатки характера. Да-да, именно характера. Ведь у дикого животного, как известно, не может быть характера, а только темперамент.

Очень жалею, что у меня не было таких мыслей прежде, когда мы в общежитии спорили с Колькой Ильинским. Колька много раз доказывал, что главное у человека — темперамент, это, дескать, его внутренняя сущность, непеределываемая основа. У одних, дескать, есть страстная порывистая настойчивость, а у других ее нет, и с таких, дескать, взятки гладки. Колька прикрывался тем, что он флегматик по темпераменту, и был подчеркнутым пижоном, антиобщественником.

До чего же ты, Коля, примитивен! У тебя темперамент гули-бьябона, они тоже, как ты, медлительны, и их как будто бы ничем не удивишь. Но если у гули-бьябонов это естественно здесь при низкой температуре, в суровых условиях высокогорной жизни, в разреженном воздухе, то у тебя это просто отсутствие высокоразвитого интеллекта. И ты еще этим рисуешься, подолгу не ходишь в парикмахерскую, говоришь, что это твой стиль. Ты просто равнодушный ко всему человек. Тебе лишь бы хорошо и вовремя поесть, поярче одеться да не заболеть; чуть вскочит прыщик на морде — у тебя уже трагедия!..

Тьфу! Я даже унизил моих гули-бьябонов, сравнив тебя и твой стиль с ними. Тебе бы, человек Коля Ильинский, такие черты характера, какие в зачатке есть у гули-бьябонов: мужество, чуткость, верность товариществу, последовательность, целеустремленность!

Ну, ладно. Я отвлекаюсь опять, а уже исписана половина блокнота, доставшегося мне от покойного мистера Кэнта. Кто знает, может, я не выживу, и этот блокнот будет

моим последним словом к товарищам людям. Надо писать поэкономнее.

Наконец моя владычица Уа (ну, как не владычица, если я в ее руках — ее собственная игрушка!) затащила меня в большую пещеру. Большую — сравнительно с той, где я познакомился с Чо. Я пригляделся, но глубина ее терялась в темноте. В пещере было тепло, даже жарко, а весь пол оказался усыпанным крупным золотым песком — каждое зерно в ноготь величиной.

— Ого! — не удержался я от восклицания.

У нас на Урале много украинцев и поэтому часто слышишь мягкое произношение звука «г». Видать, и я сказал: «Охо!» А «хо» по гули-бьябонски означает нечто страшное и опасное.

Уа собиралась было сразу уходить, но задержалась, стала уговаривать меня, что никакого «хо» здесь нет. Она мягко хлопала меня по плечу, закатывала глаза и смеялась, объясняя, что пойдет за едой, а я могу лечь спать. Уа даже погладила рукою теплое пещерное дно под моими ногами, устланное золотой щебенкой, и подталкивала меня идти поглубже.

Ну, как ей растолковать, что в глубину пещеры забираться рискованно? У нас, особенно на западном склоне южного Урала, пещеры не диковина. Я смекнул по теплому влажному воздуху, что здесь процесс карстового образования еще не закончился, порода трещиновата и пориста, может обвалиться, что в толще идет уже механический размыв, подготовленный растворением горячей во-

дой бьющего где-то поблизости гейзера. В глубине действительно раздавался шум воды.

Я ковырнул пальцем влажную стену, от нее легко отделились крупные зерна золота. Размягченные спайки меж зерен в породе были какой-то маслянистой глиной, похожей на пульпу при флотации медной руды, в которой, как известно, много золота.

Попробуй популярно объясни безграмотной гули-бья-бонке карстовые явления! Я и сам, хоть и уралец, плохо разбираюсь в геологии. Пришлось сказать, чтобы она быстрее уходила, а самому сделать вид, что укладываюсь спать, конечно, недалеко от входа.

Раньше мне никогда не приходилось лежать на золоте. Но ничего особенного я не ощутил. На траве или даже на снегу куда лучше! Какой все-таки дурак был мистер Кэнт, когда не поверил моему рассказу о золотой пещере. По себе судит! «Если бы у вас действительно было столько золота, — сказал он, — вы никому бы об этом не говорили». А ведь мы с Чо могли бы откупиться от Кэнта.

Не помню, сколько я ждал красавицу Уа в этой золотой пещере. Вернее, я ее и не ждал. Метель в горах утихла, наступил тихий вечер, и я уснул, разомлев от влажной жары. При всех сложных переживаниях, я, оказывается, не утратил здоровой способности засыпать к ночи и дрыхнуть, как убитый, без сновидений. Верно, стало быть, говорят: уральцы — люди крепкие, у них пупы железные.

Впрочем, тогда я, кажется, видел во сне свою покойную мать. Она, будто бы, делала пельмени, и я выпросил у нее немножко сырого фарша, который очень вкусно пахнул. Намазал его на ломоть хлеба. Наверно, я был голоден.

Утром меня разбудил Чо. Да-да, именно Чо. Просыпаясь, я посчитал, что возвратилась Уа, и приготовился отбрыкиваться от ее нежностей. Прямо перед входом в пещеру алела заря. Оранжево-красная над каменными глыбами, она заливала зловещим светом снега, ставшие алыми, точно кровь. А само небо, словно избавляясь от этого неприятного цвета внизу, светлело и светлело без единого облачка, чем выше, тем голубее.

— Вить! Вить! — свистяще хрюкнул Чо, приплясывая на короточках передо мной.

Уа не называла меня Вить, она мне всегда говорила «бох» — высшая похвала на гули-бьябонском языке. Я недоверчиво взгляделся в лицо: да, это был, несомненно, мой Чо.

Мы обнялись до хруста в костях. Моих костях, конечно. Чо радостно урчал. Потом он запустил свою волосатую пятерню себе в рот и извлек из-за щеки мой нож. Какой

молодец! Он его нес в руке, подобрав там, где меня похитила Уа, его, видимо, он и показывал мне, когда мы встречались на разных краях пропасти. А потом положил нож себе за щеку, чтобы не мешал в руках.

Я с ликованием схватил свое последнее достояние, орудие труда, отличающее меня от гули-бьябонов. Все золото подо мною ничего не стоило в сравнении с этой ценностью — дешевеньким складным ножом!

— Какая ты умница, Чо! Честное слово, ты умнее некоторых университетских тупиц, зачисленных в студенты по протекции папенок и маменек!.. Это же нож! Орудие труда! Понимаешь?

Я раскрыл нож, пощупал — не затупился ли, поднял первый попавший под руку самородок и, напевая: «Все куплю», — сказало злато. «Все возьму», — сказал булат...», — с успехом продемонстрировал внимательно следившему за моими движениями Чо, как стальное лезвие режет золото.

— Видишь? Золото здесь совсем чистое. Его твердость в чистом виде чуть больше, чем у гипса. Такое золото — редкость: обычно оно содержит серебро или медь, около

четверти состава, или, в крайнем случае, находится в минерале вместе с теллуром — в кренерите, в калаверите, в сильваните. Причем, не путай с сильвинитом — то, брат, сырье для калийного удобрения. У нас на Урале многие в золоте понимают, а отец мой даже был в молодости старателем-золотоискателем.

Глупо было, конечно, читать для Чо такую лекцию, блистать перед ним своей эрудицией, хвастаться. Но я был так счастлив, что мы снова вместе! Немудрено, если б я тогда же стал рассказывать ему про Таню, которая учится на нашем курсе и ждет, что я ей из альпинистского похода привезу какую-нибудь редкостную достопримечательность. В хорошие минуты жизни человек всегда думает о самом близком и дорогом.

Чо внимательно слушал меня, кивая головой и согласно похрипывая, словно все понимал. Он тоже поднял кусочек золота и пожевал в зубах, расплющив его. А я взял и отрезал у него с плеча большой клочок черно-рыжей шерсти, скатал в комочек, потер им щеку, чтобы подчеркнуть ему свою признательность, и спрятал реликвию у себя на груди.

— Это я от тебя передам привет нашим ребятам. Понял?

Чо громко смеялся, в восторге оскалив зубы. Но тут же нахмурился и весь как-то сжался, мгновенно сбив с меня сентиментальное настроение и вернув в реальную обстановку, окружающую нас.

— Хо! Хо! Хо! Хо! — закричал Чо, взмахивая мохнатыми руками и всматриваясь в глубину пещеры.

Всходило солнце, и первые лучи, словно прожектор, осветили пещеру. Я обернулся. Все стены на много сотен метров сверкали золотыми блестками, а вдали, куда показывал Чо, поднимались клубы желто-зеленого пара.

Мы оба попятились к выходу. Я от неожиданности, Чо из убежденной предосторожности.

— Не бойся, — успокаивал я. — Это плавится золото. Там, наверное, выход горючего газа. Мы сможем там добыть огня, спичек-то у меня больше нет.

Я залюбовался необычайным зрелищем. Там кипело и выгорало золото. Золотые лучи солнца пронизывали пещеру далеко вглубь, и дорога туда, дорога из золотых самородков, сверкала зеленоватым блеском. И зеленоватый дымок испаряющегося золота тоже был золотым.

Сколько еще нетронутых человеком богатств на нашей лишь частично обжитой планете! Они ждут и здесь, в этих неприступных снежнокаменных краях, своего хозяина.

Конечно, будет время, и в Китае, и в Индии (на чьей же я территории?) народ возьмет власть в свои руки и придет штурмовать дикие, таинственные горы, искать, добывать, разрабатывать сокровища этих недр, тосящих по человеческим рукам.

Как и следовало ожидать, вернулась Уа. Но ни я, ни Чо не предполагали, что она полезет драться. Она появилась с ворохом набитой сажки в руках. С десятков этих больших, оранжевых в черную полоску птиц она сунула прямо в лицо моему Чо, с расчетом обескуражить его, и пыталась сгрести меня в охапку, что-

бы сразу утащить.

Чо не оторопел. Он спокойно отмахнулся от кучи птичьих туш и заступился за меня — взял Уа за плечи, люто крикнул, отшвырнул ее в сторону.

И через минуту я едва не усомнился в своем выводе, что гули-бьябонь — это люди на низшей ступени человеческого развития.

Уа дико завизжала, как сто девчонок разом, и прыгнула на Чо, стараясь совсем по-бабьи выцарапать ему глаза. Старый Чо был выдержаннее и сначала хладнокровно отмахивался руками и ногами. Им быстро стало тесно под сводами пещеры, двум рычащим мохнатым огромным зверям, и Чо, сначала осторожно оттерев меня наружу, вырвался из пещеры сам.

Тогда Уа, выскочив за нами, окончательно рассвирепела — подняла обеими руками каменюгу, этак килограммов на триста, и с размаху бросила в Чо, словно мяч на баскетболе. Чо увернулся. Она схватила другой камень, чуть поменьше, и прицелилась. Но Чо успел подбежать к ней, стиснул ее вытянутые над головой руки, тряхнул — и камень выпал. Он не отпускал ее, ругаясь — что-то бормоча зло и угрожающе, но она повисла у него на руках и исступленно заколотила ногами ему по животу. Чо скрючился и оттолкнул ее подальше.

Я стоял ни жив ни мертв.

Уа мигом кинула в Чо еще одним камнем, величиною с набитый рюкзак, прямо одной рукой, как это делают все гули-бьябоны на охоте. Чо заслонил голову, но камень угодил ему в грудь. Мой Чо пошатнулся, и Уа, ни секунды не медля, не давая ему передышки, навалилась на него, кро-

вожадно вцепилась зубами в плечо. В жестокой схватке, ударяясь о камни, оба упали. Шерсть клочьями взлетала над ними.

Уа моложе и, видать, ловчее. Она быстро оказалась сверху. Старый Чо, лежа ничком, захрипел, задыхаясь. Увидев, что его ноги конвульсивно задвигались в воздухе и уже не задевают Уа, я, не помня себя, раскрыл свой нож, кинулся на нее и всадил лезвие в холку по самую рукоять. Резко повернул, как на медвежьей охоте, и вынул.

Уа взметнулась на ноги, попятилась назад на несколько шагов, приготовливаясь наскочить теперь на меня. Ее желтые большие глаза превратились в черные хищные щелки. Она уже присела, чтобы покончить со мною одним прыжком.

Но тут поднялся Чо и, взяв двумя руками большой камень, запустил его в Уа. Он попал ей в самый лоб. Конечно, никакой, даже гули-бьябонский череп, не выдержит такого удара.

Старый Чо медленно подошел к рухнувшей замертво Уа. Отдышавшись, он опустил перед ней на колени и жалобно-жалобно заурчал, поглядывая на меня с укоризной.

Потом он некрепко сжал мою руку и подтянул к сердцу Уа. Сердце остановилось, в этом не было никакого сомнения. Я отвернулся: вид разmozженного черепа — не из приятных. А Чо поднялся, обошел вокруг трупа, чтобы заглянуть мне в глаза.

Наши взгляды встретились. Чо покачал головой и испытующе, вопросительно смотрел на меня в упор. Я тоже встал, не отводя глаз. И наш безмолвный разговор, как мне показалось, был, примерно, таким:

— Я не виноват, что так получилось. Ты на меня не сердишься? — говорил Чо,

— Я понимаю, дружище, — говорил я, — что вас, гули-бьябонов, по-видимому, осталось очень мало, и, конечно, мне горько-горько, что погибла молодая Уа. Но поверь, у меня не было к ней никакого расположения. Она хорошо относилась ко мне, безусловно. Но я был все-таки ее пленником. Пленником. Понимаешь?

Не знаю, может быть, мне всего лишь показалось, что мы с Чо поняли друг друга. Он совсем по-человечьи положил мне руку на плечо и похвалил меня:

— Бох!

Я спросил, пощупав его грудь, где сквозь шерсть просвечивал огромный кровоподтек:

— Как тут? Ничего?

В доказательство, что все ребра целы, Чо яростно и бодро поколотил себя в грудь кулаком. И вдруг повел носом, выпрямился, насторожился, напряжился весь, прислушиваясь к тишине мертвых гор вокруг. Я тоже внимательно огляделся окрест.

И из очень дальнего далека до нас донесся тоскующе ищущий рев:

— Оо-оо-оо-оо!.. О-о-о-о!..

— Аа! — воскликнули мы разом и как-то даже облегченно.

10

Вскоре Аа, постояв на ближайшей вершине и издали стараясь разглядеть, что у нас произошло, спустилась к нам. Чо уткнулся лбом в ее лоб, и они долго терлись друг о друга, чуть слышно урча и побряхывая. Чо ей, наверное, объяснил все.

И тогда они подняли убитую Уа и понесли ее на плечах в ближайшую расщелину. Я не мог быть безучастным и тоже подставил плечо под тяжелую грустную ношу.

Мы несли ее долго, очень долго. Чо медленно шагал впереди на полусогнутых ногах, шагал осторожно, словно с переполненной чашей, из которой нельзя пролить ни одной капли. Светило солнце, ослепительно, до рези в глазах сверкали вокруг нетронутые снега, окаймленные дочерна темными траурными ребрами скал. Если беспрерывно смотришь на однообразные горы под ярким солнцем, зре-

ние перестает воспринимать оттенки. Только черное, белое и голубое было вокруг.

Когда наша процессия спустилась на дно неширокого и неглубокого ущельица, Уа положили наземь. Чо и Аа осмотрелись и выбрали нишу в стене, полузаваленную крупными камнями. Не издавая ни звука, они начали разбирать камни, аккуратно складывая их в стороне. Я принялся помогать.

Стояла жара, и мы часто прерывали работу, чтобы поесть снегу. У меня начинала кружиться от голода голова, снова разболелась разбитая коленка, но мои гули-бьябоны и не помышляли прекращать выборку камня из ниши. Она медленно углублялась и углублялась. Рядом вырос целый курган из камня, почти в два моих роста. Над нами то и дело кружились снежные сипы, но ни один не осмелился спуститься к мертвой Уа, лежавшей поодаль.

Меня уже покачивало от голода и непосильного труда, ведь я больше суток ничего не ел. Аа заметила, как я пошатнулся, таща камень, и протянула мне какую-то жалкую

полусухую травинку. Для подкрепления. Я безразлично сжевал ее и тяжело вздохнул.

И опять Аа с Чо перетолковали меж собою, и она ушла ненадолго. Возвратилась со множеством больших, буроватых с темными пятнами яиц в пригоршне. Я быстро съел все яйца. Аа с нежной грустью поглядывала на меня, как мать на хилого, заморенного ребенка. Она тоже устала и села отдохнуть, поскребывая себе голову, словно расчесывая волосы — толстые, как проволока.

Чо неистово работал, не сделав ни единой передышки, пока не выбрал к закату солнца весь камень из углубления. Опять молча, все втроем мы перетащили труп Уа в нишу, ставшую вместительной, как небольшая пещера.

Быстро темнело. И в коротких сумерках, когда Чо старательно усаживал мертвую Уа в нише, я невольно сравнил ее, молодую, со старой Аа. Да, Уа была настоящей красавицей. Даже бездыханное тело ее выглядело упругим и сильным, а черты лица мужественными и по-своему обаятельными. Чо усадил ее на вечный отдых, и она, казалось, просто устало над чем-то задумалась на минутку. А старая Аа ссутулилась, стоя рядом, и беззвучно всхлипывала. По ее морщинистым, обросшим мелким волосом щекам текли слезы, и могучие, но уже дряхлеющие плечи дрожали.

Чо начал укладывать камни обратно в нишу, замуравывая Уа. Я стал помогать, воспрянув силами после десятка сырых яиц. Не осталась в стороне и Аа.

Камень за камнем. Стук за стуком — размеренные тихие звуки. В южных краях солнцу стоит лишь скрыться за горизонтом — сразу наступает непроглядная темень. Но в этот вечер небесную вахту быстро сменила полновесная луна и залила всю округу холодными струями зыбкого желтого света. И словно сдвинулись в траурном молчании горы, мрачно обступили нас, будто захотели стиснуть и захоронить в себе еще двух гули-бьябонов со студентом в придачу, как приняли в свои недра красавицу Уа.

Мы продолжали работать и работать, я лез вон из кожи, чтобы не отставать от друзей. К утру ниша была завале-

на камнями на несколько метров толщиной. Ни дать, ни взять — произошел естественный обвал. Кто, проходя мимо, догадается, что под россыпью гранитных и гнейсовых глыб, навороченных старыми Чо и Аа, в толще горы покоится их молодая соплеменница.

Снова взошло солнце, и я заторопил моих друзей. Вперед! Вперед на северо-запад! Хотя, впрочем, слишком на запад нельзя: вдруг забредешь в Афганистан. Мне надо во что бы то ни стало дойти туда, где в припамирской горной области смыкаются льдистый Каракорум и островерхий Куэнь-Лунь! И пусть впереди хоть тысяча километров пути, я дойду до людского жилья, дойду до родной страны!

Аа и Чо не противились, шли туда, куда я показывал. Они трогательно заботились обо мне и не раз предлагали тащить меня. На небольшом высокогорном плато мы натолкнулись на птичий базар саджи. Саджа чуть похожа на голубя, только гораздо крупнее, в несколько раз, и охристая, почти оранжевая, низ беловатый, а на голове, на груди, спине и хвосте тонкие черные полоски. А пальцы сросшиеся, поэтому ее зовут еще, кажется, копыткой. Гнездо у нее прямо на земле, в каждом — два-три буроватых, с темными пятнами яйца. Вот уж попили мы этих яиц! Сначала били саджу камнями и съели несколько штук, а потом надоело потрошить и ощипывать их, и стали лакомиться одними яйцами.

Стараясь и по аппетиту не отставать от гули-бьябонов, я объелся до щемящей тяжести в желудке. После мы все трое заснули под какой-то нависшей скалой. И в ночной мороз меня согревали мои горячие, как печки, мохнатые друзья.

Я настраивал себя спать чутко, чтобы Аа и Чо снова не понесли меня куда-нибудь. Но где там! Стоило мне положить голову на мягкое плечо старой Аа, я словно провалился в небытие. И вполне вероятно, что Чо опять нес меня, как ребенка. Куда? Не знаю. Во всяком случае, когда лучи утреннего солнца защекотали мне веки и я проснулся, трудно было определить: на много к северо-западу мы про-

двинулись за ночь или не на много. Может быть, мы уклонились на восток.

Но так или иначе, к полудню мы подошли к большой котловине. И внизу я увидел сизые дымки костров и белые палатки лагеря какой-то экспедиции.

Я хрипло заорал, мгновенно ошалев от бурного восторга:
— Люди! Ура-а-а!..

Опасливый Чо благоразумно взял меня за руку и попытался отвести назад. Но разве я послушался?

— Люди! Ура-а-а!..

Увы! Мой Чо верно чувствовал, что встреча с этой экспедицией чревата трагическими последствиями. Почему я тогда не подчинился ему и был так

неосторожен? А ведь я грамотный, я знал, что люди на земле разные.

11

Рассерженная Аа рвала руками траву, порывивала, приседая и подпрыгивая. Бедные мои гули-бьябоны! Как вам растолковать, что я не могу вечно быть с вами, хоть и рад вашему обществу, и нет границ великой благодарности вам за все заботы обо мне. Я же человек настоящий, не снежный, и я должен жить среди людей.

Когда я упрямо двинулся вниз, Аа настойчиво бросалась вперед и вставала передо мной на четвереньки, загораживая дорогу. А старый Чо несколько раз пробовал схва-

тить меня в охапку, чтобы не пустить дальше. Но я раскрыл свой нож и выразительно помахал перед самым носом грустно-свиристого Чо, перед глазами плаксиво-печальной Аа. Тогда они приотстали. Но потом все-таки не раз дружным дуэтом раздавался их отрывисто-визгливый крик, и они снова настигали меня, пытаюсь остановить, вернуть.

Во всем виновата моя уральская настырность. Уж если уральцу что втемяшится в голову, если он задумал что-нибудь и решил, никакая сила его не задержит. Километр за километром, уступ за уступом преодолевал я, со скоростью матерого архара спускался в долину. Стараясь, чтоб мои гули-бьябоны не помешали мне, я поминутно оглядывался назад и так спешил, так торопился к цели, что на одной террасе, сам не знаю как, попал в ловушку.

То ли облако зацепилось за угловатую кручу и повисло на краю бездонного ущелья, то ли от шумящего где-то в глубине водопада поднимались испарения, — не знаю. На крошечной терраске справа вставала отвесная стена, бесконечной высоты, с нее свешивался голубой, зловеще поблескивающий на солнце лед. Сзади, меж гигантских скал, остался узкий проход, по которому я спустился. Впереди был наклонный неширокий, с полметра, карниз, куда мне и следовало осторожно двинуться дальше. Но с четвертой стороны появилось облако, в него я и врезался.

За живыми клубами густого белого тумана, сразу охватившего всего меня, я не заметил, что слева был обрыв, и оступился. Нога сорвалась в пустоту, я повалился набок, но край в мелких камнях осыпался, и я съехал всем туловищем вниз, кое-как успев ухватиться за камень побольше.

Камень лежал непрочно и шевелился. Одно неосторожное движение — и я сверзился бы вместе с ним в ущелье. Повиснув на руках, я безуспешно силился подтянуться, выкарабкаться. Но камень с каждой моей попыткой предательски приближался к краю, и мне много стоило, чтоб удерживаться на локтях в клубящемся облаке тумана.

Я забоялся, что мои верные гули-бьябоны, догоняя меня, пройдут мимо. Вторично сорваться в ущелье, да еще

после такой сверхальпинистской многодневной тренировки? Этого еще не хватало!

Я заорал что было мочи:

— А-а-а-а!..

И тут же вскрикнул еще, но уже от боли, потому что подоспевшая Аа встала мне на пальцы своей мозолистой, поросшей шерстью ступней. Она что-то заурчала, быстрое и весьма продолжительное, будто начала читать мне нотацию. С детства не могу терпеть нравоучений!

Что она говорила, понять я не был способен. Когда одна рука придавлена тушей, весом более центнера, а вторую еле держишься за край обрыва, и все туловище болтается

над бездной, за туманом ничего не видать, ноги судорожно ищут хоть какую-нибудь шероховатость на скале, чтоб зацепиться, — в такие минуты не поймешь и своего родного языка, не то что гули-бьябонского.

А старая Аа с усердием злой няньки все ворчала и ворчала, била себя кулаками в грудь и не собиралась меня вытаскивать. У меня уже мелькнула мысль, что она попросту хочет, чтоб я слетел вниз и больше не причинял им хлопот. Но когда в следующую минуту я, окончательно обесилев, повис на руке, намертво прижатой ногою Аа, стало понятно, что меня спасли.

Подошел Чо. Тоже поворчал немного. Но наклонился надо мною, сгреб меня одной рукой за шиворот, как щенка, поднял и отбросил от края пропасти.

Он, наверное, отчаянно ругался, потому что стал выкрикивать, брызжа слюной и хлопая себя по бокам, такие звуки, которых я не слыхивал от него прежде.

— Чо! — сказал я тогда как можно более покладисто. — Ну, извини, родной. Больше не буду. Честное слово! Дальше мы пойдем все вместе. Все втроем! Ты же сам понимаешь, что этот обрыв, когда торопишься, заметить мудрено...

Я умышленно произносил длинную-предлинную речь. Хитрил. Когда я говорил, Чо и Аа всегда с удовольствием, с почтительным изумлением слушали, заглядывая мне в рот. Человеческая речь завораживает их, как завораживала слушателей в старых уральских сказках вещая птица гамаюн. Однажды Чо даже заставил меня показать ему свой язык. Долго разглядывал его, подергивая своей косматой головой, промышчал что-то удивленное, а потом несколько раз пытался высунуть и свой язык, чтобы посмотреть.

— Больше не буду отлучаться, честное слово! Чо, родненький!.. — не прекращал я потока слов и на разные лады пережевывал одну и ту же мысль, как на семестровом зачете в университете, когда отвечаешь без достаточной подготовки.

И своей речью я успокоил моих гули-бьябонов, чуть не усыпил. Они сели наземь и задремали. А когда они садятся

на ровное место, не на возвышающийся камень, им потом бывает очень трудно подняться: надо сначала встать на четвереньки.

Как сейчас, передо мною в памяти стоит этот ясный день. Мы сидим на маленькой терраске среди каменных громад. Печет солнце, стоящее почти над самой головой. Из пропасти рядом вырываются клубы тумана, вернее, пара: в ущелье бил горячий источник. Благодать! Но я заспешил вниз, в долину, к лагерю, увиденному с вышины, к двум палаткам, где есть люди.

12

Люди!.. Человек!..

Говорят, где-то в Европе есть мимические театры. Когда выберусь из этого каменного плена, попробую организовать такой театр у нас в университете. У меня явные способности мимикой и жестами не только выразить свою мысль, но и сагитировать. Мне удалось уговорить Чо и Аа пойти со мной в долину.

Это было, наверное, потрясающее зрелище, когда перед заходом солнца к лагерю экспедиции Кэнта подошло три человекоподобных существа. Я, оборванный, обросший альпинист, а рядом настороженно сутулящиеся — то ли медведи, то ли гориллы — Чо и Аа.

Мы еще не приблизились и на полкилометра, как весь лагерь зашумел, пришел в движение. Люди с криками «Йети! Йети! Йети!» выскакивали из палаток и бросались наутек в противоположную сторону. Я побежал, чтобы остановить их, Чо и Аа отстали. Когда я домчался до первой палатки, из нее вышел рослый человек с парабеллумом в руке и спросил по-английски:

— Что случилось?

— Икскьюз ми!.. — залепетал я. Все английские слова вылетели у меня из головы. Я тут же проклял свою прежнюю лень в университете и мысленно поклялся себе, что

засяду за иностранный язык, как полагается. — Я русский альпинист... Вот пришел к вам со своими двумя товарищами. Они гули-бьябоны... Я заблудился... Но все ваши, увидев нас, разбежались... Моя фамилия Трофимов...

Человек с парабеллумом мельком осмотрел меня и вперил взгляд на Чо и Аа, которые стояли вдалеке, переминались с ноги на ногу, в нерешительности.

— О-о! — восторженно произнес иностранец и одобрительно цокнул языком, точно так же, как это делал мой Чо, когда чем-нибудь восхищался. Потом спросил по-русски:

— Вы сказали, это ваши товарищи?

— Да, — ответил я. — Это Чо и Аа. Чо трижды спас меня, мы очень подружились.

— Восхитительно! — воскликнул, он, хлопая меня по плечу. — Будем знакомы! Меня зовут Кэнт. — Он слабо пожал мне руку, сунул парабеллум в кобуру и кого-то позвал: — Лакхпа! Лакхпа!..

Но из второй палатки, к которой он обращался, никто не откликнулся.

— Ваши все убежали, — заметил я.

— Шерпы! — усмехнулся Кэнт. — Шерпы очень боятся снежного человека, они испытывают священный страх. Я еще не выяснил, с какими религиозными верованиями это связано. Но какие чудесные экземпляры — ваши товарищи!.. — И Кэнт снова уставился на моих гули-бьябонов.

Чо и Аа, убедившись, что никакая опасность им не угрожает, немного приблизились. Мне даже послышалось, как Чо тихонько и дружелюбно свистнул:

— Вить!

— Иди, Чо, сюда! — поманил я его. — Не бойся. Мы немножко отдохнем, проконсультируемся, где находимся, сориентируемся и пойдем дальше.

Я говорил это не столько Чо, сколько Кэнту. Чо и Аа, как существа безграмотные, конечно, не могли понимать слов «консультируемся» и «ориентируемся». Но они медленно стали подходить к нам. Кэнт пожирал их глазами.

— Где мы находимся? — спросил я. — Я безнадежно потерял ориентировку. Вы мне поможете разобраться по карте и наметить точный маршрут к нашей границе? У вас ведь есть карты этих краев? Мы, наверное, на Каракоруме?

— Карты? — рассеянно переспросил Кэнт. — Да, где-то есть, конечно.

Он совершенно опьянел от присутствия Чо и Аа. Они подошли, настороженно переглядываясь меж собою и вопросительно посматривая на меня. Я говорил какие-то пустяки, чтобы голосом, интонацией успокоить их окончательно. А затем не без гордости представил их Кэнту:

— Знакомьтесь: это Чо, мой названный брат. А это Аа — моя сестра. Я с ними брожу по этим каменным краям уже, наверное, больше месяца. И если бы не они, не эти верные друзья, я давно бы погиб... Это Кэнт! Кэнт! — повторил я несколько раз, объясняя моему Чо, что перед ним человек такой же, как я...

— Кхэн!.. — облегченно выдохнул Чо, и все лицо его сморщилось в доброй улыбке.

— Интересно, по сколько лет этому джентльмену и этой лэди? — весело спросил Кэнт и стал приглашать всех нас в палатку.

Я рассказал ему, что гули-бьябоны предпочитают находиться на открытом воздухе. Кэнт покладисто согласился, быстро развел костер и начал готовить ужин, чтобы покормить нас. Это был очень подвижный, сухощавый пожилой человек с энергичным лицом, на котором сильно выдавались вперед решительный подбородок, орлиный нос, тонкие губы. Одет как альпинист. Короткая, седая и

круто вьющаяся шевелюра, словно мерлушковая шапочка, заменяла ему головной убор.

Он очень быстро и ловко орудовал, распечатывая аргентинскую тушенку, датский сыр, кубинский сахар. На мое предложение пойти поискать его помощников Кэнт ответил беззаботным смехом:

— О, не беспокойтесь! Придут, никуда не денутся. Им некуда идти без продуктов и снаряжения: до ближайшей шерпской деревни десять дней перехода.

Я так соскучился по живой человеческой речи, что болтал без умолку. Кэнт безупречно говорил по-русски, лишь в некоторых словах можно было уловить на звуке «р» иностранный акцент. Впрочем, он больше помалкивал, только поддакивая или спрашивая, а мой язык, словно залегался во рту без движения и теперь работал и работал.

Мистер Кэнт готовил ужин, внимательно слушая меня. Между делом он вынес из палатки новые альпинистские ботинки, куртку и штаны. Я меж разговорами переоделся и продолжал рассказывать о своих злоключениях. Чо и Аа сидели рядом на камнях, тоже слушали меня, будто все понимали, даже кивали в знак согласия и с любопытством принимались к разогреваемому в котле мясу. Да и у меня самого от этого аппетитного аромата настоящей человеческой кухни кружилась голова, я еле успевал проглатывать набегавшую слюну.

Кэнт, нарезая хлеб, протянул гули-бьябонам по ломтю. Чо долго и недоверчиво обнюхивал новую для него пищу, исподлобья следя за мной. Я тоже поспешил взять кусок хлеба, чтобы показать, что это съедобно и вкусно. После долгих дней питания сырым мясом не рассчитаешь силы надкуса, и зубы мои лязгнули. Хлеб был величайшим наслаждением. И после меня Чо с Аа мгновенно съели свои куски, попросили еще, и Кэнт скормил им почти все свои запасы.

К горячему мясу они сначала не притронулись. Тогда я разложил куски перед ними на камне. Когда мясо остыло, Чо наклонился к нему, облизался как-то прямо по-зверино-

му и проглотил все дочиста, ничего не оставив Аа, которая, намявшись хлеба, видимо, задремала.

— Чо! Как тебе не стыдно! Обжора несчастный! — пожурил я его.

Но Чо в ответ лишь пробурчал что-то добродушное, потом сонливо помигал смешливыми глазами и придвинулся поближе к костру.

На лагерь Кэнта опускалась ночь.

13

— Давайте, Виктор, немного поработаем,— предложил мистер Кэнт, когда стало совсем темно, и в костре светились только тусклые угольки, подернутые золой.— Я привык работать каждый день, а сегодня еще не пришлось.

Он вынес из своей палатки блокноты и один подарил мне. «В знак величайшей дружбы и уважения», как он сказал. Затем дал и карандаш.

— Заметьте: карандаш советский. Я совсем недавно был у вас в России, я очень люблю русский характер, много читал Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого... Давайте, я запишу все, что произошло сегодня. Кроме того, вы продиктуете мне свои наблюдения над снежными людьми в естественной обстановке, пока в памяти все свежо.

Угли в костре угасли, окончательно покрывшись золой. Кэнт зажег коробчатый электрический фонарь со стеклянными обрешеченными стенками, вроде таких, как у проводников

в поездах. Чо спал, уткнувшись лицом в грудь Аа. Она, кажется, бодрствовала! Во всяком случае, я несколько раз видел, как на ее слабо освещенном и неподвижном лице

нет-нет, да и приоткроется один глаз. Так делают очень умные сторожевые собаки.

Мы с Кэнтонем говорили чуть не до утра. Теперь я припоминаю, как хитро он строил нашу беседу. Он подробно расспрашивал обо всем и подхваливал меня за мужество, за выносливость, за умение сохранить высокий дух в самую тяжелую минуту, даже за то, что я смог питаться сырым мясом пищухи. Я делился своими наблюдениями, а он записывал. Теперь я склонен думать, что Кэнт нарочно изматывал меня вопросами, чтобы я покрепче уснул.

Но тогда мое настроение было столь ликующим, что я ничего не замечал. Кэнт обещал мне всячески помочь вернуться домой. Он много рассказывал мне о снежном человеке. Чо и Аа, оказывается, наиболее крупные, редкие особи. По свидетельству местных жителей — шерпов — бывают еще и совсем маленькие йети. Кэнт посвятил поискам снежного человека почти половину своей жизни, верил в его существование. Ведь обнаружено же, оказывается, в 1901 году в северо-восточной части Конго крупное животное окапи, о котором никто до той поры не знал. А края,

где мы находимся, изучены в двадцатом веке гораздо меньше, чем Африка в девятнадцатом.

Если мне удастся выбраться из этих гигантских горных лабиринтов, я посвящу себя изучению предков человека. Чо и Аа и убитая Уа, несомненно, — родственники романипитекам, чьи зубы и челюсти, рассказывал Кэнт, найдены на южных склонах Гималайского хребта. А может быть, они сходны с тигантопитеками, чьи остатки обнаружены в пещерах Южного Китая. Так или иначе, мои гули-бьябоны — «пред-люди», наши несчастные дикие предки.

С такими мыслями, помнится, я и уснул под монотонное научное повествование Кэнта. Во сне мне удилось, что я вместе с Чо и Аа иду по городу Свердловску. Чо — в модном костюме, в ботинках, при галстукe, который ему чрезвычайно мешает. Аа держится за него под руку, но почему-то босая: наверно, не нашлось ничего подходящего из обуви на высоком каблукe. Все трое мы пересекаем улицу, чуть не попадаем под трамвай, еле слышно зазвеневший, и Аа шепчет мне на ухо:

— Гу! Гу!..

«Гу» означает опасность. Я невольно проснулся, быстро сунув руку в карман за своим ножом. Ножа не оказалось, я его забыл в старых штанах. Кругом было тихо. Светало. Продрав глаза, я осмотрелся.

Невдалеке стоял Кэнт со связкой каких-то блестящих предметов в руке. А в нескольких шагах от него за огромным камнем притаились Чо и Аа. У Чо было такое страшное выражение лица, что у меня мурашки по спине побежали.

— Гу! Гу! — тихо подавала мне сигнал Аа.

— Уот ду ю ду? Что вы делаете? — закричал я Кэнту неожиданно для себя по-английски.

Кэнт подошел ко мне, бледный и дрожащий. Он сел рядом, обнял меня за плечи свободной рукой. И я с ужасом увидел, что у него целая связка стальных наручников — кандалы не кандалы, но специально сделанные кольца на прочных цепях.

— Молодой человек, — торопливо заговорил Кэнт. — Не будем медлить. Нам с вами надо доставить эту пару йети в Европу живыми. Это в десять тысяч раз эффективнее, чем привезти шкуры. Шкуры могут быть поставлены под сомнение: снежный человек или нет? А живые экземпляры!.. Это понимаете, что такое? Это будет наша с вами слава, как ученых, путешественников, следопытов! Это богатство. Вся Европа будет у наших ног! Все газеты мира заговорят о нас!.. Вся Европа!..

— Зачем мне Европа? — спросил я. — Мне надо на Урал, скоро начало учебного года, а у меня хвост по спецкурсу, надо зачет сдавать...

Помнится, я говорил ему еще что-то подобное, неуместное: настолько был поражен его предложением. Я категорически отказался полонить гули-бьябонов. Ну как я мог предать моего родного Чо, который не однажды выручал меня из беды?

Но Кэнт не унимался. Он заклинал меня помочь ему захватить хотя бы одного. Сам он не сумел одеть наручники: гули-бьябоны очень чутки к опасности. А мне, по мнению Кэнта, сделать это было бы легче легкого.

— В конце концов вы русский и большевик, — увещевал меня Кэнт. — Разве не в ваших интересах доставить цивилизованному миру самое веское и живое доказательство правильности учения Дарвина о происхождении человека?

Из-за дальнего хребта, что обрамлял долину, в которой мы сидели, взошло малиновое солнце. Я с содроганием в душе смотрел на связку стальных наручников, брошенных Кэнтом наземь. Красные солнечные лучи пронизывали воздух почти горизонтально, и темно-алые блики засверкали на кандалном металле. Казалось, наручники обагрились кровью.

— Как можно? — сказал я Кэнту. — У этих живых существ нет ничего. Ни крова, ни богатства, ни материальных благ. Даже нет одежды. Ни-че-го! Единственное, что у них есть, — это свобода. И вы хотите отнять у них свободу? Нет!

Мне удалось убедить Кэнта, что можно заняться изучением гули-бьябонов, не обижая их, относясь к ним, как равный к равным. Кэнт начал лихорадочно исписывать свой блокнот. Весь день прошел спокойно, если не считать мелочей. Кэнт ругался на всех языках мира, когда выяснилось, что кто-то из шерпов с перепуту разбил фотоаппарат. Затем попробовали сбежавших разыскивать в окрестностях. Но Чо с Аа не отходили от меня ни на шаг, и если бы даже кто-нибудь из проводников и носильщиков экспедиции Кэнта был поблизости, то все равно убежал бы дальше, увидев гули-бьябонов.

А Кэнт не оставлял мысли осуществить задуманное. Он все время возобновлял разговор на эту тему. Я еще и еще раз говорил о чудовищности его плана — захватить Чо и Аа и увести в Европу. А он то предлагал мне взять одного из них к себе в Советский Союз, то пулушутя грозил, что сдаст меня местным властям, намекнув, что мы находимся далеко от границы СССР. С какими только подзаходами Кэнт ни пытался воздействовать на меня!

Что я мог сделать? У тех, у кого есть все человеческие блага, и то отнимать свободу — позор. Что я, колонизатор какой-нибудь, что ли!..

И Кэнт менял, как говорится, пластинку, рассуждал о странностях русского человека (советского, — поправил я). Потом начал безудержно хвалить меня, сказал, что уральцы — народ особенный. Я все это старался не замечать. Сильной и красивой выглядела в его комплиментах моя личность.

Наверное, поэтому ночью, когда я вдруг неожиданно проснулся, оказалось, что на мне стальные наручники. Кэнт, только что защелкнув тяжелые браслеты, соединенные цепью, сидел на корточках против меня и светил фонарем мне в лицо.

— Хеллоу, уралец! — зло сощурился мистер Кэнт. — Предлагаю выбор: или вы обеспечиваете мне хотя бы один

живой экземпляр снежного человека, и я гарантирую вам доставить вас в Советский Союз. Или я буду вынужден удовольствоваться шкурами, но тогда и какая-то пуля ваша. Свидетелей здесь нет на двести — триста километров вокруг.

Он похлопал по кобуре своего парабеллума.

Я пнул его сколько было сил, сразу обеими ногами. Фонарь погас.

— Чо! Аа! — закричал я по-гули-бьябонски. — Гу!.. Гу!.. Спасайтесь, друзья! Спасайтесь!

В крошечной тьме, к которой еще не успели привыкнуть мои глаза, лишь угадывался откуда-то стреляющий Кэнт. Я пригнулся и кинулся наугад в сторону, присел, сделал еще бросок, но скованные руки не давали возможности быстро передвигаться среди каменных глыб. На мое счастье, следующим прыжком я ткнулся головой прямо в грудь Аа. И еще через мгновение могучие, заросшие шерстью руки подхватили меня, взвалили на спину и понесли.

Выстрелы Кэнта стали быстро отдаляться, редеть и, наконец, умолкли. Глаза постепенно приспособились к тем-

ноте, и я начал различать окружающее. Цепи гор вокруг. Цепь на руках. Горы, горы и горы...

Рассвет мы встретили на той самой терраске, где я чуть не сорвался в ущелье, из которого вырывались облака тумана. Я попробовал разбить о камни стальные браслеты на своих руках или хотя бы порвать цепь, соединяющую их. Я в ярости метался от одной скалы к другой, выбирая край поострее. Я колотил увесистыми камнями по металлу. Но тщетно. Наручники были рассчитаны на гули-бьябонов.

Чо и Аа наперебой помогали, едва не вырвали мне руки из плеч, но тоже не сумели ни порвать цепи, ни раскрыть браслетов.

— Понимаешь, ключ у Кэнта, — объяснял я озадаченному Чо, показывая на маленькие отверстия в замках кандалов. — Вот сюда вставляется ключ, поворачивается, и — чик — руки освобождаются. Но ничего, брат, не сделаешь: ключ у Кэнта. Понимаешь, у Кэнта.

Чо буркнул что-то успокаивающее, распорядился ждать его и пошел назад, оставив нас на терраске возле пропасти.

— Дождись темноты. Ночью лучше, — крикнул я ему вслед. Но Чо скрылся.

Мы сидели со старой Аа и смотрели, как над ущельем клубится туман. Пронзенный солнечными лучами, он то переливался радугой, подымаясь легким облаком, то сгущался до снежно-белого и вылетал тяжелыми комьями, устремляясь к влажным скалам в стороне.

Я думал об удивительной догадливости Чо, о его природном уме, о прекрасных чертах сильной натуры гули-бьябонов. Неужели Чо удастся достать ключ? Ему, возможно, придется для этого убить Кэнта. А может быть, и Кэнт убьет его. И если даже Чо выйдет победителем, как он отыщет ключ, которого никогда не видел и не знает, каков этот ключ.

Я очень волновался. Я, наверное, ни разу в жизни за все свои двадцать лет не волновался больше, чем тогда. Внешне спокойная Аа словно окаменела, и я сперва позави-

довал ее тупым нервам. Но потом увидел, что губы у нее, выпуклые морщинистые губы, дрожат, как у девчонки.

— Милая Аа!..

Я пододвинулся к ней, положил голову ей на плечо. И она по-матерински обняла меня.

15

Чо появился неожиданно для нас, потому что мы с Аа задремали на солнышке. Прямо в охапке, как беремья дров, он притащил обессиленного мистера Кэнта.

У Кэнта был настолько измученный вид, что его стало жалко. Я тряпка. Я пожалел врага. Жалость унижает друга, но врагу придает силы, а, главное, размягчает собственный мозг и делает человека менее сообразительным. Я не догадался улучшить минуту и забрать у Кэнта парабеллум, когда Чо опустил свою тяжелую ношу передо мной. Я вежливенько попросил Кэнта разомкнуть мне наручники.

Он долго шарил по всем карманам, начал хныкать и оправдываться, перемешивая в речи русский с английским:

— Вы поймите меня, мистер Виктор. Вы же сами ин фючюр — ученый человек. Я полжизни отдал проблеме снежного человека. Я должен привезти хотя бы один экземпляр в Европу. Я передал бы его в эксцелент — отличный зоологический сад и стал бы богатым ученым. Я истратил все сбережения на эту экспедицию...

— В зоопарк? — перебил я его. — В клетку?

— Ему там было бы лучше, — настаивал Кэнт. — Здесь, в холодных горах, он все равно вымирающее животное.

— Он не животное! — запальчиво возразил я.

Тут Кэнт, наконец, отыскал ключ и раскрыл мне браслеты. Чо, следивший за каждым его движением, сразу схватил Кэнта в охапку, наверное, чтобы отнести назад в лагерь. Но Кэнт как-то вырвался, отскочил и выхватил парабеллум.

Чо рассердился. Он заревел, как медведь, и ринулся на Кэнта. Я не успел вмешаться. Кэнт выстрелил и попал мне в плечо. Разрывная пуля вырвала клочок мяса, брызнула кровь, и Чо, увидав ее, навалился на Кэнта.

Кэнт поддался не сразу. И пока Чо, подняв на руках, задушил его, прогремело еще шесть выстрелов. Шесть разрывных пуль бедный Чо не выдержал. Он размахнулся по-богатырски, чтоб кинуть труп Кэнта в ущелье, шагнул вперед, покачнулся и сам повалился в бездну.

16

Плечо мое не заживает. Пока старая Аа вытаскивала мертвого Чо со дна пропасти и замуровывала его по гули-бьябонскому обычаю в скалах, я помогал ей и работой заглушал боль. Но, когда кончили похоронный ритуал, я обессилел, и Аа потащила меня на себе. Потом мы возвращались, мне хотелось разыскать лагерь Кэнта. Не получилось.

Вот уже который день мы идем на северо-запад. Я твердо надеюсь дойти до своей страны. Правда, я ослабел, и двигаемся мы медленно, а этим снежно-каменным волнам пустыни нет конца.

На привалах я делаю эти записи в блокноте, подаренном проклятым Кэнтом. Мы много разговариваем с Аа, я уже знаю, наверное, все слова небогатого гули-бьябонского языка, который состоит из одних только звуков, выражающих то или иное чувство.

Может быть, я не дойду, и старая Аа замурует меня в скалах: ведь я теперь почти гули-бьябон. Мы второй день идем по вершинам какого-то бесснежного кряжа, и я решил, так как и блокнот и карандаш кончаются, сложить на какой-нибудь вершине из камней пирамидку позаметнее и спрятать эти записи. Будет время, и в этих местах пройдут настоящие следопыты и обнаружат приятный сюрприз для себя...

А я все равно дойду!.. И мне будет жаль расставаться со старой Аа...

Я спрашиваю ее, страшно ли ей остаться одинокой. Нет, она не боится одиночества. Она говорит, что разыщет всех остальных гули-бьябонов, расскажет им историю с Кэнтон и строго-настрого накажет-всем, чтоб они никогда, ни при каких обстоятельствах не встречались с людьми, тщательно избегали встреч с человеком.

Я плетусь за нею, и голова моя в огне. Ну, как объяснить старой Аа, что люди на земле разные: смотря из какой страны они придут в эти богатые, таинственные края...

На этом кончаются фантастические записки студента Виктора Трофимова.

Комментарии

Михаил Грешнов. Последний неандерталец

Впервые в альм. «На суше и на море», вып. 8, 1967-68 (М., 1968) с подзаг. «Фантастический рассказ».

М. Н. Грешнов (1916-1994) – советский фантаст. Работал сельским учителем, директором сельской школы. Автор десяти сборников рассказов.

С. 19. *...русского профессора Поршнева* – Имеется в виду известный советский историк и социолог Б. Ф. Поршнев, работавший в Институте всеобщей истории АН СССР. В 1950-х гг. увлекся и много занимался проблемой снежного человека, кот. считал сохранившимся до наших дней реликтовым гоминидом.

Геннадий Прашкевич. Я видел снежного человека

Впервые в изд.: «Собеседник: Сборник для юношества», вып. 1 (Новосибирск, 1974), под псевд. Геннадий Гончаров. Публикуется по этому изданию.

Г. Прашкевич (р. 1941) – видный современный русский писатель-фантаст, поэт, переводчик, автор мемуарных книг, очерков по истории русской фантастики и пр. Первые рассказы и стихотворения опубликовал, будучи еще школьником. По образованию геолог. Работал в лаборатории раннего палеозоя Института геологии и геофизики СО АН СССР (1959-1965), в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного научно-исследовательском института СО АН СССР (1965-1971), Западно-Сибирском книжном издательстве (1971-1983), с геологическими и палеонтологическими экспедициями работал на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке, Курильских островах. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат многочисленных премий.

Интерес к проблеме снежного человека возник у Пращкевича в ранней юности, о чем он с юмором рассказал в мемуарной книге «Малый бедекер по НФ, или Книга о многих превосходных вещах» (2002):

«В начале 50-х годов прошлого века воображение советских людей было занято двумя основными темами: Атлантидой и снежным человеком. Ну понятно, сперва шла борьба за мир, а уж потом Атлантида и сноумены. <...>

Понятно, я не мог пройти мимо таких актуальных тем. Тем более (я перешел в седьмой класс) в городской газете «Тайгинский рабочий» только что появился мой первый научно-фантастический рассказ «Остров туманов».

В известной библиографии Н. Мацуева после указания *Поповский А. Дружба. Повесть. М. «Сов. пис.», 1935* указаны всего три рецензии: «*Так называемый писатель Павловский*», «*Жив Курилка*» и «*Еще о так называемом писателе Поповском*». Если бы на мой рассказ откликнулись критики, боюсь, тремя рецензиями дело бы не закончилось.

К счастью, критики не откликнулись, и я один за другим написал несколько научно-фантастических романов, актуальных, как я полагал: «Под игом Атлантиды», «Горная тайна» и «*Contra mundum*».

Единственное, что могу сказать в оправдание, что, как это ни странно, не в столь уж далеком будущем из указанных выше набросков вышли научно-фантастические повести «Разворованное чудо», «Мир, в котором я дома» и «Шпион в юрском периоде», что, безусловно, подтверждает любимый мною тезис о том, что человек полностью проживает всю свою будущую жизнь в период где-то с пяти до пятнадцати лет.

После этого уже ничего не происходит.

Ну, может, некоторый упадок.

«Первым из европейцев увидеть снежного человека посчастливилось греческому путешественнику Тамбоци, — смело писал я в романе «Горная тайна». — Тамбоци увидел сноумена в районе пика Кобру, на высоте примерно в пять тысяч метров. Грека сильно поразила огромная согнутая тень, нагнувшаяся над хрупкой веточкой рододендрона, а потом быстрота, с какой слинял в сторону ледяных развалов испуганный сноумен. Никогда больше, — писал я с несколько преувеличенной озабоченностью, — грек не встречал сноумена».

Шерпы, сообщал я будущим читателям, – смелый и выносливый народ.

Они живут в горах. Среди них нет ни одного, кто не имел бы пары сильных, мускулистых ног и мощной спины, привыкшей к переноске тяжестей. *«Шерп Тарке, – писал я, – брел по гладкой, как зеркало, поверхности ледника Бирун. В одном месте – (очень похожем на заснеженный пустырь за ремонтирующимся рабочим клубом имени Ленина) – шерп наткнулся на большие следы босых ног».* Если бы нашего соседа машиниста Петрова прогнать босиком по снежному пустырю, несомненно, след остался бы не менее крупный. Понятно, шерп насторожился. *«Его крепкие руки в любой момент готовы были сорвать с плеча тяжелое заряженное ружье, выхватить из-за пояса кривой тяжелый нож кукри или схватить тяжелую ледяную глыбу, множество которых валялось вокруг».*

Да и сам по себе шерп не был придурком. «Я, блин, гоблин, а ты, блин, кто, блин?» Увидев следы, он рванул подальше от опасного места, тем более что *«...бледное гималайское небо начало уже темнеть, скрывая в клубящихся тающих облаках заснеженную вершину тяжелого Эвереста».*

Но шерпу пошла непруха.

В узком ледяном ущелье он наткнулся на сноумена.

Скажу сразу, сноумен не был взят из головы, у него был реальный прототип в жизни. Я писал своего сноумена с некоего Паюзы – сопливого сволочонка годами двумя старше меня, с сапожным ножом за голенищем. Одежды на сноумене вообще не было (единственное отличие от Паюзы), зато морда в волосах, в синяках, зубов маловато.

И был он глух, как Бетховен.

Последняя находка меня неимоверно радовала, что-то такое я слышал по радио.

Понятно, что шерп в ужасе упал на колени. *«Врожденное суеверие и страх костром вспыхнули в его гордом сердце».*

Фраза о врожденном суеверии казалась мне безупречной.

Снежные пики, курящиеся сухим снегом склоны, небесная голубизна, пропасти, разверзающиеся под ногами, – действительно сильная красивая вещь получалась. Вроде тех клеенчатых ковриков с лебедями и русалками в сатиновых лифчиках, которые продавались на местном рынке. Сноумены (галуб-яваны, тхлх-мунги, йети), писал я, были вовсе не глупы, просто опустились из-за недоедания. Снежные Гималаи могли предложить им только голубоватую траву, про которую тогда много писал известный

астроном Г. А. Тихов, а спуститься вниз, в теплые, обитаемые долины, напасть на питательных горных коз снежные люди не догадывались. А договориться с редкими путешественниками вроде того грека Тамбоци мешала им глухота.

Да и не люди они были, наносил я сюжетный удар будущим читателям.

Межпланетный корабль марсиан потерпел катастрофу на леднике Бирун и в живых остались только два члена экипажа. Один, изнуренный недоеданием, сразу сдался высокогорному пограничному наряду некоей азиатской страны, входящей в агрессивный военный блок СЕАТО.

Понятно, хорошо бедолаге не стало.

Взяли сноумена на болевой прием и приволокли в комендатуру, где он не выдержал допроса с пристрастием и умер.

Зато второй попал в руки советских исследователей.

Теорему Пифагора, начертанную перед ним на снегу, изголодавшийся марсианин принял с таким же восхищением, как и добрый кусок свиного сала. А потом был торжественный прием в Кремле, отправка марсианина на родину, долгие пламенные речи, ну и все такое прочее.

Через много лет на литературном семинаре в Дубултах фантаст Александр Иванович Шалимов, человек деликатный и воспитанный, действительно подтвердил, что в тридцатые годы, когда во многих районах Памира еще хозяйничали басмачи, к советским пограничным заставам иногда спускались с ледников хмурые галуб-яваны. Случалось, что они попадали в руки непреклонных чекистов. Ответить на резкие, в упор поставленные вопросы – кем подослан? на кого работаешь, падла? признаешь ли диктатуру пролетариата? – галуб-яваны, даже при некоторой их инстинктивной расположенности к новым властям, ответить не могли, потому что были глухи, как Бетховен. Ну, их и ставили к стенке. А Александр Иванович (тогда геолог) никак не успевал вовремя поспеть к месту происшествия. «Но однажды... – волнуясь, возвысил голос Александр Иванович. – Однажды... Неподалеку от нашего лагеря... Непреклонные ч-ч-чекисты... Схватили самку... Самку... Самку... – волнуясь повторял он. – Самку...»

Пришлось уважительно подсказать:

– ...басмача!»

С. 24. ...*лерв* – Лерва (Lerva lerwa) – снежная куропатка, обитает на склонах гор и в ущельях Гималаев и высокогорных массивов Китая на высоте 2900-5500 м.

С. 27. ...*сераком* – Серак – ледяной пик на передней кромке ледника; очень нестабилен и крайне опасен для альпинистов.

С. 28. ...*тхлох-мунге* – Также тхлох-мунг, «горный дикарь» на языке народа лепча, населяющего Сикким и некоторые районы Бутана и Непала.

Фредерик Браун. Ужас Гималаев

Впервые в журн. «Dude» (март 1960) под назв. «Abominable».

Ф. Браун (1906-1972) – один из классиков американской фантастики, автор около 30 детективных и НФ-романов и многочисленных рассказов. Начал свою карьеру как наборщик и корректор в «Милуоки джорнэл». Мастер «ультракоротких» и часто юмористических рассказов с неожиданными сюжетными поворотами и концовками.

Кэрол Эмшвиллер. Отвратительные

Впервые в антологии «Orbit-21» (1980).

К. Эмшвиллер (р. 1921) – американская писательница-фантаст, лауреат многочисленных премий, включая премию им. Ф. К. Дика, «Небьюла» и Всемирную премию фэнтэзи; помимо НФ-произведений, написала также несколько романов-вестернов. Ее фантастические произведения причисляют к экспериментальному и «последовательно феминистическому» (У. ле Гуин) направлению в фантастике.

С. 57. ...*Эго...Суперэго... Ид* – Психологические структуры, предложенные З. Фрейдом для описания человеческой психики, соответственно «Я» во взаимодействии со внешним миром, «Сверх-Я» (совокупность морально-этических установок) и «Оно» (бессознательная часть психики).

С. 62. ...«*в тени человека*» – Намек на знаменитую одноименную книгу (1971) выдающегося приматолога и антрополога Джейн Гудолл (р. 1934) о ее работе по изучению диких шимпанзе.

Джей Лейк. Жирняга

Д. Лейк (наст. имя Джозеф Э. Лейк-мл., 1964-2014) – американский фантаст, автор многочисленных романов и рассказов, лауреат премии Д. Кэмпбелла (2004) как лучший новый автор НФ. В 2008 заболел колоректальным раком, вел прославивший его блог, где откровенно рассказывал о своей болезни и борьбе со смертью.

В предисловии к новелле «Жирняга», опубликованной в антологии «The Mammoth Book of Monsters» (2007), Лейк писал:

«“Жирняга” был написан лет через пять после того, как я перебрался на тихоокеанский северо-запад. Меня всегда влекла фортеана, и особенно криптозоология. Снежный человек – вероятно, второй самый известный криптозоид в мире после Несси.

Здесь у нас, конечно, страна снежных людей, земля, где история еще нова и все еще царствуют деревья. В нескольких милях от моего дома сохранились (вы их знаете) куски Старого Леса. И вот я задался вопросом: а что если снежный человек – совсем не то, что мы себе представляем? Что если это – Старый Лес, вызывающий к шрамам истории, которые люди Запада только недавно начали понимать?

“Жирняга” является моим ответом на этот вопрос».

С. 64. ...*заповедный лес Маунт-Худ* – Официально Национальный лес Маунт-Худ, природный заповедник с поросшими лесом горами, лесами и озерами, основанный в конце XIX в. примерно в 100 км восточнее Портленда. Здесь и далее все географические привязки в новелле реальны, за исключением самого городка Шведен (Sweden), чье название намекает на сравнительно большое количество иммигрантов из Швеции, поселившихся в Орегоне в конце XIX-нач. XX вв.

С. 65. ...«*Ругер Дирфилд*» – Карабин производства фирмы Sturm, Ruger & Co., производившийся в 2000-2006 гг.

С. 65. ...скользкий *Билли* – Прозвище Уильяма (Билла) Клинтона (р. 1946), президента США в 1993-2001 гг.

С. 67. ...*Джерри Спрингеру или выступает в программе «20/20»* – Речь идет, соответственно, о знаменитом американском телеведущем (р. 1944) и новостном тележурнале компании ABC, начавшем выходить в эфир в 1978 г.

С. 67. ...«*вагонера*» – Различные модификации этой марки джипов выпускались в 1963-1993 гг. Почти все упомянутые далее марки автомашин сильно устарели на момент описываемых событий, что подчеркивает бедность жителей захолустного городка.

С. 72. ...*Натана Хэйла* – Натан Хэйл (1755-1776) – герой Войны за независимость США, разведчик, пойманный англичанами в Нью-Йорке и позднее казненный.

С. 72. ...*в тумане стреляли горилл* – Намек на известный кинофильм «Гориллы в тумане» (1988) о работе зоолога Диан Фосси, изучавшей горных горилл в Руанде.

С. 75. ...*Супер Боул* – Финальная игра ежегодного чемпионата по американскому футболу Национальной футбольной лиги США, крупнейшее спортивное событие года и фактический национальный праздник.

С. 79. *Я ему не сторож...* – Слова Каина: «Разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9).

С. 86. ...*на Луну на крыльях из паутины* – Цитата из популярной песни Коула Портера «Одна из таких вещей» (1935).

С. 90. ...*агента Малдера* – Агент Фокс Малдер – главный герой культового телесериала «X-Files» («Секретные материалы», 1993-2002); роль его исполнял Д. Духовны.

С. 91. ...*заместителя Гавка* – Имеется в виду герой телевизионной серии мультфильмов начала 1960-х гг., пес, служащий заместителем шерифа в различных штатах.

С. 102. ...*Ефрем Цимбалист-младший* – Американский актер (1918-2014), прославился ролью инспектора ФБР Льюиса Эскина в

телесериале «ФБР» (1965-1974), на которую его лично благословил директор Бюро Д. Эдгар Гувер.

С. 105. ...*Уилламетт* – Река в штате Орегон, приток р. Колумбия.

Михаил Розенфельд. Ущелье алмасов

Впервые: «Молодая гвардия», 1936, № 1. Первое отдельное изд. М., 1936. Повесть была экранизирована по авторскому сценарию реж. В. Шнейдеровым в 1937 г. под назв. «Ущелье алмасов». В 1955-1962 гг. вышла тремя отдельными изд. и в авторском сб. «Избранное». Публикуется по первому послевоенному изд. (М., 1955) с исправлением устаревшего написания некоторых слов.

С. 149. ...*аргали* – Горный баран, архар.

С. 182. ...«*виктролу*» – Виктрола – напольный граммофон, выпускавшийся в первой половине XX в. американской фирмой «Victor Talking Machine Company»; роль усилителя звука играл корпус с отделениями для хранения грампластинок.

М. Черненко. Об авторе этой книги

Впервые в качестве предисловия к указанному выше изд. 1955 г. В биографическом очерке опущены детали работы М. К. Розенфельда как военного корреспондента: он участвовал в военных операциях в Манчжурии в 1929 г., в гражданской войне в Испании и в конфликте на Халхин-Голе (1939).

Геннадий Старков. Брат гули-бьябона

Впервые в журн. «Уральский следопыт», № 1-3, 1959. Публикуется по этому изданию.

Автор повести, скрывшийся под псевд. «Геннадий Старков» – писатель, журналист В. К. Очеретин (1921-1987). Родился в семье журналиста. После ареста родителей в 1937 г. учился в Кизеле, работал во Владивостоке, Иркутске, Кизеле, Свердловске маляром, грузчиком, чертежником, репортером, артистом кукольного театра, внештатным корреспондентом в газ. «Уральская кочегарка». В годы Второй мировой войны ушел добровольцем на фронт, автоматчиком танкового десанта прошел от Орла до Берлина и Праги. После войны окончил отделение журналистики историко-филологического факультета и Высшие литературные курсы СП СССР, с 1950 г. опубликовал ряд романов и повестей о тружениках Урала. В период публикации «Брата гули-бьябона» был главным редактором журн. «Уральский следопыт», с 1968 г. главный редактор журн. «Урал».

Повесть «Брат гули-бьябона» являлась двойной мистификацией: в оглавлении она значилась как «Записки В. Трофимова», в подзаг. (в № 2-3, 1959) – как «Записки, переданные «Уральскому следопыту» Геннадием Старковым»; художественный характер произведения нигде не был указан, а слова о «фантастических записках» в последней фразе повести могли быть поняты двояко. Все это, конечно, производило известное впечатление на читателей, тем более что публикация повести непосредственно следовала за невероятной шумихой по поводу снежного человека в советской прессе и экспедицией АН СССР по поиску снежного человека на Памире (1958).

Хотя настоящее имя автора повести было известно в писательских кругах и среди некоторых любителей фантастики, широкой публике его впервые раскрыли В. Крапивин, С. Аксененко и А. Кердан в повести «Трое в “копейке”, не считая зайца Митьки» (2002): «Заглядывал Вадим Кузьмич Очеретин, который в ту пору публиковал в “Следопыте” под псевдонимом умопомрачительную приключенческую повесть о снежных людях “Брат гули-бьябона”. Повесть пользовалась весьма живым интересом у читателей, но официальной критикой была встречена “неоднозначно”. Истинное авторство “Брата гули-бьябона” для всех для нас было секретом Полишинеля, и мы обсуждали эту вещь с молодой горячностью».

Оглавление

М. Грешнов. Последний неандерталец	7
Г. Прашкевич. Я видел снежного человека	21
Ф. Браун. Ужас Гималаев. <i>Пер. А. Елькова, Ю. Копцова</i>	47
К. Эмшвиллер. Отвратительные. <i>Пер. В. Барсукова</i>	51
Д. Лейк. Жирняга. <i>Пер. В. Барсукова</i>	63
М. Розенфельд. Ущелье алмасов	107
<i>М. Черненко. Об авторе этой книги</i>	202
Г. Старков. Брат гули-бьябона	206
Комментарии	279

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.